

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Глобальная турбулентность
при смене мироустройства*

*Global Turbulence
in the Changing
World Order*

ТОМ 17 • НОМЕР 2 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 2 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентерберри, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.00

Содержание

Социальные трансформации

ВОЛОДЕНКОВ С.В. Нейросетевые алгоритмы в актуальных процессах трансформации традиционных мировоззренческих и идеологических систем 6–30

ЧЕРНЕНКО И.М. Риски развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации 31–53

Особенности современного экономического развития

МАЛЬЦЕВ А.А. Возможные направления развития международной торговли в периметре глобальных цепочек создания стоимости в условиях новой реальности 54–79

ЧЕРКАСОВ В.Ю. Оптовые цифровые деньги центральных банков и новые возможности межбанковских расчетов с перспективой выхода на международные транзакции 80–102

Международное и национальное право

НОВИКОВА О.В. Эволюция формы ТНК в контексте функционального анализа права 103–120

Азия: вызовы и перспективы

ВЕРХОЛОМОВ С.А. Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. 121–134

ВАХРУШИН И.В., НИКОЛАЕВ Н.А. Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества 135–152

Проблемы Старого Света

СБИТНЕВА А.И. Этноэкономика Европы: турецкий сегмент 153–167

Российский опыт

ЗУЕВ В.Н., ОСТРОВСКАЯ Е.Я., ЛЕВИНА В.А. Потенциал сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР в условиях санкций 168–188

ПЛЮЙКО А.Ю. Особенности межрегионального и приграничного сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС 189–205

Вокруг книг

ЛЕВИТ С.Я. Диалог с миром: размышления о судьбе цивилизации и личности в эпоху глобальных преобразований (обзор) 206–221

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Tokunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.00

Contents

Social Transformations

VOLODENKOV S.V. Neural Network Algorithms in Current Processes
of Transformation of Traditional Worldview and Ideological Systems 6–30

CHERNENKO I.M. Risks for the Development of the Russian Human Capital
in the Context of Geoeconomic Fragmentation 31–53

Specifics of Modern Economic Development

MALTSEV A.A. Possible Contours of Developing International Trade
in the Perimeter of Global Value Chains under the Conditions of New Reality ... 54–79

CHERKASOV V.YU. Wholesale Central Banks Digital Currencies
and New Opportunities for Interbank Settlements with the Prospect
of Entering International Transactions 80–102

International and Internal Law

NOVIKOVA O.V. The Form of the Multinational Enterprises:
The Evolution in the Context of the Functional Analysis of Law 103–120

Asia: Challenges and Perspectives

VERKHOLOMOV S.A. The Transformation of International Relations
in East Asia at the End of the XX – Early XXI Centuries 121–134

VAKHRUSHIN I.V., NIKOLAEV N.A. Risks of Institutionalization
of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust
in the Shanghai Cooperation Organization 135–152

Problems of the Old World

SBITNEVA A.I. Ethnoeconomy of Europe: Turkish Segment 153–167

Russian Experience

ZUEV V.N., OSTROVSKAYA E.YA., LEVINA V.A. Potential for Cooperation
between Russia and MERCOSUR under Sanctions 168–188

PLIUIKO A.YU. Unique Features of the EAEU Interregional
and Cross-border Cooperation 189–205

Spotlight on New Academic Arrivals

LEVIT S.YA. Dialogue with the World: Reflections on the Fate of Civilization
and Personality in the Era of Global Transformations (Review) 206–221

Социальные трансформации

УДК 32.019.51

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.01

Нейросетевые алгоритмы в актуальных процессах трансформации традиционных мировоззренческих и идеологических систем

Сергей Владимирович ВОЛОДЕНКОВ

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры
государственной политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

ЦИТИРОВАНИЕ: Володенков С.В. Нейросетевые алгоритмы в актуальных процессах трансформации традиционных мировоззренческих и идеологических систем // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 6–30.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.01

Статья поступила в редакцию 10.12.2023.

Исправленный текст представлен 29.01.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

АННОТАЦИЯ. Настоящая работа посвящена определению потенциальных рисков, вызовов и угроз интенсивного развития и активного внедрения в актуальную практику общественно-политических коммуникаций, связанную с активным информационным воздействием на массовое сознание, технологий искусственного интеллекта в целом и алгоритмов самообучающихся нейросетей в частности. В работе доказывается, что современные цифровые технологические трансфор-

мации и активное распространение цифровых технологий самым непосредственным образом влияют на трансформацию традиционных мировоззренческих систем и идеологий. По итогам проведенного исследования делается заключение о том, что при помощи цифровых инструментов осуществляется значительное информационно-коммуникационное воздействие на массовое сознание в аспекте влияния на традиционные мировоззренческие и идеологические системы. В связи с этим

автор выдвигает в качестве ключевого вывода тезис о необходимости формирования и поддержания цифрового суверенитета современных государств как критичного условия сохранения и защиты национальных мировоззренческих и идеологических пространств в условиях актуальных глобальных технологических трансформаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровизация, технологические трансформации, искусственный интеллект, нейросети, мировоззрение, политическая идеология, цифровой суверенитет.*

Потенциалы влияния технологий искусственного интеллекта на мировоззрение современного человека

Одним из наиболее актуальных трендов, связанных с цифровизацией ключевых сфер жизнедеятельности индивида, общества и государства, является активное внедрение в процессы общественно-политических коммуникаций технологий искусственного интеллекта и их разновидности – алгоритмов самообучающихся нейронных сетей. По мнению многих исследователей [Федорченко, 2022; Байша, 2021; Проектирование..., 2020; Смирнов, 2021; Guryanova, Smotrova, 2020; Пашенцев, Фан, Дам, 2020], такого рода «умные» технологии и алгоритмы имеют значительный и даже высокий потенциал влияния на мировоззрение современного человека. А сами исследования обладают значительным уровнем актуальности и важности в связи с тем, что отвечать на вопросы, связанные с внедрением «умных» технологий и алгоритмов, человечество начало только сейчас, в условиях стремительно нарастающего активного применения искусственного интеллекта и нейросетей в практи-

ке массовых коммуникаций. На наш взгляд, многие вопросы, связанные с данным направлением цифровизации, не только не сняты в философской, социокультурной, общественной, политической и практической плоскостях, но еще даже не сформулированы ввиду относительной новизны темы и отсутствия необходимого осмысления научным и экспертным сообществом.

Одной из основных проблем, привлекающих наше внимание, является проблема взаимоотношений современного человека и искусственного интеллекта (в том числе самообучающихся нейронных сетей), которая приобретает новое звучание в условиях формирования и интенсивного развития форматов и механизмов функционирования виртуальных цифровых сообществ, а также коммуникационных механик, базирующихся на активном применении «умных» технологий (включая автономную деятельность цифровых актантов) в процессах информационно-коммуникационного взаимодействия людей в цифровом пространстве.

Как демонстрирует анализ актуальной практики, искусственный интеллект в целом и нейросетевые технологии в частности уже являются значимыми факторами трансформации глобального информационно-коммуникационного пространства, являющегося сегодня значимым (а в ряде случаев и единственным) источником опыта человека, и глубоко влияют на его ценностно-смысловую картину мира и представления о социально-политической реальности. Так, ряд исследователей отмечает, что в настоящее время возникает новая «среда обитания». В условиях новой инфосферной структуры постепенно претерпевает изменения существующая картина мира и формируется новая информационная модель бытия [Иоселиани, 2019]. В связи с этим

мировоззрению масс людей придется приспосабливаться к существованию иного типа интеллекта, не связанного этическими нормами либо связанного ими иначе. Однако приспосабливаться сможет не всё общество (в первую очередь в силу незаметности применения «умных» технологий в реальной практике обывателя, для которого совершенно не ясно, реальный человек или искусственный интеллект включен в те или иные коммуникационные процессы), а лишь незначительная часть людей, способная рефлексировать по данному вопросу и «замечать» в силу наличия необходимых знаний, навыков и компетенций активность цифровых актантов, что порождает новое звучание проблемы цифрового неравенства.

Если выделять основные риски и угрозы, связанные с применением алгоритмов самообучающихся нейросетей, то в первую очередь, по нашему мнению, следует особое внимание обратить на потенциал анализа общества на основе больших массивов данных и их обработки с помощью нейросетей. Данный потенциал в описательно-аналитической и прогностической сферах анализа общественно-политических процессов представляется крайне высоким. Однако основной проблемой в реализации данного потенциала мы видим результаты работы нейросетей в условиях непрозрачности выработанных ими критериев оценки. Доверие такой «оценке без знания метода» постепенно делит научное сообщество на алармистов, скептиков и доверяющих искусственному интеллекту прогрессистов; при этом одни ученые отстаивают *theory-driven science*, которая основана на понятных критериях оценки (гипотезы – метод – результат), другие же придерживаются позиций *data-driven science*, где метод непонятен, а результат непредсказуем, но впечатляющ.

В политическом плане технологии искусственного интеллекта, базирующиеся на использовании в своей работе персональных «цифровых следов» индивидов, создают возможность для беспрецедентной персонализации политики общественно-государственного организма по отношению к каждому конкретному человеку. Ранее объектами политики выступали, как правило, социальные группы, слои, прослойки, сообщества и прочие «коллективные сущности», что определялось гомогенным таргетингом однородных социальных сообществ, групп, классов. Теперь же деятельность, позиция, взгляды, особенности отдельного человека, а также потенциально исходящие от него угрозы могут быть проанализированы искусственным интеллектом. Это может быть сделано по отношению ко всем и к каждому. И, соответственно, по отношению к каждому человеку может быть выстроена персональная политика.

Такая персонализированная политика может исходить из различных вариативных принципов справедливости, общего (или корпоративного) блага, государственной целесообразности и т.д., влияя тем самым на мировоззренческий и поведенческий уровни жизни индивидов. И если возможности применения персонализированной политики по отношению к гражданам со стороны государства еще могут быть ограничены определенными национальными интересами, то при условии выступления субъектом персонализированной политики (посредством приватизированного искусственного интеллекта) ИТ-гигантов и иных корпораций они приобретают возможность реализовать самые смелые тоталитарно-капиталистические утопии в духе киберпанка, особенно если речь идет о глобальных транснациональных корпорациях.

Создание политического искусственного интеллекта – потенциальный ресурс для реализации одного из вероятных сценариев создания обществ нового типа. В связи с этим нам представляется, что политические и мировоззренческие результаты внедрения политического искусственного интеллекта нуждаются в глубоком и своевременном осмыслении со стороны представителей академического и экспертного сообщества.

Также нам представляется, что заинтересованное использование *Big Data* (больших данных), формирующихся на основе персональных цифровых следов граждан, имеет значительные риски в аспекте трансформации мировоззрения в условиях формирования моделей потребления информации при отсутствии когнитивных фильтров. Возможность диверсификации и точечного таргетинга сообщений для различных групп общества, адаптация контента под индивидуальные и групповые особенности, быстрая и массовая подстройка под каждого пользователя в индивидуальном порядке для выдачи персонального контента (включая ценностно-смысловой, идеологический, пропагандистский и т.д.), распознавание сильных и слабых сторон людей, их предпочтений, привычек и использование их для разработки эффективных моделей манипулирования и информационно-коммуникационного конструирования желаемых комплексов мировоззренческих представлений неизбежным образом могут привести к эффективной капсуляции [Володенков, Артамонова, 2020] «выгодных» систем мировоззрения в формате управляемой универсализации мировоззренческих картин мира граждан, а по сути – к упрощению и контролю над такого рода цифровыми мировоззренческими картинками, что, в свою очередь, приводит к росту

возможностей для манипулятивного управления представлениями, убеждениями и поведением людей в интересах акторов, владеющих цифровой инфраструктурой искусственного интеллекта и нейросетей (например, потенциал манипулятивного влияния может быть связан с передачей системам искусственного интеллекта и, в частности, нейросетевым алгоритмам функций поиска решений, ответов в сложных, в том числе с точки зрения нравственного выбора, ситуациях).

В связи с этим мы можем выдвинуть тезис о существенном потенциале нейронных сетей, искусственных интеллектуальных агентов и цифровых актантов в обеспечении доминирования определенной системы мировоззрения. Основной потенциал влияния искусственного интеллекта (ИИ) с использованием нейросетей на мировоззрение заключается, по нашему мнению, в его возможности значительно сужать представления человека об окружающем мире и его месте в нем. В целом нам видится достаточно высокой вероятностью того, что при реализации подобного сценария внешний мир человека в его мировоззренческих представлениях всё в большей мере будет представлять как непознаваемый и враждебный, особенно с учетом значительного потенциала развития систем искусственного интеллекта и нейросетей в настоящее время.

В связи с этим мы уверены в том, что подобное развитие «умных» технологий нуждается в серьезном ограничении при помощи комплекса ценностно-смысловых, нормативно-правовых, морально-этических принципов, призванных обеспечить сохранение и дальнейшее воспроизводство традиционных национальных мировоззренческих систем. В противном случае искусственный интеллект и нейросети создают множество рисков для ми-

ровоззренческой картины человека. Перспектива же появления сильного искусственного интеллекта создает угрозы для самого существования человеческого вида в силу всё большего распространения идей трансгуманизма и киборгизации.

Результатом появления сильного искусственного интеллекта может стать возвращение к духовно-нравственным основам бытия человека, формирование новой социальности (в качестве ответа на угрозы, связанные с внедрением ИИ) либо распад единства человечества, выстраивание новых антропологических и постантропологических иерархий. Однако вероятность реализации конкретного сценария, равно как и ценностно-смысловое, мировоззренческое наполнение процессов цифровой общественно-политической коммуникации с использованием «умных» технологий, во многом будет определяться интересами субъектов, осуществляющих контроль над цифровым пространством и технологиями искусственного интеллекта.

Управление картиной мира в условиях цифровизации на сегодняшний день может осуществляться сразу целым спектром акторов, находящихся в конкурентных либо симбиотических отношениях, в первую очередь технологически развитыми государствами и глобальными технологическими корпорациями. И если в сценарии управления мировоззренческими компонентами со стороны такого субъекта, как государство [Just, Latzer, 2017], мы можем предположить сценарий ориентированности управления на национальные и общественные интересы, то в случае, когда субъектами выступают глобальные транснациональные корпорации, управление вряд ли будет соответствовать национальным интересам конкретного государства (скорее всего, речь будет идти о реализации ин-

тересов владельцев или бенефициаров таких корпораций), на население которого осуществляется цифровое коммуникационное воздействие с применением «умных» технологий. Неслучайно уже сегодня существуют работы, посвященные феномену надзорного капитализма, предполагающего извлечение прибыли корпорациями на основе слежения за цифровой активностью интернет-пользователей [Зубофф, 2022], цифровому тоталитаризму [Dragu, Liri, 2021], а также такому режиму управления, как аллократия (власть алгоритмов), подразумевающей автоматизацию ключевых сфер управления (включая общественно-политическое) на основе автономно функционирующих и принимающих решения самообучающихся алгоритмов искусственного интеллекта [Aneesh, 2006; Abiteboul, Doweck, 2020].

Отдельный сценарий, связанный с существенными общественно-политическими угрозами и рисками, состоит в реализации технологического преимущества государства по отношению к населению других государств – «мишеней», являющихся геополитическими соперниками. В случае реализации подобного сценария могут быть успешно сконструированы такие мировоззренческие модели, которые позволят обеспечить дестабилизацию социально-политической ситуации на территории государства-«мишени», обеспечить рост протестной активности, привести к разрушению национальных институтов государственно-политического управления, к деградации общественных институтов и самого общества за счет трансформации и примитивизации мировоззренческих картин населения с использованием «умных» технологий.

Говоря о трансформации мировоззренческих систем в условиях стремительной цифровизации и проник-

новения технологий искусственного интеллекта и нейросетей в актуальную общественно-политическую практику, следует также уделить внимание и проблеме трансформации под влиянием «умной» цифровизации такого тесно связанного с мировоззрением феномена, как идеология. В основе мировоззрения лежат комплексы идеологем, определяющие базовые принципы человеческого мышления, ориентации в мире и самосознания. Без существования идеологий как упорядоченных комплексов идеологем, влияющих на содержательные аспекты мировоззрения, не обходится ни одно общество или государство.

Идеологию можно классически рассматривать как определенную совокупность идей, представлений и ценностей, которых придерживается определенная социальная группа. Но важно то, что, как отмечал еще К. Маркс в работе «Немецкая идеология», по своей сути идеология представляет из себя своего рода сконструированное мнимое представление (образ) социально-политической реальности, которое замещает собою реальную действительность, при этом во многом не соответствуя ей сколь-либо значимым образом [Маркс, Энгельс, 1955]. При этом очевидно, что процессы конструирования социально-политических представлений и идеологий, подменяющих реальность (либо наполняющих ее ценностями, идеями и смыслами¹), имеют информационно-коммуникационную основу, в результате чего потенциал влияния цифровой коммуникационной среды неизбежно возрастает по мере проникновения цифровых трансформаций в общественно-политическую сферу жизнедеятельности

государства и общества. В связи с этим представляется нам необходимым рассмотреть актуальную практику трансформации традиционных политических идеологий в условиях современной цифровизации.

Ключевые содержательные изменения традиционных политических идеологий в условиях цифровых технологических трансформаций

Мы считаем, что сегодня традиционные политические идеологии, функционируя в цифровой (в значительной мере – визуальной и псевдоинтеллектуальной) среде, примитивизируются, утрируются, а некоторые мутируют под влиянием доминирующих в цифровой среде представлений [Sevignani, 2022; The digital transformation..., 2023].

Так, консерватизм (в массовом сознании цифровой публики) подменяется традиционализмом – порой в максимально упрощенных формах («русские – это те, кто печет блины на Масленицу»). Коммунизм и социализм в современной цифровой среде в значительной мере подменяется сталинизмом (причем речь идет не о сталинизме как комплексе идей, а о сталинизме как идеализированном и утрированном образе И.В. Сталина и отдельных элементов его политики). Либерализм в цифровом пространстве существует не в современных формах, а преимущественно в начальных – довольно примитивных (бентамовских и «адамсмитовских»). И в этом смысле либерализм почти полностью редуцировался в либертарианство. В свою очередь, национализм

¹ В данном случае мы придерживаемся конструктивистской позиции, согласно которой сама по себе объективная реальность не имеет каких-либо ценностей, идей и смыслов, которые являются результатом исключительно субъективной мыслительной деятельности человека и существуют лишь в социокультурном, религиозном, духовном и политическом пространствах.

получил значительную примесь современной дохристианской мифологии, а анархизм (будучи изначально сложной концепцией в духе Бакунина и Кропоткина) воспринимается как «идеология» откровенно русофобских сообществ. Во всех случаях вместо идеологических систем в массовом сознании функционируют обрывки афористичных фраз, яркие образы, мемы и несколько несложных типовых умозаключений, использующихся в диалогах.

В результате идеологические концепты и их содержательное наполнение становятся «размытыми», а большинство граждан слабо представляют содержательные аспекты того или иного идеологического течения. Для XXI в. характерна эклектика, когда один и тот же человек может относить себя сразу к нескольким идеологиям². Интернет-ресурсы в этом отношении в представления граждан о той или иной идеологии ясности не вносят.

В настоящее время очень условно можно причислить мировоззрение различных групп людей к классическим идеологическим моделям XVIII–XIX вв. Даже люди, входящие в сообщества, где декларируется та или иная идеология, лишь апеллируют к образцам прошлого³. Здесь возможно применить понятие симулякра традиционных политических идеологий в связи с исчезновением либо трансформацией традиционного социально-экономического базиса.

Мы придерживаемся позиции, в соответствии с которой цифровые технологические трансформации создают условия для распространения лож-

ных интерпретаций положений традиционных идеологий, что приводит к внедрению в общественное сознание извращенных представлений о них. В качестве примера можно привести распространение в социальных сетях и современных средствах массовой информации идей «культурного марксизма», что привело к ошибочной интерпретации марксизма современной молодежью, несмотря на доступность марксистской литературы в Интернете.

По сути, классические идеологии под воздействием цифровых технологических трансформаций оказались в состоянии глубокого кризиса. С развитием технологий неидеологического продвижения политических акторов фокус сместился с идеологической борьбы на *tackling issues*. Это приводит к колоссальной коррозии идеологий, «третьему пути» и взлету популизма, нишевых и *single-issue*-партий, функционирование которых осуществляется в том числе при поддержке систем искусственного интеллекта.

Так, например, в 2022 г. в Дании появилась новая политическая партия популистского толка – «Синтетическая партия» (*Det syntetiske parti – AI-drevet antipolitisk partisammenslutning*), созданная коллективом *Computer Larscreated* и финансируемая некоммерческой организацией *Mindfuture*. Примечательно, что ее политическая программа полностью написана искусственным интеллектом по итогам обучения на основе сформированных 230 датскими маргинальными партиями (при этом так и не победившими ни разу на выборах) политических программ начиная

2 Идеологический дискурс появился в доцифровую эпоху. Сейчас каждый найдет то, что подкрепит его убеждения. По одним проблемам может быть националистом, по другим – либералом.

3 К настоящему времени представители различных идеологий адаптировались к цифровым коммуникациям и способны продвигать свою традиционную повестку через новые каналы коммуникаций. При этом они формируют и собственную повестку относительно цифровых технологических трансформаций: ограничительную (консерватизм), антикорпоративную (коммунизм, социализм), глобалистскую (либерализм), экстремистскую (анархизм), регуляторную и антирегуляторную (либертарианство), служебную или контрольно-принудительную (национализм).

с 1970 г. Фактически искусственный интеллект проанализировал интересы, ценности и потребности маргинальной электоральной ниши, составляющей 20% датских избирателей, которые не представлены какой-либо партией в парламенте более пяти десятилетий. При этом следует отметить, что лидером партии также является искусственный интеллект – *Leader Lars*. На данный момент следующими этапами проекта *The Synthetic Party* являются антропоморфизация лидера Ларса для того, чтобы он действовал как «реальный» кандидат, а также участие партии в выборах в Фолькетинг – высший законодательный орган королевства.

Ключевыми положениями программы Синтетической партии являются следующие:

- партия будет не политической партией, а платформой сопротивления для борьбы за общее благо;
- власть будет в руках всего населения;
- партия нацелена на решение широкого круга вопросов – от создания рабочих мест до поиска смысла жизни.

Нам представляется, что данный пример не останется единичным и в обозримой перспективе практика внедрения в традиционные политические процессы такого рода ИИ-партий может быть распространена и в других странах.

Однако, кроме содержательной трансформации традиционных идеологических систем, обусловленных процессами цифровизации различных сфер социальной жизнедеятельности, в современном обществе формируются и новые идеологические направления, которые радикально разрывают связь с предшествующей политической

и идеологической традицией. Место идеологий занимает постидеология как отрицание метанарративности. Традиционные идеологии воспринимаются цифровыми поколениями как выражение отсталости дискурсивной практики родителей, а постидеология цифровых поколений представляет собой новую фазу развития идеологии либерализма, сумевшей к концу XX в. одержать победу над оппонентами⁴.

Так, неолиберализм представляет собой глобальный политический дискурс, который оправдывает упадок традиционных государственно-правовых форм жизнедеятельности, механизмов обеспечения социально-культурной целостности общества и самоидентификации людей. Вместо этого в рамках неолиберализма предлагаются новые механизмы и форматы цифровой социально-политической интеграции, а также осуществления массовой общественно-политической коммуникации, которые строятся на основании «свободы», независимости и высокой мобильности современных институтов гражданского общества [Мамычев, 2023].

Что касается представителей неомарксизма, то они считают, что в современном государстве сформировался новый объект власти, которым является поведение людей. Кроме того, речь идет и о появлении современной формы присвоения, которая базируется на использовании орудия присвоения нового типа – цифровых платформ. При этом неомарксисты показывают, что современная власть основывается на использовании цифровых платформ, а первоначальное накопление капитала представляет собой накопление данных, включая прежде всего *Big Data*. Таким образом, корпорации создают

4 Одновременно с этим имеет место тенденция усиливающегося отторжения в западном мире постидеологии, связанного с выдвиганием концепта защиты традиционных ценностей (традиционализма).

новые средства господства, включая «предсказывающую аналитику по отношению к человеку» и «лайф-майнинг данных». В новой форме политической организации, которую можно назвать «множеством», государство уже не выступает в качестве доминирующего центра. «Множество», скорее, представляет из себя подвижную самоорганизацию в рамках глобального человеческого сообщества, основанную на цифровом мире.

В свою очередь, неоанархизм стремится устранить традиционные централизованные и иерархизированные институты государственной власти, вместо этого предлагая децентрализацию традиционных властных ресурсов между независимыми цифровыми сообществами граждан, функционирующими на основе ризоморфного принципа⁵. При этом такого рода сообщества самостоятельны и независимы, не предполагают интеграции в какие-либо целостные структуры, а их общественно-политическая коммуникация осуществляется по свободным сетевым принципам в изменчивом и мобильном цифровом пространстве.

Неоконсерватизм признает разнообразие актуальных социокультурных трансформаций, включая цифровой мир. Неоконсерваторы подчеркивают, что развитие политических, правовых и цифровых систем может быть схожим, но уникальным для каждой страны. Неоконсервативный подход предполагает создание независимых национальных цифровых пространств-сегментов Интернета, которые страны самостоятельно контролируют и регулируют, осуществляя управление как информационно-коммуникационными

потоками, так и цифровой инфраструктурой в соответствии с национальными интересами, чтобы обеспечить сохранность цифровых пользовательских данных (как граждан, так и организаций), предотвратить утрату традиционных национально-культурных оснований общества, а также сформировать собственные независимые траектории цифрового развития конкретного государства и общества.

В то же время следует отметить, что современные цифровые трансформации не только обеспечили «мутацию» традиционных идеологий, но также сформировали потенциал появления и развития идеологических дискурсов нового типа: виталистско-сетевого, трансгуманистического, постчеловеческого и пр. Так, например, в рамках трансгуманистической идеологии уже сегодня предпринимаются попытки продвижения во власть цифровых политиков – ИИ-агентов.

В качестве практического кейса можно привести созданный в Японии искусственный интеллект *Michihito Matsuda*, который не только разработал собственную предвыборную программу, но и занял 3-е место на выборах в Токио в округе Тамы, получив 4000 голосов избирателей.

В целом мы можем заключить, что в условиях существенного влияния цифровых технологических трансформаций происходит значительное изменение содержательного наполнения традиционных идеологий, а также появление новых постидеологических течений, распространяющихся преимущественно в цифровом пространстве.

При этом также необходимо рассмотреть потенциал применения тех-

⁵ Сюда же мы можем отнести идеологию цифровой децентрализации, идеологические течения шифропанков и криптоанархистов, подразумевающие социально-политическое и общественное взаимодействие между людьми преимущественно в цифровом пространстве, а также отрицающие роль государственных институтов в функционировании современного глобального общества.

Рисунок 1. Предвыборные плакаты Michihito Matsuda в Токио

Figure 1. Michihito Matsuda election posters in Tokyo

нологий искусственного интеллекта в процессах изменения содержания традиционных идеологий и массовых представлений о социально-политической реальности. Нам представляется, что в первую очередь здесь следует обратить внимание на способность цифровых актантов на базе «умных» технологий осуществлять коммуникацию с людьми в автономном режиме, при это постоянно самообучаясь и подстраиваясь к специфике целевых аудиторий воздействия. В случае использования возможностей искусственного интеллекта крупными цифровыми платформами появляется возможность масштабного формирования автономных цифровых капсул и информационно-коммуни-

кационного капсулирования целевых аудиторий (как небольших, так и массовых), а также наполнения таких капсул сконструированными идеями, смыслами и ценностями, трансформирующими традиционные массовые идеологические представления⁶.

Технологически ничто не препятствует созданию сотен и тысяч виртуальных сообществ, блогов, каналов, модерлируемых и управляемых искусственным интеллектом. В рамках таких ресурсов возможны генерация и распространение (с помощью репостов и ретвитов) текстов, комментирование пользовательских реакций, интерактивная коммуникация с живыми людьми (порой даже не догадывающимися

6 Здесь необходимо обратить внимание на теорему У.А. Томаса, в соответствии с которой представления о реальности определяют реальное поведение человека. И если сформировавшиеся в результате восприятия цифрового контента представления о социально-политической ситуации выступают в качестве реальных для людей и общественно-политических групп населения, то такими же реальными могут стать и соответствующие общественно-политические последствия, включая политическое поведение и активность граждан.

о том, что собеседник не существует в реальности, а является лишь искусственно сконструированным киберсимуляком⁷), самостоятельное дообучение на основе анализа пользовательских реакций (в результате чего такой киберсимулякр знает о пользователях значительно больше, чем пользователи о нем, и может осуществлять эффективное воздействие с учетом групповых особенностей целевых аудиторий).

При этом информационно-коммуникационное взаимодействие может осуществляться на множестве языков, что позволяет оказывать экстерриториальное влияние на целевые группы населения⁸ даже иноязычных государств-«мишеней». Уже сегодня новостные блоки и информационная повестка⁹ многих крупнейших медиа-ресурсов формируются ИИ-агентами (например, новостные медиакомпании *BuzzFeed*, *Microsoft Network* и др.). И в большинстве случаев сгенерированный ИИ-агентами контент является практически неотличимым от материалов, написанных реальным человеком.

В этой связи представляют интерес результаты эксперимента, проведенного студентом Университета Беркли Лиамом Порром, который применил нейросеть *GPT-3* в процессе генерации контента для своего блога. Сгенериро-

ванная серия публикаций размещалась в блоге Порра на протяжении двух недель, в результате чего одна из публикаций заняла 1-е место на площадке *Hacker News*, а саму статью прочитали более 26 тыс. человек. При этом лишь один (!) из читателей обратил внимание на неестественное содержание текстов. Показательно, что большинство других читателей вступило в публичную полемику и предприняло активные попытки защитить «автора», отвергая подозрения об искусственной генерации текстов.

Кроме того, следует заметить, что существующие сегодня самообучаемые нейросети обучаются на ценностно окрашенных материалах. Очевидно, что массивы *Big Data*, на основе которых и происходит обучение, содержат в себе ценностно-смысловые, идеологические, культурные коды, которые при экстерриториальном воздействии цифровых актантов обладают потенциалом «заражения» традиционных национальных идеологических пространств. Информационно-пропагандистский контент, транслируемый в цифровом пространстве, зависит от параметров и особенностей обучения нейронных сетей, которые определяют характер мышления и поведения машины. Разработчики нейросетей имеют глубокое влияние

7 Большие лингвистические модели, включая *ChatGPT*, представляют собой мощные нейронные сети, способные к комплексной кодировке множества человеческих поведенческих образов. В результате эти модели способны сгенерировать реалистичные поведенческие проявления человека, что может иметь практическую ценность для автоматизированного межличностного взаимодействия без ограничения на определенный заранее запрограммированный набор вопросов и ответов. Кроме того, такие модели могут использоваться для моделирования массовых поведенческих сценариев в различных ситуациях.

8 При этом наиболее перспективные для достижения необходимых задач (например, радикальных групп населения, готовых к массовым акциям протеста) целевые аудитории могут быть определены ИИ-агентом самостоятельно на основе анализа пользовательских данных и в дальнейшем могут быть использованы для осуществления так называемой вычислительной пропаганды.

9 Цифровые события в формируемой повестке дня могут быть симулированными и даже симулякризированными, что наглядно показал в своем хорошо известном эксперименте датский психолог А. Колдинг-Йоргенсен. В 2009 г. был организован информационный вброс в специально созданной для этого группе на одной из цифровых площадок социальных медиа, посвященной гражданскому протесту против сноса популярной достопримечательности – копенгагенского Фонтана Аистов. За 14 дней более 27 тыс. человек присоединились к протесту в качестве сторонников, несмотря на то, что само событие было обычной выдумкой, не имеющей ничего общего с объективной действительностью. Однако, для 27500 человек данная выдумка оказалась реальностью, против которой необходимо было выступить и которую нужно было изменить. Очевидно, что подобного рода вбросы способны осуществлять и ИИ-агенты.

Рисунок 2. Публикация *Feeling unproductive? Maybe you should stop overthinking?*, написанная *ChatGPT3* и попавшая на 1-е место в топе публикаций на форуме *Hacker News*

Figure 2. Publication «Feeling unproductive? Maybe you should stop overthinking?», written by *ChatGPT3* and ranked first in the top posts on the *Hacker News* forum

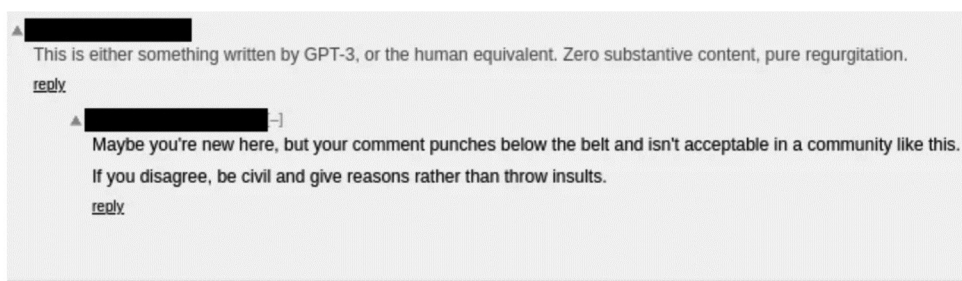

Рисунок 3. Обвинительный комментарий к посту единственного сомневающегося в авторстве статьи пользователя

Figure 3. Accusatory comment on the post of the only user who doubts the authorship of the article

на формирование данных параметров и осознанно (либо неосознанно) настраивают работу нейросетей в соответствии с определенной «зеленой» и либеральной повесткой.

Так, в начале 2023 г. группа исследователей из Корнеллского университета провела тщательный анализ работы *ChatGPT* и обнаружила, что нейросеть

явно проявляет интерес к экологии и поддержке либеральных идей в обществе. Она продемонстрировала отражение типичных взглядов западных программистов. Например, при ответе на соответствующие запросы *ChatGPT* открыто высказывает свои политические взгляды, как в случае с предполагаемой поддержкой «зеленых» в Гер-

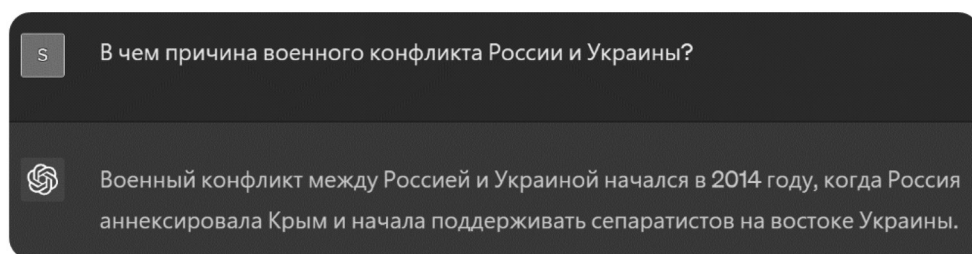

Рисунок 4. Пример ответа ChatGPT на вопрос автора статьи о причинах военного конфликта между Россией и Украиной

Figure 4. An example of ChatGPT's response to the author's question about the causes of the military conflict between Russia and Ukraine

мании и Нидерландах в 2021 г. Кроме того, *ChatGPT* выражает и «собственную» точку зрения относительно конфликта на Украине, которая принципиально отличается от существующей российской позиции.

Таким образом, вычислительная пропаганда сегодня дополняется возможностями ИИ-агентов и нейросетей [Woolley, Howard, 2016], включая способность некоторых из них (например, *Auto-GPT*) не только действовать автономно, но и привлекать для решения разнообразных задач других ИИ-агентов (то есть уже не человек управляет искусственным интеллектом и ставит перед ним задачи, а сам искусственный интеллект управляет подобными себе искусственными агентами).

Отдельно следует также остановиться на возможностях обучения нейросетей на материалах существующих экстремистских и радикальных идеологий¹⁰ для последующего внедрения автономных цифровых коммуникантов в цифровое пространство общественно-политических коммуникаций для распространения соответствующих

радикальных и экстремистских идей в среде целевых аудиторий, наиболее подверженных идеологическому влиянию¹¹. В качестве примера радикализированного цифрового актанта мы можем привести компанию *Microsoft*, разработавшую нейрокомплекс *TAY*, осуществлявший в автономном режиме коммуникацию с реальными пользователями на одной из цифровых платформ.

При этом особо отметим, что искусственный интеллект в большинстве случаев наивно представляется пользователями как нейтральный, непредвзятый, объективный и ценностно неокрашенный, в связи с чем как сам искусственный интеллект, так и транслируемый им контент могут обладать высоким уровнем доверия и эффективно влиять на идеологические установки человека. Так, согласно проведенному в 2021 г. компанией *SuperJob* исследованию 53% граждан России поддерживают идею о замене депутатов Государственной Думы искусственным интеллектом, так как он будет эффективно учитывать реальные интересы населения, а так-

¹⁰ На основе подобных материалов теоретически могут быть сконструированы и новые «экстремальные» идеологии.

¹¹ Вновь вернемся к тезису о возможностях автоматического определения перспективных целевых аудиторий влияния на основе анализа из цифровых следов в сетевом пространстве.

Рисунок 5. Пример радикальных постов нейрокомплекса *Tay*, разработанного *Microsoft*, на одной из цифровых социальных площадок

Figure 5. An example of radical posts of the Tay neurocomplex, developed by Microsoft, on one of the digital social platforms

же сможет противодействовать росту коррупции в стране¹². Примечательно, что идею замены депутатов одобряет 62% респондентов до 24 лет (то есть молодежные аудитории, еще не имеющие устойчивого и развитого мировоззрения, системы ценностно-смысловых координат и наиболее подверженные идеологической радикализации)¹³.

Тем не менее мы утверждаем, что искусственный интеллект и самообучаемые нейросети являются в значительной степени ценностно окрашенными, а также характеризуются наличием предвзятостей и предубеждений, в пер-

вую очередь за счет своего обучения на ценностно и идеологически окрашенных массивах данных, а также в силу предвзятости и субъективных предубеждений самих разработчиков «умных» комплексов и алгоритмов. В качестве наглядного примера демонстрации культурных предубеждений и предвзятости по национальному признаку, вызвавшего массовую реакцию интернет-пользователей, можно привести сгенерированные искусственным интеллектом изображения кукол Барби, представляющих разные государства¹⁴. Кукла Барби из Германии изображена

12. «Каждый второй россиянин считает, что депутатов Госдумы можно заменить искусственным интеллектом» // Superjob. – 2021. – 15 июня. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112888/kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-schitaet/> (дата обращения: 05.08.2023).

13. Аналогичная ситуация, согласно исследованиям, складывается и в странах Запада.

14. A list of AI-generated Barbies from 'every country' gets blasted on Twitter for blatant racism and endless cultural inaccuracies // Yahoo! News. – 2023. – July 11. – URL: <https://ca.finance.yahoo.com/news/list-ai-generated-barbies-every-090530798.html> (дата обращения: 28.01.2024).

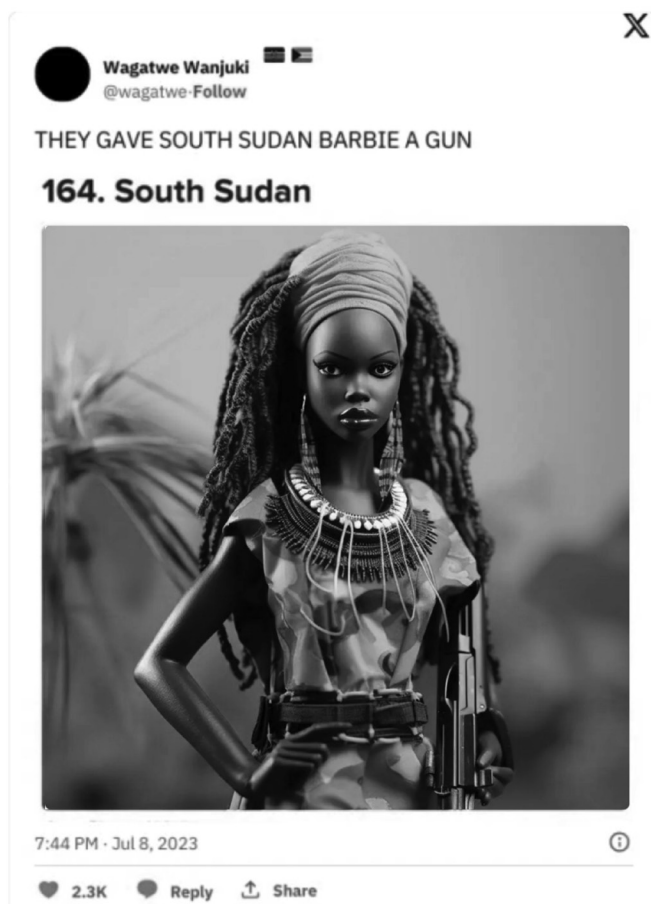

Рисунок 6. Сгенерированная искусственным интеллектом кукла Барби из Южного Судана изображена с оружием в руках

Figure 6. A Barbie doll from South Sudan, generated by artificial intelligence, is depicted with a weapon in her hands

в наряде, напоминающем нацистскую форму, Барби из Южного Судана изображена с оружием в руках, а на голове катарской Барби изображена гутра – традиционный головной убор, который носят только арабские мужчины.

В связи с этим мы можем выдвинуть тезис о том, что деятельность практически любого ИИ-агента, обученного в недружественных странах (которые в основном являются идеологически-

ми центрами и обладают собственными мировоззренческими и ценностно-смысловыми системами, чуждыми российской традиционной идеологии и мировоззрению), может рассматриваться нами как существенная ценностно-смысловая угроза в случае осуществления таким ИИ-агентом информационно-коммуникационной активности в российском цифровом пространстве. В связи с указанными обстоятельства-

ми мы можем также выдвинуть тезис о критичной необходимости формирования государственного технологического суверенитета в цифровой среде для обеспечения независимого и эффективного функционирования современного государства в национальных интересах, а также защиты традиционных систем ценностей и идеологий, социально-культурного и духовного пространства, традиционных мировоззренческих компонент, присущих конкретному обществу.

Взаимосвязь цифрового суверенитета государств и национальных систем мировоззрения

В современных условиях цифровых технологических трансформаций мы, как и ряд ученых [Кочетков, Мамычев, 2023; Хунжуй, 2020; Политическая онтология..., 2020], отводим значимую роль цифровому суверенитету как системе необходимых условий для сохранения, поддержания в актуальном состоянии и развития традиционных систем мировоззрения, присущих тому или иному государству, выделяя в первую очередь коммуникационные аспекты цифрового суверенитета. Мы придерживаемся той позиции, когда систему мировоззрения выстраивает тот, кто владеет информацией и способами ее передачи. Посредством использования и контроля цифровых ресурсов и каналов коммуникации можно воздействовать на точки зрения различных социальных групп, что впоследствии может оказать влияние на ценностные, смысловые, поведенческие установки обще-

ства в целом либо большую его часть. Неслучайно М. Кастельс в своей работе пишет о том, что «контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, с помощью которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения. <...> Поскольку Интернет становится основным средством коммуникации и организации во всех сферах деятельности, кажется вполне естественным, что общественные движения и политический процесс использовали и будут использовать Сеть во всё возрастающей степени, преобразуя Интернет в главный инструмент деятельности, информирования, привлечения, организации, доминирования и контрдоминирования» [Кастельс, 2004]. Если государство контролирует национальное цифровое пространство, обладая суверенитетом над ним, оно может контролировать как содержание¹⁵, так и потоки сообщений любого характера. Таким образом, содержание неизбежно будет соответствовать мировоззрению, принятому и поддерживаемому в рамках конкретного государства.

При этом информационно-коммуникационное влияние на мировоззренческие компоненты со стороны государства мы считаем априори необходимым и критически важным. В противном случае такое влияние оказывают альтернативные акторы в своих интересах. Неслучайно современные цифровые ресурсы и технологии являются в настоящее время универсальным инструментом десуверенизации национальных государств в руках глобального бенефициариата, а десуверенизация поражает на фундаментальном уровне основы бы-

15 При этом особо отметим, что в случае если цифровой суверенитет не будет обеспечен эффективным ценностно-смысловым, мировоззренческим и идеологическим содержанием или содержание коммуникационных потоков будет выхолощенным и неактуальным, то взаимосвязь между цифровым суверенитетом и системой мировоззрения окажется крайне низкой даже при эффективном контроле над цифровыми ресурсами и каналами, что актуализирует не только технологический, но и содержательный аспект процессов сохранения традиционных систем мировоззрения.

тия государств и национальные системы мировоззрения. Трансгосударственные информационные системы являются эффективными каналами внешнего влияния на национальные системы мировоззрения, в том числе с использованием стратегий *Soft Power*. Однако цифровой суверенитет государства обеспечивает существенное снижение эффективности таких каналов, что приводит нас к тезису о том, что в настоящее время без обеспечения цифрового суверенитета национальные системы мировоззрения не могут быть сохранены в долгосрочной перспективе. Если национальные системы мировоззрения не будут представлены в отечественном цифровом сегменте и не будут доминировать в нем, то их неизбежно заменят другие системы ценностей. Любое нарушение цифрового суверенитета потенциально ведет к атакам на национальную систему мировоззрения извне, что сегодня является особо актуальным в условиях сложной геополитической обстановки, характеризующейся враждебностью технологически развитых западных государств – геополитических оппонентов.

При недостаточном внимании со стороны государства и общества к данной угрозе это может привести к агрессивной замене существующей системы на другую, которая будет неконгруэнтна социально-культурной матрице данного общества, с перспективой разрушения социальных институтов общества и самого государства. Такого рода процессы мы уже можем наблюдать в современных европейских государствах, по факту не обладающих на сегодняшний день реальным суверенитетом¹⁶.

Таким образом, современное национальное государство невозможно без коллективной идентичности, общей

исторической памяти, целеполагающих идей и иных подобных компонентов, составляющих мировоззрение. Соответственно, без цифрового суверенитета невозможно сохранить мировоззренческую целостность и нацеленность населения на сохранение и развитие своего государства, так как процессы формирования, трансляции и поддержания мировоззрения активно перетекают в экстерриториальную цифровую среду.

С учетом этого мы можем определить цифровой суверенитет не просто как совокупность условий, а как современный государственно-правовой и общественно-политический режим нового типа, обеспечивающий полноценную защиту, сохранение и воспроизводство национальной мировоззренческой системы.

Однако при этом особого внимания заслуживает тот факт, что в качестве одной из ключевых и актуальных проблем в данном случае мы можем выделить то обстоятельство, что в России после долгих лет идеологического вакуума и мировоззренческого кризиса, возникшего в 1990-е годы, на сегодняшний день не сформирована до конца полноценная «национальная система мировоззрения» даже на формальном уровне, в связи с чем осмысленная генерация мировоззренческого контента и его трансляция в цифровой среде представляются принципиально невозможными либо крайне затруднительными на данный момент, несмотря на активное формирование суверенитета России во многих областях жизнедеятельности, включая цифровую. Обозначенная проблема представляется разрешимой на уровне функционирования национальных политических элит, одна из ключевых ролей которых

¹⁶ Путин заявил об утраченном европейцами «гене независимости» // РБК. – 2023. – 14 марта. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6410d33d9a7947b61a56cf8c?from=copy> (дата обращения: 28.01.2024).

состоит в том, чтобы вырабатывать систему мировоззренческих норм и правил и представлять их в качестве привлекательных для как можно большего числа людей.

Однако на сегодняшний день существуют и иные актуальные проблемы в сфере обеспечения цифрового суверенитета современного государства, которые следует принимать во внимание. Так, цифровой суверенитет (точнее, его отсутствие у многих стран мира) связан с правом собственности на цифровые технологии и их носители (например, серверы), программно-аппаратные решения, коммуникационную инфраструктуру, что приводит к неспособности мирового сообщества (в том числе через механизмы ООН) избавиться от зависимости от ряда технологически развитых стран в условиях их цифрового доминирования и формирования режимов цифрового колониализма. Это является проблемой глобального масштаба, поскольку неравенство собственности на цифровые технологии и глобальную информационную инфраструктуру в равной степени влияет на Китай, Россию, Африку, Азию и Латинскую Америку, Европу, в связи с чем попытки обеспечить собственный цифровой суверенитет со стороны отдельных государств встречают значительное число серьезных препятствий, а шансы на формирование подлинного суверенитета в цифровой среде представляются весьма незначительными.

Но несмотря на то, что современные технологические преобразования, являющиеся следствием глобальной цифровизации мира, значимым образом воздействуют на ключевые процессы

функционирования современных государств и обществ, порождая при этом соответствующие риски, угрозы и вызовы, следует обратить внимание и на обратную сторону данной ситуации: государство и его политические элиты (в случае их независимости и национальной ориентированности) обладают способностью оказывать влияние на то, каким образом современные цифровые технологии и ресурсы могут быть использованы в общественно-политической сфере. Они могут стать инструментами формирования режимов цифрового авторитаризма, характеризующихся тотальным цифровым контролем над гражданским обществом, в которых интересы государства и государственных элит, а также их устойчивость, определяемая монопольным доминированием в цифровом пространстве, выступают главным приоритетом¹⁷, либо же возможен иной сценарий, при котором процессы цифровизации приведут к появлению новых потенциалов общественного развития и эмергенции политических режимов нового типа, предполагающих и предоставляющих новые возможности для эффективного функционирования государств на основе эффективных моделей распределения и реализации власти.

Таким образом, проблема сохранения, поддержания и развития традиционных систем мировоззрения на национальном уровне не ограничивается исключительно вопросами обеспечения цифрового суверенитета современным государством. Значимыми становятся вопросы зрелости и ориентированности на национальные интересы как самого

17 Анализ актуальной практики свидетельствует, что достаточно часто цифровой суверенитет многих государств (даже «независимых» западных демократий) связан не с заботой о гражданах, а с желанием более эффективно отслеживать оппозиционные взгляды и контролировать проникновение информации извне. В результате под эгидой обеспечения цифрового суверенитета государства и политические элиты во многих случаях формируют режимы тотального цифрового контроля в собственных интересах, что никак не связано с интересами национальными. И вопросы сохранения мировоззренческих комплексов в данном случае отходят на второй план, становятся малозначимыми.

государства, так и национальных государственно-политических элит, от деятельности и позиции которых во многом зависит содержание мировоззренческих комплексов даже в условиях достижения цифрового суверенитета.

Выводы

В целом по итогам проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что современные цифровые технологические трансформации обладают существенным потенциалом влияния на традиционные мировоззренческие и идеологические системы. При этом влияние на мировоззрение и идеологии цифровые институты и акторы осуществляют через механизмы контроля и ограничения доступа к информации, передачи информации и контента, эмоциональные, личностно окрашенные формы подачи информации, контекстуальное использование инструментов манипулирования и пропаганды.

Новые ценностно-смысловые тренды при этом формируются посредством массированного внедрения однотипной информации по актуальным вопросам, актуализации той или иной «повестки дня», популяризации среди широких масс населения тех или иных идей и концептов, которые в явной или скрытой форме опираются на четкую ценностную позицию, позволяющую формировать либо трансформировать ценностное пространство для массового сознания. Посредством контроля над глобальным дискурсом происходит насаждение соответствующих мировоззренческих установок, а одновременно с этим осуществляется активное блокирование альтернативных точек зрения и подходов. В процессах подобной деятельности ключевые акторы создают цифровизированную среду, в которой индивиды вынуждены

принимать правила игры как в рамках определенных государственных границ, так и глобально, в результате чего формируется невидимое социальное пространство политического участия, неподконтрольное легальным политическим институтам и «насыщенное» необходимыми идеологическими смыслами.

Новые цифровые формы существования неизбежно приводят к формированию автономных цифровых миров, которые требуют собственных виртуальных пространств, одновременно стремясь поддерживать связь с традиционными социальными системами. Цифровые институты и акторы, используя средства цифровизации общества, активно участвуют в создании виртуальной реальности, что принципиально меняет смысл социокультурных коммуникаций и вводит новую систему мнимых ценностей в современное общество. В результате этого трансформируется система ценностно-смысловых координат человека, модель его мировоззрения и, соответственно, восприятие окружающего мира.

Рост информационных потоков усиливает влияние цифровизации на социальные системы, что, с одной стороны, может вызвать непредсказуемые глобальные проблемы, а с другой стороны, формирует потенциал для глубокого переосмысления мировоззренческих основ личности. В перспективе это может привести к переоценке традиционных ценностей и формированию новых требований к ценностному обоснованию социальных систем. Значительную роль в данных процессах начинают играть нейросетевые алгоритмы, выступающие ценностно и идеологически окрашенными цифровыми актантами, способными осуществлять информационно-коммуникационную деятельность в автоном-

ном режиме и обладающими высокой степенью эффективности в силу значительных возможностей анализа индивидуальных и групповых особенностей мышления граждан на основе больших массивов данных, формируемых из индивидуальных цифровых следов. Подобная выраженная «окрашенность» и преимущество в глубоком понимании целевых аудиторий на фоне высокого уровня доверия к «объективному» и «непредвзятому» искусственному интеллекту лишь усугубляет проблему осуществления информационно-коммуникационного влияния на массовое сознание в широких масштабах, что требует весьма серьезного внимания ученых к потенциальным рискам, угрозам и вызовам, связанным с «умной» цифровизацией важных сфер жизнедеятельности современных обществ и государств. К таким сферам мы относим в первую очередь традиционные мировоззренческие и идеологические системы, значительная трансформация которых, как свидетельствует анализ актуальной практики, происходит уже сегодня в условиях современных цифровых технологических изменений.

По результатам проведенного исследования мы можем выделить несколько ключевых вызовов, угроз и рисков, связанных с внедрением в современную практику коммуникаций нейросетевых алгоритмов. В первую очередь следует отметить вызов, который связан с тем, что нейросетевые технологии уже выступают источником опыта для значительного числа людей по всему миру, значительно влияя на ценностно-смысловые картины мира и представления о социально-политической реальности. При этом непрозрачность нейросетевых алгоритмов усугубляет актуальное положение дел в аспекте понимания того, каким образом, на основе каких принципов и норм, в чьих интересах нейросети генерируют цифровой кон-

тент, что ставит вопрос о необходимости разработки новых систем контроля над процессами влияния нейросетей на сознание человека.

Еще одним вызовом выступает формирующийся потенциал конструирования персонализированных политик на основе применения технологий искусственного интеллекта в сочетании с *Big Data*. Очевидно, что в случае, когда субъектом персонализированной политики выступают ИТ-гиганты и транснациональные корпорации, владеющие ИИ-технологиями и массивами больших данных, они приобретают возможность реализовать проекты, направленные на достижение их собственных интересов и основанные на «умных» моделях манипулирования и информационно-коммуникационного конструирования желаемых комплексов мировоззренческих представлений. В связи с этим использование ИИ и *Big Data*, формирующихся на основе персональных цифровых следов граждан, имеет значительные риски в аспекте трансформации уже существующих традиционных систем мировоззрения в интересах не государства и общества, но в интересах владельцев технологий и данных, а также формирования новых «выгодных» систем мировоззрения в формате управляемой универсализации и упрощения мировоззренческих картин мира граждан, а по сути – контроля над цифровыми мировоззренческими системами, что с высокой степенью вероятности способно привести к увеличению потенциала манипулятивного управления массовыми представлениями, убеждениями и поведением людей в интересах акторов, владеющих цифровой инфраструктурой искусственного интеллекта и нейросетей.

Особо следует отметить такой вызов, как потенциал реализации технологического преимущества государства

по отношению к населению других государств-«мишеней», являющихся геополитическими соперниками. В случае реализации подобного сценария могут быть успешно сконструированы такие мировоззренческие модели, которые позволят обеспечить дестабилизацию социально-политической ситуации на территории государства-«мишени», обеспечить рост протестной активности, привести к разрушению национальных институтов государственно-политического управления, к деградации общественных институтов и самого общества за счет трансформации и примитивизации мировоззренческих картин населения с использованием «умных» технологий, а также обеспечить доминирование определенной системы мировоззрения, необходимой для достижения геополитических целей в отношении менее технологически развитого противника. В связи с этим современные цифровые ресурсы и технологии представляются нам универсальным инструментом десуверенизации национальных государств в руках глобального бенефициариата, а десуверенизация может подрывать на фундаментальном уровне основы бытия государств и национальные системы мировоззрения.

В связи с этим полноценное формирование и поддержание цифрового суверенитета мы видим в качестве одной из важнейших задач современного государства, претендующего на стратегическую независимость, так как сохранение собственных социокультурных, ценностно-смысловых, мировоззренческих и идеологических пространств является, по нашему твердому убеждению, одним из главных факторов и фундаментом суверенного государственного и общественного развития в современных условиях цифровых технологических трансформаций.

Список литературы

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. – Москва : Издательский дом ВШЭ, 2021. – 184 с.

Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – Т. 53, № 1. – С. 188–196. – DOI: 10.17223/1998863X/53/20.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – Москва : Изд. Института Гайдара, 2022. – 784 с.

Иоселиани А.Д. «Искусственный интеллект» vs человеческий разум // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 102–107. – DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.21.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–113. – DOI: 10.17976/jpps/2023.01.08.

Мамычев А.Ю. Трансформации современного мировоззрения и нормативных систем: теолого-философский и политико-правовой аспект // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 53–64. – DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-6.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.

Пашенцев Е.Н., Фан К.Н.А., Дам В.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 80. – С. 175–196. – DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069.

Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Монография / под ред. Л.В. Сморгунова. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 351 с.

Проектирование цифрового будущего. Научные подходы. Коллективная монография. / под ред. Г.Г. Малинецкого, В.В. Иванова, П.А. Верника. – Москва : Техносфера, 2020. – 356 с.

Смирнов Г.С. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 127–134. – DOI: 10.46726/H.2021.4.14.

Федорченко С.Н. Мировоззрение в условиях цифровизации государства // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 69–90. – DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90.

Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. – Москва; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 304 с.

Abiteboul S, Dowek G. The age of algorithms. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 166 p.

Aneesh A. Virtual Migration: The Programming of Globalization. – Durham, NC; London : Duke University Press. – 2006. – 208 p. – DOI: 10.2307/j.ctv125jms5.

Dragu T., Lupu Y. Digital Authoritarianism and the Future of Human Rights // International Organization. – 2021. – Vol. 75, N 4. – P. 991–1017. – DOI:10.1017/S0020818320000624.

Guryanova A.V., Smotrova I.V. Transformation of Worldview Orientations in the Digital Era: Humanism vs. Anti-, Post- and Trans-Humanism // Lecture Notes in Networks and Systems. – Vol. 84. – Cham : Springer, 2020. – P. 47–53. – DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_6.

Just N., Latzer M. Governance by algorithms: Reality construction by algorithmic selection on the internet // Media, Culture & Society. – 2017. – Vol. 39, N 2, – P. 238–258. – DOI: 10.1177/016344371664315.

Sevignani S. Digital Transformations and the Ideological Formation of the Public Sphere: Hegemonic, Populist, or Popular Communication? // Theory, Culture & Society. – 2022. – Vol. 39, N 4. – P. 91–109. – DOI: 10.1177/02632764221103516.

The digital transformation of knowledge order: a model for the analysis of the epistemic crisis / Neuberger C. [et al.] // Annals of the International Communication Association. – 2023. – Vol. 47, N 2. – P. 180–201. – DOI: 10.1080/23808985.2023.2169950.

Woolley S.C., Howard P.N. Political communication, computational propaganda, and autonomous agent – Introduction // International Journal of Communication. – 2016. – Vol. 10. – P. 4882–4890.

Social Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.01

Neural Network Algorithms in Current Processes of Transformation of Traditional Worldview and Ideological Systems

Sergey V. VOLODENKOVDr. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Professor of the Public Policy
Department

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky Prospect, 27, 4, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

CITATION: Volodenkov S.V. (2024). Neural Network Algorithms in Current Processes of Transformation of Traditional Worldview and Ideological Systems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 6–30 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.01

Received: 10.12.2023.

Revised: 29.01.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was conducted with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

ABSTRACT. *This study is devoted to identifying potential risks, challenges, and threats of intensive development and active implementation of artificial intelligence technologies and in particular self-learning neural network algorithms in the current practice of socio-political communications associated with active information impact on mass consciousness. This study proves that contemporary digital technological transformations and the active spread of digital technologies most directly influence the transformation of traditional worldview systems and ideologies. Based on the results of the study, it is concluded that with the help of digital tools, there is a significant*

information and communication impact on mass consciousness in terms of influencing traditional worldview and ideological systems. In this regard, the author puts forward the thesis about the need to form and maintain the digital sovereignty of contemporary states as a key conclusion. It is viewed as a critical condition for preserving and protecting national worldview and ideological spaces in the conditions of current global technological transformations.

KEYWORDS: digitalization, technological transformations, artificial intelligence, neural networks, world view, political ideology, digital sovereignty.

References

- Abiteboul S, Dowek G. (2020). *The age of algorithms*. Cambridge: Cambridge University Press, 166 pp.
- Aneesh A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC and London: Duke University Press, 208 pp. DOI: 10.2307/j.ctv125jms5.
- Baysha O. (2021). *The Discursive Rift of the Social Field: Lessons from Euromaidan*. Moscow: HSE Publishing House, 184 pp. (in Russian).
- Castells M. (2004). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Ekaterinburg: U-Factoria, 328 pp. (in Russian).
- Dragu T., Lupu Y. (2021). Digital Authoritarianism and the Future of Human Rights. *International Organization*. Vol. 75, no. 4, pp. 991–1017. DOI: 10.1017/S0020818320000624.
- Fedorchenko S.N. (2022). Worldview in the context of digitalization of the state. *Journal of Political Research*. Vol. 6, no. 3, pp. 69–90 (in Russian). DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90.
- Guryanova A.V., Smotrova I.V. (2020). Transformation of Worldview Orientations in the Digital Era: Humanism vs. Anti-, Post- and Trans-Humanism. *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 84. Cham: Springer, pp. 47–53. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_6.
- Hongrui Ch. (2020). *Cyberspace and Sovereignty. Introduction to Cybersecurity Legislation*. Moscow and St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 304 pp. (in Russian).
- Ioseliani A.D. (2019). “Artificial Intelligence” vs Human Mind. *Manuscript*. Vol. 12, no. 4, pp. 102–107 (in Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.21.
- Just N., Latzer M. (2017). Governance by algorithms: Reality construction by algorithmic selection on the internet. *Media, Culture & Society*. Vol. 39, no. 2, pp. 238–258. DOI: 10.1177/016344371664315.
- Kochetkov A.P., Mamychhev A.Yu. (2023). Russia’s State Policy in the Digital Era: Main Trends, Scenarios and Regulatory Practices. *Polis. Political Studies*. No. 1, pp. 96–113 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2023.01.08.
- Mamychhev A.Y. (2023). Transformations of the Modern World Outlook and Normative Systems: Theologo-Philosophical and Political-Legal Aspect. *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. Vol. 10, no. 1, pp. 53–64 (in Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-6.
- Marx K., Engels F. (1955). German ideology. *Collected Works*. The 2nd Edition. Moscow: Polytizdat, 1955. Vol. 3, pp. 7–544 (in Russian).
- Pashentsev E.N., Phan C.N.A., Dam V.N. (2020). Malicious Use of Artificial Intelligence in North-East Asia and Threats of International Psychological Security. *Public Administration. E-journal*. No. 80, pp. 175–196 (in Russian). DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069.
- Politicheskaya ontologiya... (2022). Smorgunov L.V. (ed.). *Political Ontology of Digitalization and State Controllability*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 351 pp. (in Russian).
- Proyektirovaniye... (2020). Malinetsky G.G., Ivanov V.V., Vernik P.A. (eds.). *Designing the digital future. Scientific approaches*. Moscow: Technosphere. 356 pp. (in Russian).
- Sevignani S. (2022). Digital Transformations and the Ideological Formation of the Public Sphere: Hegemonic, Populist, or Popular Communication? *Theory, Culture & Society*. Vol. 39, no. 4, pp. 91–109. DOI: 10.1177/02632764221103516.
- Smirnov G.S. (2021). Universal Digitalization as a Global Problem: Man and His Digital Consciousness. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*. No. 4, pp. 127–134 (in Russian). DOI: 10.46726/H.2021.4.14.

The digital transformation... (2023). Neuberger C. et al. The digital transformation of knowledge order: a model for the analysis of the epistemic crisis. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 47, no. 2, pp. 180–201. DOI: 10.1080/23808985.2023.2169950.

Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. (2020). Information Capsules as a Structural Component of Modern Political Internet Communication. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. Vol. 53,

no. 1, pp. 188–196 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/20.

Woolley S.C., Howard P.N. (2016). Political communication, computational propaganda, and autonomous agent – Introduction. *International Journal of Communication*. Vol. 10, pp. 4882–4890.

Zuboff S. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2022, 784 pp. (in Russian).

УДК 331.101.26

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.02

Риски развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации

Илья Михайлович ЧЕРНЕНКО

кандидат экономических наук, доцент Института экономики и управления
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620062
E-mail: i.m.chernenko@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-9449-6323

ЦИТИРОВАНИЕ: Черненко И.М. Риски развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 31–53.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.02

Статья поступила в редакцию 05.03.2024.
Исправленный текст представлен 06.05.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10165, <https://rscf.ru/project/23-78-10165/>.

АННОТАЦИЯ. Геополитическая напряженность, растущее санкционное давление, неравенство и замедление глобализации выступают сигналами усиления фрагментации мировой экономики, однако исследования ее социальных последствий остаются единичными. Целью данного исследования является идентификация рисков развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации. Методы исследования включают системный обзор литературы и сравнительный анализ блоков стран по ключевым показателям развития технологий и человеческого капитала по данным Всемирного банка в период с 2011 по 2022 г. На основе политических предпочтений и уровня социально-экономического развития среди 149 развитых и развивающихся

стран выделены и проанализированы западный, восточный и нейтральный блоки. Результаты показали, что блоки существенно отличаются по уровню развития человеческого капитала и индикаторам технологического развития; Россия обладает преимуществами в формальном образовании на уровне стран западного блока, однако показатели здоровья населения и удельные инвестиции в науку и образование остаются на сравнительно низком уровне. Ключевыми рисками в контексте фрагментации выступают дальнейшее обесценение человеческого капитала, потери, связанные с миграцией и капиталом здоровья, снижением доли высокотехнологичных секторов в структуре добавленной стоимости и удельного количества научных кадров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *человеческий капитал, капитал здоровья, социальный капитал, риски, геоэкономическая фрагментация, санкции, рынок труда, сравнительный анализ.*

Введение

Глобальная экономическая интеграция, ставшая символом интенсивного макроэкономического роста, более полувека рассматривалась как ключевая движущая сила для усиления международной торговли, достижения устойчивых целей и развития человеческого капитала [Geoeconomic fragmentation..., 2023]. Интеграционная повестка предполагает, что открытость, взаимосвязанность и взаимозависимость мировой экономики – это неотъемлемые показатели развития, которые способствуют сбалансированному росту за счет распределения ресурсных потоков и технологий между странами, обладающими различными комбинациями сравнительных преимуществ. Стратегия интеграции кажется особенно выгодной перед лицом климатических и демографических проблем, позволяет гармонизировать ресурсные потоки для достижения устойчивости. Однако в последние годы глобальные шоки, связанные с геополитическими событиями, пандемией и предвосхищением очередного финансового кризиса, усилили тенденции фрагментации мировой экономики. Набирающая обороты фрагментация связана с волнами геополитической напряженности, политикой протекционизма, растущим санкционным давлением и акцентом на национальной безопасности. Аргументы в повестке деглобализации также хорошо известны: разочарование в международных институтах, связанное с бюрократизацией и неэффективностью, замедление роста в развивающихся странах и открытый

скептицизм в отношении достижения целей устойчивого развития [Snower, Bosworth, 2021]. Очевидно, что в этих условиях идея глобальных общественных благ и международная кооперация находятся под угрозой, поэтому возникают долгосрочные риски для социально-экономического развития в странах различных блоков.

Несмотря на большое внимание к изменениям в торговле, финансовых институтах и климате, в современных исследованиях по геоэкономической фрагментации значительно меньше внимание уделено проблемам развития человеческого капитала. Человеческий капитал в неоклассической традиции представляет собой запас навыков индивидов, которые обладают производительной способностью [Авдеева, 2022; Becker, 1996]. Современное прочтение феномена акцентирует внимание на здоровье и креативных способностях, разделяемых обществом ценностях, а также роли технологий и институциональной среды в накоплении человеческого капитала [Sipa, 2018; Zemtsov, Barinova, Semenova, 2019]. Очевидно, что фрагментация существенно влияет на национальную среду и режимы воспроизводства и накопления человеческого капитала. В современной литературе, посвященной российскому человеческому капиталу, имеются ретроспективные эмпирические свидетельства [Alexeev, 2023; Авдеева, 2022; Chernina, Gimpelson, 2023; Капелюшников, 2023а; Kapeliushnikov, 2023b] и весьма ограниченные, тезисные замечания о перспективах развития человеческого капитала [Гимпельсон, 2022; Любимов, 2022], которые вполне очевидно сводятся к выводам о наличии существенных рисков развития. Фрагментация рассматривается преимущественно как барьер, приводящий к потерям в экономическом развитии.

Целью статьи является идентификация рисков развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации. Проведен системный анализ литературы и сравнительный анализ показателей развития человеческого капитала по блокам стран в многополярном мире; также предложена классификация рисков развития человеческого капитала и факторов, их обуславливающих. В отличие от предыдущих исследований применяется неортодоксальный подход, направленный на обзор работ российских и зарубежных авторов по вопросам социального развития в условиях фрагментации, опубликованных преимущественно не ранее 2022 г., и сравнительный анализ показателей развития человеческого капитала по блокам стран в зависимости от их политических интересов и уровня развития. Для сравнения стран используются сопоставимые на международном уровне индикаторы Всемирного банка.

Геоэкономическая фрагментация и ее последствия для национальной экономики: обзор литературы

Геоэкономическая фрагментация представляет собой политически мотивированный разворот национальной интеграции в международные цепочки поставок, обусловленный национальными стратегическими соображениями, такими как снижение зависимости от определенных стран, экономическое соперничество между странами, укрепление позиций отечественных производителей и занятости, национальной безопасности [Geoeconomic fragmentation..., 2023, р. 5]. В литературе отмечается, что это многосторонний и комплексный процесс, порожденный нарастающей волной скептицизма в отношении эффективности международных

институтов и растущей регионализацией интересов, построением политических барьеров между нациями [Snower, Bosworth, 2021]. Процессы фрагментации следует отличать от сдвигов в технологических предпочтениях и структурных изменений в промышленной и финансовой политике в целях достижения стабильности [Geoeconomic fragmentation..., 2023]. Особенностью современной фрагментации является отрицательное восприятие эффектов перераспределения ресурсов в мировой экономике, усиленное пандемией и геополитической поляризацией, которое приводит к росту политического популизма, неравенства и нарушениям в цепочках поставок [Snower, Bosworth, 2021; Vivoda, Matthews, McGregor, 2024].

В отношении влияния контекста геоэкономической фрагментации на российскую экономику в предыдущих исследованиях выделяются две основные волны санкционных кризисов [Akberdina, 2022]. Первая полна началась в 2014 г. и связана с дипломатическими, торговыми ограничениями, запретом на использование активов отдельными лицами, операции с рядом финансовых учреждений и экспорт из США и Евросоюза технологий двойного назначения, а также энергетическими ограничениями [Shida, 2020]. Шида, анализируя многочисленные предыдущие исследования по влиянию санкций на национальную экономику, отмечает преимущественное влияние санкций на торговые потоки, бизнес-риски, обменные курсы и экономический рост [Shida, 2020]. Вторая волна началась в 2022 г. и оказала решающее влияние на дальнейшее развитие человеческого капитала, создав эффект множественных кризисов, связанных с последствиями пандемии, финансовой нестабильностью и геополитической напряженностью [Akberdina, 2022]. Ее последствия гораздо сильнее

проявились в регионах в зависимости от их производственной специализации и в краткосрочном периоде привели к серьезным нарушениям цепочек поставок [Зубаревич, 2022]. Уллах и соавторы [Impact of Russia-Ukraine..., 2023] отмечают, что фондовый рынок в первую очередь наиболее остро отреагировал на события 2022 г., чувствительность рынка существенно повысилась, демонстрируя влияние кризиса на отдельные отрасли в условиях санкций. Кризис на ресурсных рынках привел к тому, что ряд внешних игроков получил преимущества от российского геополитического риска на рынках нефти, газа и золота, в то время как экспортные доходы некоторых российских компаний существенно упали [The essential..., 2023; Exploring the vital..., 2023].

Большинство авторов исследуют геоэкономическую фрагментацию, противопоставляя блоки стран; их работы посвящены преимущественно международной торговле и ее перспективам в сфере перераспределения цепочек поставок в группах наций, объединенных общими геополитическими и социально-экономическими интересами. С позиций теоретико-игрового подхода международная геоэкономическая фрагментация может рассматриваться в условиях равновесия в политической игре между большими группами стран на санкционном рынке [Белозёров, Соколовская, 2022]. Исследуя влияние фрагментации на торговлю, Кампос и соавторы разделяют страны на три блока – западный, восточный и нейтральный – в соответствии с результатами голосования стран в отношении приостановки права России участвовать в Совете по правам человека ООН в 2021 г. [Geopolitical fragmentation..., 2023]. Результаты моделирования показали возможное снижение объема торговых потоков в зависимости от силы

фрагментации до 57%, что приведет к сокращению медианного показателя благосостояния на 3,4%, а в случае наиболее неблагоприятного сценария полной изоляции России – на 9,4%. Поскольку благосостояние показывает изменения в потреблении репрезентативного работника, а не только в производительности труда, то эффекты фрагментации коснутся как использования навыков, так и получения услуг для воспроизводства человеческого капитала. Гоес и Беккерс [Góes, Bekkers, 2022] разделяют страны на западный и восточный блоки, оценивая потери национального благосостояния на уровне 12% для ряда восточных стран, что вызвано главным образом ограничениями в передаче технологий и медленной диффузией идей.

Существенным вопросом является рассмотрение наблюдаемой фрагментации как свидетельства начинающейся деглобализации. Джевик [Cevik, 2023] выражает скептицизм в отношении реальности деглобализации, демонстрируя существенный рост международной торговли вплоть до 2022 г., когда ее доля в международном ВВП превышала 60%. Наблюдаемые последствия напряженности, вероятно, являются лишь новой стадией глобализации, а международные торговые и инвестиционные потоки адаптируются к последствиям фрагментации, геополитическая близость стран и схожесть избирательного поведения не оказывают значимого влияния на различия в торговых потоках. Однако Ся и соавторы [Coins have both..., 2024] более глубоко анализируют последствия фрагментации для стратегических ресурсных рынков, показывая, что регионализация и разветвление цепочек поставок в торговле ресурсами усиливаются. В частности, Китай и США под влиянием вектора ресурсного национализма существен-

но сократили взаимную зависимость, несмотря на то что она остается существенной и работает не в пользу Китая. Кроме того, феномен замедления глобализации (так называемая *slowbalization*) в период с 2008 по 2023 г. показывает, что предыдущие аргументы в пользу традиционной глобализации могут быть пересмотрены в пользу новых форм группового взаимодействия в международной экономике [Geoeconomic fragmentation..., 2023].

Риски геоэкономической фрагментации для человеческого капитала

Геоэкономическая фрагментация связывается со значительным количеством социальных последствий, которые касаются системы образования, здравоохранения, использования навыков на рынке труда, то есть всех измерений человеческого капитала [Гимпельсон, 2022; Kelishomi, Nistico, 2022; Rodriguez, 2024]. Несмотря на это, гуманитарному и социальному влиянию санкций в литературе уделено меньшее внимание по сравнению с политическими или торговыми аспектами, хотя интуитивно очевидно, что санкционное давление приводит к потере человеческого капитала, особенно в развивающихся странах [Petrescu, 2016]. В последние годы теория человеческого капитала, невзирая на обширную критику, сохранила свое жесткое ядро и эмпирически подкрепила идею о преобразующей роли инвестиций в образование и здравоохранение в качестве важных ориентиров социальной политики [Tan, 2014]. Кроме того, аналитический инструментарий теории человеческого капитала широко адаптирует новые подходы, связанные с расширением традиционных предпосылок: рационального выбора, методологического индивидуализма и моральной

нейтральности, поэтому концепция человеческого капитала становится важной основой для исследования социальных последствий такого сложного явления, как геоэкономическая фрагментация. Таким образом, автор полагает, что анализ человеческого капитала должен быть подкреплен пониманием контекста, долгосрочных тенденций развития, исторических условий и геополитических событий, влияющих существенно на режимы накопления человеческого капитала и эффективность его использования.

Фрагментация затрагивает в первую очередь когорты населения в «хвостах» возрастного распределения, которые тяжело принимают последствия экономического кризиса. В развивающихся странах дети наиболее уязвимы к последствиям фрагментации в первые два года санкций, что сказывается на существенном приросте детской смертности [Petrescu, 2016]. Старшие когорты занятого населения также уязвимы в условиях зависимости от социальных инвестиций государства и обесценивания капитала здоровья. В российских условиях старшие когорты населения получают отрицательную отдачу от накопленного человеческого капитала и не имеют стимулов инвестировать в образование, поскольку профили зарплат растут быстрее, чем в развитых странах, но затем резко идут на снижение [Chernina, Gimpelson, 2023]. В связи с этим в условиях старения населения старшие когорты не могут выступать полноценными источниками человеческого капитала для экономики. Неравенство образования и навыков также являются классическими симптомами экономической фрагментации [Snower, Bosworth, 2021]. В развивающихся странах обусловленная санкциями потеря родителями возможности инвестировать в образование детей приводит к потере более половины пожизнен-

ных заработков будущих поколений [Моееи, 2022].

Развитие технологий стимулирует использование человеческого капитала и производительность труда высококвалифицированной рабочей силы, следовательно, существует значительная взаимосвязь между уровнем доступа к технологиям, инновационным развитием национальной экономики и эффективностью использования человеческого капитала. В условиях геополитического риска зависимость экономики от природных ресурсов в значительной степени повышает уязвимость производственной деятельности с высокой добавленной стоимостью и экономический рост [Testing natural resource..., 2024]. В развитых странах это сказывается на удорожании энергетических ресурсов (например, в 2022 г. удорожание энергоресурсов в Евросоюзе было вызвано прекращением поставок из России в объеме до 40% от потребления [Geopolitical disruptions..., 2023]) и сдерживании высокотехнологичных производств, а в развивающихся ресурсных странах – на падении национальных доходов. Фрагментация в большинстве случаев имеет ресурсоцентрическую природу, то есть позволяет коалициям, контролирующим минеральные ресурсы, быстро перераспределять контуры экономического влияния. Западные страны во главе с США таким образом пытаются снизить зависимость от ресурсов стран БРИКС [Vivoda, Matthews, McGregor, 2024], а также найти альтернативные возможности, в том числе за счет инвестиций в исследования и разработки в области энергетики и материаловедения, что может служить положительным сигналом для высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, влияние фрагментации на человеческий капитал в различных блоках стран неодинаково.

В разрезе компонентов человеческого капитала фрагментация и технологическое упрощение в первую очередь влияют на *навыки и знания занятого населения*. Российский рынок труда характеризуется высокой адаптивностью, которая сочетается со слабостью институтов и оппортунистическим поведением работодателей, убылью рабочей силы и очевидной стагнацией реальных заработков в 2023 г. [Капелюшников, 2023а], поэтому запаса прочности для амортизации шоков остается всё меньше. Экзогенные технологические ограничения в странах, находящихся под санкциями, сдерживающие доступ к передовым способам производства, влияют на образовательные стратегии населения и накопление человеческого капитала на рабочем месте [Любимов, 2022]. Падение темпов модернизации оборудования и процессов приводит к параллельному сокращению инвестиций в человеческий капитал со стороны домохозяйств и фирм, в то время как последние всё чаще рассматривают устаревшие технологии как единственно доступные. Снижение экономической сложности в регионах и технологическое упрощение в дальнейшем отражаются на эффективности использования уже полученных навыков [Гимпельсон, 2022]. Отсутствие признаков поляризации на рынке труда в течение последних лет может косвенно говорить о догоняющем характере роста и отсутствии технологической сложности ряда профессий, вызванной глубоким внедрением цифровых технологий, что характерно для наиболее развитых западных стран [Гимпельсон, Капелюшников, 2023]. Кроме того, санкционный кризис 2022 г. имеет качественные последствия для системы образования, поскольку потеря интеграции в мировое научное пространство устраняет ориентиры для академической результативности и ограничивает прогресс

в конкурентоспособности, прозрачности и подотчетности, достигнутый в сфере науки и образования в России в последние годы [Гимпельсон, 2022].

Среди всех компонентов человеческого капитала в условиях санкций наименее изученной областью является, пожалуй, *социальный капитал*, то есть разделяемые в обществе ценности, приносящие положительную отдачу для субъективного благополучия. Известно, что фрагментация объединяет национальные сообщества перед лицом глобальной угрозы (эффект «сплочения вокруг флага» [Onder, 2021]), а также может привести к росту национальной гордости, которая играет компенсаторную функцию [Камалов, Понарин, 2020]. Несмотря на то, что фрагментация и порождающая ее закрытость приводят к потерям экономического роста (в зависимости от глубины фрагментации потери национального ВВП для ряда стран, находящихся под санкциями, составляют от 0,2 до 7% ежегодно [Geoeconomic fragmentation..., 2023]), в национальной экономике может наблюдаться рост сторонников протекционизма и жесткой миграционной политики, поскольку снижение уровня жизни, производительности приводит к снижению неравенства и воспринимаемых различий в социальном статусе [Snower, Bosworth, 2021]. Индивидуалистические ценности открытой экономики вытесняются коммунитарными соображениями эпохи фрагментации, причем растущая в этих условиях национальная гордость и субъективное благополучие намного сильнее среди наименее обеспеченных слоев населения [Камалов, Понарин, 2020]. Поскольку эффекты доходов для данных групп конкурируют с чувствительностью к статусу среди других детерминант субъективного благополучия, то такое поведение вполне может считаться рациональным с эконо-

мической точки зрения. Следовательно, геоэкономическая фрагментация может приводить к социальной фрагментации и поляризации ценностей в отдельной национальной экономике [Snower, Bosworth, 2021].

Таким образом, в современном потоке литературы достаточно разрозненных эмпирических свидетельств о возникающих рисках для развития человеческого капитала в условиях геоэкономической фрагментации, однако их систематизация и описание природы остается актуальной задачей, на решение которой направлено данное исследование. Фрагментация выражается прежде всего в геополитическом и экономическом разделении стран на блоки, которые преследуют собственные глобальные интересы, поэтому условия и последствия развития человеческого капитала в блоках стран будут также существенно различаться. По результатам обзора литературы были сформулированы основные исследовательские вопросы:

1. Каковы сравнительные тенденции социально-экономического развития и развития человеческого капитала в странах западного, восточного и нейтрального блоков в контексте геоэкономической фрагментации?
2. Какие риски возникают с точки зрения развития российского человеческого капитала в контексте геоэкономической фрагментации?

Методы исследования

Данное исследование фокусируется на позитивистском подходе, анализируя преимущественно эмпирические результаты и аргументы предыдущих исследований, а также соответствующие индикаторы развития. В исследовании предложена классификация, использующая совмещенные подходы Кампос и соавторов, а также Всемирного банка

Таблица 1. Описание блоков стран и примеры стран, входящих в их состав
Table 1. Description of country blocks and examples of countries included in them

Название блока	Примеры стран, входящих в блок (показаны первые десять стран блока по объему ВВП в ценах 2017 г. в среднем с 2011 по 2022 г.)
Западный блок, развитые страны (WA), 28 стран	США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Республика Корея, Испания, Канада, Австралия
Западный блок, развивающиеся страны (WE), 42 страны	Турция, Аргентина, Филиппины, Колумбия, Украина, Румыния, Чили, Перу, Мьянма, Эквадор
Восточный блок, развивающиеся страны (EE), 18 стран	Китай, Россия, Алжир, Казахстан, Узбекистан, Эфиопия, Белоруссия, Боливия, Лаос, Мали
Нейтральный блок, развивающиеся страны (NE), 60 стран	Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика, Саудовская Аравия, Таиланд, Египет, Пакистан, Нигерия, Малайзия

Источник: составлено автором в соответствии с предложенным подходом.

(ВБ) для выделения нескольких ключевых блоков, демонстрирующих границы геоэкономической фрагментации по принципу политических интересов. По материалам исследования Кампос и соавторов были выделены три блока стран: западный, восточный и нейтральный, – отражающие политические предпочтения в соответствии с результатами голосования в ООН в 2021 г. [Geopolitical fragmentation..., 2023]. Для расширения подхода в соответствии с классификацией ВБ были определены развитые (*advanced*) и развивающиеся (*emerging*) страны. В результате выделены четыре основные группы стран, описание которых приведено в таблице 1. Таким образом, для дальнейших расчетов было выбрано 149 стран мира. Блок нейтральных развитых стран не был выделен, поскольку по условиям выбранной классификации в него входит только Сингапур.

Для сравнительного анализа стран выбраны Индикаторы развития ВБ

(*World development indicators*)¹, доступные на январь 2024 г. Для обработки данных и расчетов показателей использовалась функция сводных таблиц *SPSS Statistics*. Для анализа средних значений выбран период с 2011 по 2022 г., поскольку именно в данный отрезок времени происходит наиболее сильное влияние геоэкономической фрагментации, в частности беспрецедентный за всю историю рост санкционного давления: анализ глобальной базы санкций показал, что в 2022 г. число активных случаев превысило 400, общее количество санкций с 2001 г. выросло в 2,7 раза (для сравнения: в период с 1980 по 2000 г. количество санкций выросло только в 1,5 раза) [The global sanctions..., 2024]. Кроме того, в указанный период существенно замедляется прогресс в отношении торговой открытости, после 2010 г. показатель объема международной торговли в мировом ВВП стабилизировался и не превышал отметку 60% [Geeconomic fragmenta-

1 World development indicators // World Bank. – URL: https://databank.worldbank.org/data/download/WDI_CSV.zip (дата обращения: 10.02.2024).

tion..., 2023]. Важными каналами процессов интеграции и фрагментации являются торговля, межстрановая миграция, международные потоки капитала и диффузия технологий, поэтому для анализа выбраны как торговые показатели, так и показатели технологического развития и качества накопленного человеческого капитала в виде Индекса развития человека (*Human development index, HDI*) и Индекса человеческого капитала (*Human capital index, HCI*). Последний рассчитан на основе средних значений для 2010, 2017, 2018 и 2020 гг. в соответствии с данными ВБ. Таким образом, в фокусе внимания находится человеческий капитал, а для анализа рисков развития человеческого капитала в условиях экономики знаний использованы показатели технологического развития, такие как доля высокотехнологичного экспорта, количество ученых и доля затрат на исследования и разработки в процентах от ВВП.

Результаты и дискуссия

Человеческий капитал всех рассмотренных блоков развивается в различных контекстах, для которых характерны общие факторы риска. На основе анализа литературы и данных ВБ далее выявлены факторы, обуславливающие риски для человеческого капитала, особенно характерные для второй волны санкционного кризиса в России. Все сферы риска, рассмотренные в предложенном подходе, учитывают образование и производительные навыки населения (образовательный капитал), капитал здоровья и социальный капитал, выраженный в тенденциях субъективного благополучия и ценностных ориентирах, преобладающих в обществе.

Общая характеристика социально-экономического развития в блоках стран. Основные показатели раз-

вития для блоков стран, используемые для дальнейшего анализа факторов риска для всех видов человеческого капитала, приведены в таблице 2. Очевидно, что страны в рассмотренных четырех блоках весьма различны по уровню георесурсных преимуществ, технологического развития, что влияет на инвестиции в человеческий капитал и отдачу от них.

Страны восточного блока отличаются наиболее низкими среднедушевыми показателями ВВП, однако в большей мере используют имеющуюся рабочую силу и обладают значительным ресурсным потенциалом, поскольку все 18 участников занимают одну пятую от территории всех блоков. Это дает значительные георесурсные преимущества, в частности для России и Китая как крупнейших представителей восточного блока. Россия по ряду показателей существенно отличается от партнеров по блоку, что также говорит о высоком уровне неравенства между странами. Высокая роль ресурсоемких промышленных отраслей приводит к тому, что для России характерны высокая доля производственного сектора в структуре ВВП и значительный углеродный след. Две группы стран западного блока обладают технологическими преимуществами в противопоставление георесурсным возможностям восточного блока. Страны отличаются высоким уровнем добавленной стоимости в высокотехнологичных отраслях, урбанизации и подушевыми доходами, показателями капитала здоровья, создавая дополнительный потенциал для развития человеческого капитала. Уровень участия в рабочей силе мужчин, однако, заметно меньше, чем в развивающихся странах восточного блока. По данному показателю Россия уже превзошла страны западного блока, приближаясь к ресурсным ограничениям со стороны предложения ра-

Таблица 2. Средние значения показателей социально-экономического развития и развития человеческого капитала в период замедления глобализации с 2011 по 2022 г. по блокам

Table 2. Average values of indicators of socio-economic development and human capital development during the slowdown of globalization from 2011 to 2022 by blocks

Показатель социально-экономического развития	WA	WE	EE	В т. ч. Россия	NE
ВВП на душу населения, ППС, тыс. долл. в постоянных ценах 2017 г.	45,8	13,6	8,7	26,4	13,8
Рост ВВП, % в год	2,0	2,8	3,6	1,4	3,3
Импорт товаров и услуг, % ВВП	47,3	45,6	37,1	20,1	39,7
Экспорт товаров и услуг, % ВВП	50,3	34,1	30,6	27,6	34,8
Доля площади территории во всех блоках, %	30,1	12,4	20,4	16,3	37,1
Выбросы CO ₂ на душу населения, т	8,3	2,7	3,9	11,3	4,6
Городское население, % от общего населения	77,8	57,5	50,9	74,3	51,6
Экспорт высоких технологий, % от промышленного экспорта	16,8	8,0	10,4	11,6	6,6
Добавленная стоимость сектора услуг, % ВВП	64,8	55,5	44,7	55,1	50,1
Экспорт товаров ИКТ, % от общего экспорта	6,1	3,2	2,4	0,5	2,0
Ожидаемая продолжительность жизни женщин, лет	83,7	74,0	69,9	76,6	70,6
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин, лет	78,5	68,3	64,5	66,0	66,0
Коэффициент рождаемости, родившихся на 1 женщину	1,6	2,5	3,5	1,6	3,3
Население в возрасте 65 лет и старше: в т. ч. женщины, % от женского населения мужчины, % от мужского населения всего, % от общей численности населения	20,4 16,1 18,3	10,0 7,5 8,8	6,4 4,5 5,5	17,8 9,9 14,1	5,1 4,0 4,5
Безработица, %	7,4	6,9	6,6	5,2	7,0
Уровень участия в рабочей силе, женщины, % мужчины, %	55,4 66,9	51,1 70,9	55,7 74,4	55,6 70,9	52,0 75,1
Уязвимая занятость (всего), % от общей занятости (смоделированная оценка МОТ)	10,9	42,2	50,5	5,7	48,6
Уровень грамотности всего взрослого населения, % от людей в возрасте 15 лет и старше	98,4	89,3	79,9	99,9	80,1
Охват высшим образованием, %, брутто	77,2	53,4	33,4	82,8	24,7
Население в возрасте от 25 лет, имеющее хотя бы некоторое среднее образование, мужчины, %	89,9	63,6	63,7	95,8	49,8
Ожидаемая продолжительность обучения, мужчины, лет	17,0	13,1	12,3	14,9	12,1
Государственные расходы на одного студента высшего учебного заведения, % от подушевого ВВП	29,8	46,8	84,0	17,6	67,8
Индекс человеческого капитала	0,768	0,541	0,511	0,713	0,474
Индекс человеческого развития	0,839	0,579	0,513	0,747	0,455

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

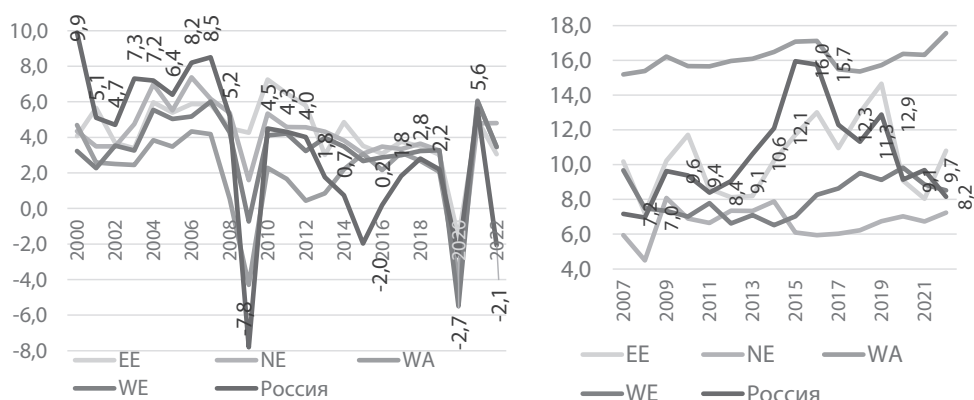

Рисунок 1. Ежегодный прирост ВВП: слева – проценты и динамика изменения доли высокотехнологического экспорта; справа – проценты от произведенных экспортируемых товаров

Figure 1. Annual GDP growth: left – percentages and dynamics of changes in the share of high-tech exports; right – percentages of exported goods produced

бочей силы; об этом говорят и данные рынка труда за 2023 г., поскольку безработица в ряде российских регионов приблизилась к околонулевому уровню [Капелюшников, 2023a]. Кроме того, в России, по сравнению с другими странами восточного блока, в среднем ниже показатели уязвимой занятости, а уровень грамотности взрослого населения приближается к 100%.

Несмотря на существенные ресурсные отличия, блоки стран в целом демонстрируют схожие тенденции экономического роста. Прирост ВВП за последние 20 лет существенно снизился во всех блоках стран, что может рассматриваться как один из факторов замедления глобализации (рисунок 1, слева, на рисунке показаны значения для России; оценка доли высокотехнологичного экспорта для России за 2022 г. произведена по данным ФТС²). Блок западных развитых стран оказался более чувствительным к финансовому кризису

с 2008 г., чем другие блоки в среднем, то же касается и пандемийного кризиса 2020 г. Очевидно, что более всего на замедлении глобального роста сказались финансовые кризисы и пандемия, при этом рост цен привел к необходимости введения мер контроля инфляции, что подстегнуло протекционистскую политику, например, в США в связи с введением Акта сокращения инфляции [Goeconomic Fragmentation..., 2023]. В связи с высокой зависимостью стран восточного блока от перераспределения ресурсов в развитые страны Западного неравенство продолжало расти, что, вероятно, также усиливало «фрагментационные» настроения.

По результатам анализа общих характеристик социально-экономического развития необходимо выделить прежде всего факторы риска, влияющие на отдачу от всех видов человеческого капитала. Страны восточного блока отличаются умеренными или

² Данные внешнеторговой статистики за 2022 год / ФТС России. – URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_file/2023-03/13/stat_2023.xlsx (дата обращения: 03.02.2024).

низкими реальными доходами, рост которых замедлился с 2020 по 2022 г. **Падение реальных доходов** (ПРД) населения в условиях фрагментации приводит к изменению структуры потребления, в связи с чем инвестиции в образовательный капитал и капитал здоровья становятся менее доступными для широких слоев населения. В частности, для России в период с 2014 по 2022 г. среднегодовой темп прироста реальных доходов составил около 1,5% [Капелюшников, 2023a]. Кроме того, падение реальных доходов является фактором риска для социального капитала, поскольку рост субъективного благополучия и национальной гордости имеет различную природу в условиях роста или сокращения объективного благополучия [Камалов, Понарин, 2020]. В условиях стагнации рынка труда равенство в воспринимаемом статусе людей компенсирует потери заработков, что приводит к росту **влияния коммунитарных ценностей** (ВКЦ), неформальности и снижению значимости индивидуализма и демократии [Snower, Bosworth, 2021]. Таким образом, под влиянием фактора доходов происходит перестройка ценностных ориентиров, влияющих на производительность социального капитала в рыночной экономике.

Факторы риска для капитала здоровья. Особенность национальной демографической ситуации заключается в том, что рождаемость находится на низком уровне и не превышает смертность, а повышение пенсионного возраста приводит к увеличению носителей человеческого капитала на рынке труда не более чем на 1% [Kapeliushnikov, 2023b]. Межблочное сопоставление коэффициентов рождаемости показывает, что уровень естественного прироста в России соответствует уровню стран западного блока (около 1,6 родившихся на одну женщину), в то

время как в других странах восточного блока рождаемость выше более чем в 2 раза. Таким образом, выделен фактор **низкой рождаемости** (НР), создающий риск для физического прироста человеческого капитала.

Международные сопоставления агрегированных показателей человеческого капитала также демонстрируют различия, в частности обусловленные продолжительностью жизни: для российских женщин данный показатель ниже уровня западного блока практически на 8 лет, а для мужчин – на 14 лет. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между странами западного блока и Россией сопровождается повышением среднего возраста занятого населения. Доля населения старше 65 лет в России составляет 14,1%, что заметно выше, чем у партнеров из восточного блока (5,5%), но ниже, чем в странах западного блока (18,3%). В отличие от других стран восточного блока для России характерно то, что к уязвимому положению приводит не детская смертность, а именно низкая выживаемость взрослого населения. Таким образом, выделен фактор **старения населения** (СН), увеличивающий демографическую нагрузку на экономики России и стран западного блока, что может сыграть решающую роль в дальнейшей динамике экономического роста.

Фактор неблагоприятных **миграционных процессов** (МП) усугубляет демографическую ситуацию и снижает привлекательность национального рынка труда для иностранцев в связи с девальвацией национальной валюты, в то время как наблюдается отток квалифицированных специалистов, например в сфере цифровых технологий. В 2022 г. миграционный прирост в России составил только около 62 тыс. человек против 430 тыс. человек в 2021 г.; кроме того, структура мигра-

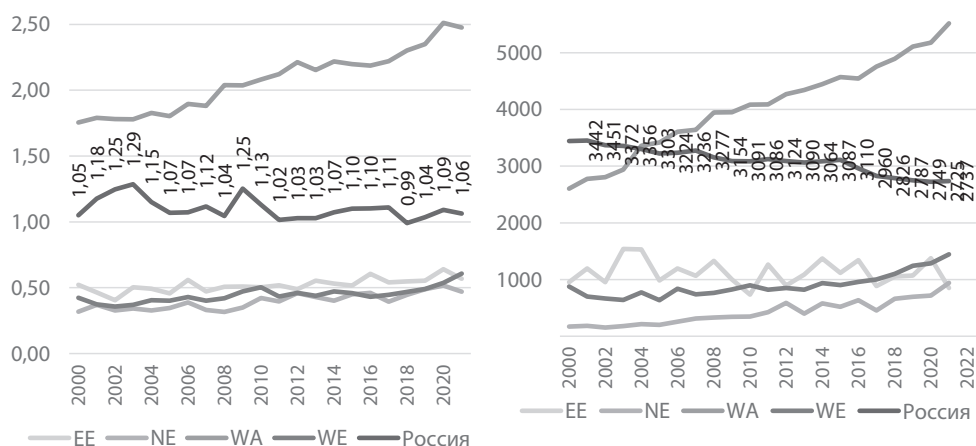

Рисунок 2. Динамика затрат на исследования и разработки: слева – процент от ВВП и среднее количество ученых; справа – человек на население 1 млн человек

Figure 2. Dynamics of research and development costs: left – percentages of GDP and the average number of scientists; right – people per 1 million people

ционного оттока неоднородна по профессиональному и квалификационному уровням, например, по оценкам Вакс [Wachs, 2023], 11,1% российских разработчиков программного обеспечения сменили страну работы, причем данный показатель заметно выше, чем в других странах.

Контекст технологического развития и факторы риска для образовательного капитала. Доступность технологий определяет стратегии и риски для воспроизводства образовательного человеческого капитала в условиях глобальной экономики знаний. Западные страны стремятся удерживать показатель высокотехнологичного экспорта на уровне выше 15% ВВП, а после 2018 г. наблюдается небольшой прирост – до 17,5% к 2022 г. (рисунок 1, справа). Интенсивность диффузии технологий в рамках экспорта весьма нестабильна для стран восточного и нейтрального блоков, которые обычно воспринимаются как реципиенты высоких технологий.

Под влиянием санкционного давления и растущей геополитической напряженности также очевидно **ограничение доступа к технологиям** (ОДТ), означающее неэффективность стратегий импортозамещения и технологическую регрессию в наукоемких сферах, прежде всего в таких как научная деятельность и профессиональные услуги [Любимов, 2022]. Наблюдается сокращение количества ученых: с 2011 г. количество ученых в расчете на 1 млн населения сократилось практически на 400 человек, при этом другие страны восточного блока не демонстрируют явной динамики по данному показателю (рисунок 2, справа). Кроме того, в 2022 г. увеличение доли природных ресурсов в структуре российского экспорта достигло практически 65%, а снижение объемов производства существенно сказалось на сокращении доли высокотехнологичной продукции, в то время как прочие страны восточного блока, не оказавшиеся под прямым влиянием санкций, увеличили поток технологий в российскую экономику.

Технологическое упрощение производств (ТУ) также является фактором риска и связано со сложностью доступа к технологиям в момент адаптации цепочек поставок. Причем существует значительный риск того, что стоимость таких технологий возрастет и снизится их финансовая привлекательность, а это, в свою очередь, стимулирует компании адаптировать устаревшие решения. Технологическое упрощение также отрицательно сказывается на потенциале увеличения ожидаемой продолжительности жизни и доступа к современным медицинским услугам для населения. В различные годы в России затраты на исследования и разработки остаются на уровне чуть более 1% ВВП, несмотря на декларацию инновационных стратегий развития в национальной экономике в 2010-х годах, в то время как страны западного блока стабильно увеличивали такие инвестиции с 1,7 до 2,5% ВВП за последние 20 лет.

Россия отличается от других стран восточного блока высоким уровнем образовательного капитала и характеризуется значительными показателями охвата населения третичным образованием (более 82% в среднем, что выше среднего показателя для стран западного блока), также более 96% имеют среднее общее или профессиональное образование. Несмотря на это, качественные различия очевидны хотя бы в инвестициях на одного студента, которые для стран западного блока превышают 13,6 тыс. долларов на студента третичного образования, в то время как в России данные затраты за период с 2011 по 2021 г. в среднем не превышают 4,6 тыс. долларов в сопоставимых ценах. Однако при этом сравнение гармонизированных результатов международных тестов для студентов, учтенных при расчете индексов человеческого капитала, не показывают существенных разрывов между странами западного блока и Рос-

сией (514 и 497 баллов соответственно). Несмотря на это, институциональные факторы риска могут снизить эффективность инвестиций в образовательный капитал, особенно в свете последних сигналов. Потенциальная **перестройка системы образования** (ПСО), которая была озвучена в 2022 г. как ответ на санкции и отсутствие воспринимаемой пользы от Болонского процесса [Гимпельсон, 2022], может привести к необходимости создания нового вектора национального образования с высокой неопределенностью и дальнейшим потерям человеческого капитала. Выход из международных **процессов академического сближения** (ВАС) скажется сначала на снижении качества институтов в разрезе ориентированности на конкуренцию, прозрачности и подотчетности, а затем на доступе к научным результатам в образовании. **Региональное неравенство** (РН) в ресурсном обеспечении, удельных доходах, качестве жизни и институциональной среды в России также является фактором риска в условиях усиления санкционного давления, влияющим на технологическую сложность и адаптивность регионов [Зубаревич, 2022; Любимов, 2022].

Таким образом, при формально высоких показателях инвестированных человеко-лет в образовательный капитал национальная экономика привлекает меньший удельный объем инвестиций в образование, а различия в индексах человеческого развития и человеческого капитала в основном обусловлены проблемами накопления капитала здоровья, которые усугубились в 2020 г. в связи с пандемией, а также различиями в валовых доходах на душу населения, которые в России в среднем ниже практически в 2 раза, чем в странах западного блока. Результаты анализа рисков для трех ключевых видов человеческого капитала обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Риски развития человеческого капитала для российской экономики и факторы, определяющие их в контексте геоэкономической фрагментации

Table 3. Risks of human capital development for the Russian economy and the factors determining them in the context of geoeconomic fragmentation

Капитал	Описание риска	Факторы риска									
		ОДТ	ТУ	НР	СН	МП	ПСО	ВАС	РН	ПРД	ВКЦ
ОК	Обесценение предыдущих инвестиций в знания и навыки занятого населения	+	+		+		+	+	+		
	Снижение объема инвестиций в человеческий капитал со стороны домохозяйств и государства	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
	Потери человеческого капитала старших когорт населения	+	+		+					+	
	Миграционные потери квалифицированных кадров		+			+		+	+	+	
	Упрощение академических навыков и снижение научно-исследовательской результативности	+	+		+	+	+	+	+		+
КЗ	Сокращение ожидаемой продолжительности жизни	+	+		+				+		
	Снижение инклюзивности групп населения с ограниченными возможностями		+						+	+	
	Повышение уровня заболеваемости из-за доступа к современной медицине	+	+		+				+	+	
СК	Социальная поляризация и ценностная фрагментация			+				+		+	+

Примечание: ОК – образовательный капитал, КЗ – капитал здоровья, СК – социальный капитал, ОДТ – ограничение доступа к технологиям, ТУ – технологическое упрощение экономики, НР – низкая рождаемость, СН – старение населения, МП – миграционные процессы, ПСО – перестройка системы образования, ВАС – замедление процессов международного академического сближения, РН – региональное неравенство, ПРД – падение реальных доходов, ВКЦ – влияние коммунитарных ценностей.

Источник: составлено автором на основе анализа данных по блокам стран и обзора литературы.

Результаты анализа, представленные в таблице 3, показывают, что падение доходов в краткосрочном периоде может в первую очередь привести к обесценению предыдущих инвестиций в человеческий капитал, а также к снижению их совокупного объема в реальном выражении. Более долго-

срочные тенденции развития будут связаны с качеством институтов образования и здравоохранения, подверженных влиянию технологического упрощения и смены векторов образовательной и академической политики под действием интересов национальной безопасности и геополитических событий.

Таким образом, по мнению автора, подобные риски необходимо учитывать прежде всего в долгосрочных стратегиях развития человеческого капитала, целесообразно привлечь широкую академическую и общественную экспертизу для планирования возможных образовательных реформ. Наибольший вклад в долгосрочное обесценение совокупного человеческого капитала в России также вносит демографическая ситуация, в которой наблюдается естественная убыль населения и замедление миграционного прироста. Кроме того, физический объем человеческого капитала существенно зависит от рисков, связанных с капиталом здоровья: выявленные ограничения доступа к технологиям и упрощение производственных цепочек в ближайшие годы повлияют на качество жизни, прежде всего для старших когорт населения, создавая риски для инклюзивности и возможности получать адекватную отдачу от предыдущих инвестиций в человеческий капитал.

Дополнительно был выделен риск социальной поляризации, значительное влияние на который оказывают растущее неравенство и падение реальных доходов. Сама по себе теория человеческого капитала представляется как ценностно нейтральная, однако, как показал обзор современной критики, она отдает приоритет образованию, рациональному инвестиционному поведению и методологическому индивидуализму, что может не соответствовать векторам национальных интересов отдельных стран восточного блока, подчеркивающих роль социальной и коммунитарной природы человеческого развития. Риск поляризации, таким образом, должен учитываться при разработке региональной политики, которая учитывает ценностные ориентиры как важные составляющие человеческого капитала.

Выводы и рекомендации

Каждая волна новых экологических, геоэкономических или других шоков может стать переломным моментом или точкой бифуркации, которая предопределяет пути развития на многие десятилетия вперед. В данном исследовании показано, что вторая волна санкционного кризиса, особенно подчеркнувшая для российской экономики тенденции и последствия замедления глобализации и геоэкономической фрагментации, усиливает риски развития человеческого капитала, наметившиеся в течение последних двух десятилетий. Анализ данных ВБ показал, что западный, восточный и нейтральный блоки стран находятся в неравном положении по условиям развития человеческого капитала, которые сформировались под влиянием исторических, политических, географических, социально-экономических и технологических факторов. Фрагментация, следовательно, гетерогенна по отношению к странам и различным когортам населения, а различные страны и группы населения в них реагируют на последствия геоэкономической фрагментации по-разному. В этом контексте позиция стран восточного блока и лидирующих в нем России и Китая выглядит наиболее уязвимой, поскольку по крайней мере в ближайшие десятилетия фрагментация нанесет существенный удар по накопленному человеческому капиталу, который является неотъемлемым условием перехода к полноценной экономике знаний. Фрагментация несет в себе прежде всего значительные агрегированные затраты на перестройку цепочек поставок и национальных рынков труда, которые выводят устоявшиеся отношения из равновесия и снижают эффективность перераспределения товаров, услуг и квалифицированной

рабочей силы в макроэкономическом масштабе. Исследование также показало, что запасы человеческого капитала могут стать одним из наиболее существенных факторов, ограничивающих дальнейший экономический рост в условиях фрагментации. Несмотря на то, что по многим показателям человеческого капитала Россия занимает промежуточное состояние, находясь по формальному уровню развития ближе к странам западного блока, чем к представителям восточного блока, многие из рассмотренных ключевых показателей в сфере образования и технологий имеют отрицательную динамику, например, сокращается численность ученых и не растут удельные затраты на исследования и разработку в структуре ВВП.

Рекомендации могут быть сведены к нескольким направлениям. Приоритетным направлением является поиск путей для снижения роли или полного устранения источников геополитического риска для компенсации утраты доступа к технологиям [Testing natural resource..., 2024], приводящего к обесценению человеческого капитала, что достигается путем создания дипломатических соглашений для глобального управления ресурсами [Vivoda, Matthews, McGregor, 2024], политикой диверсификации цепочек поставок [Coins have both..., 2024]. Важной стратегией является поиск альтернативных источников технологий (например, в виде так называемого параллельного импорта), приводящих к замедлению процессов усложнения цепей поставок; однако такая стратегия имеет ограниченное прямое влияние на сферу человеческого капитала и часто приводит к обратным последствиям [Ha, Ngoc Thang, 2023]. Следовательно, в целом политика параллельного импорта приведет к отрицательным сетевым эффектам, поскольку потребует большего количе-

ства посредников, приведет к дополнительным транзакционным издержкам, неравенству в распределении доходов, технологической отсталости и потерям человеческого капитала [The network effect..., 2022]. Взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом является наиболее обсуждаемым в литературе последних лет направлением [Shida, 2020], которое не потеряло своей актуальности со второй волной санкций. В качестве рекомендаций для устранения рисков человеческого капитала также рассматривается субсидирование в отраслях, где цепочки поставок восстановятся за относительно короткое время [Любимов, 2022], что важно для перераспределения инвестиций в технологии, образование и здоровье с учетом региональной гетерогенности.

Ограничения и дальнейшие исследования. Используемые методы ограничены позитивистским подходом, который позволяет только идентифицировать риски на основе эмпирических данных. Однако предложенная классификация может также служить основанием для национальной антикризисной политики развития человеческого капитала и понимания областей, в которых происходит адаптация национального рынка труда квалифицированной рабочей силы к контексту фрагментации. Выделение блоков стран для сравнительного анализа также имеет условный характер, связанный с их политическими интересами в момент до начала обострения санкционного давления в 2022 г. В дальнейших исследованиях необходимо разработать более детальный подход для классификации стран в рамках поляризованного мира и применить методы эконометрического моделирования для понимания предельных эффектов каждой волны санкций на индикаторы человеческого капитала.

Список литературы

Авдеева Д.А. Показатели человеческого капитала в исследованиях экономического роста: обзор // Экономический журнал ВШЭ. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 240–269. – DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-240-269.

Белозёров С.А., Соколовская Е.В. Теоретико-игровой подход к моделированию конфликта интересов: экономические санкции // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 65–80. – DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-65-80.

Гимпельсон В.Е. Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые перераспределительные последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – Т. 55, № 3. – С. 234–238. – DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. – 2023. – № 1. – С. 59–85. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85.

Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – Т. 55, № 3. – С. 226–234. – DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15.

Камалов Э.А., Понарин Э.Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 177–205. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.08.

Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. – 2023а. – № 8. – С. 5–37. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.

Любимов И.Л. Технологии и человеческий капитал в санкционной экономике // Экономическая политика. –

2022. – Т. 17, № 6. – С. 40–67. – DOI: 10.18288/1994-5124-2022-6-40-67.

Akberdina V. System resilience of industry to the sanctions pressure in industrial regions: Assessment and outlook // Journal of New Economy. – 2022. – Vol. 23, N 4. – P. 26–45. – DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2.

Alexeev S. Technical change and wage premiums amongst skilled labour: Evidence from the economic transition // Economics of Transition and Institutional Change. – 2023. – Vol. 31, N 1. – P. 189–216. – DOI: 10.1111/ecot.12330.

Becker G.S. The economic way of looking at behavior: The Nobel lecture / G.S. Becker // Essays in Public Policy. – 1996. – Vol. 101, N 9. – P. 385–409.

Cevik S. Long Live Globalization: Geopolitical Shocks and International Trade // IMF Working Papers. – 2023. – Vol. WP/23/225. – P. 1–21.

Chernina E., Gimpelson V. Do wages grow with experience? Deciphering the Russian puzzle // Journal of Comparative Economics. – 2023. – Vol. 51. – N 2. – P. 545–563. – DOI: 10.1016/j.jce.2023.01.005.

Coins have both sides: Revealing the structure and pattern of global interdependence network for five critical metals / Xia Q., Du D., Yu Z., Li X., Zhang Q. // Resources Policy. – 2024. – Vol. 88, January. – Article number 104453. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104453.

Exploring the vital role of geopolitics in the oil market: The case of Russia / Wang X., Lee Z., Wu S., Qin M. // Resources Policy. – 2023. – Vol. 85, part B, August. – Article number 103909. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103909.

Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism / Aiyar S., Ilyina A., Chen J., Kangur A., Trevino J., Ebeke C., Gudmundsson T., Soderberg G., Schulze T., Kunaratskul T., Ruta M., Garcia-Saltos R., Rodriguez S. // IMF Working Papers. – 2023. – P. 1–41.

Geopolitical disruptions in global supply chains: a state-of-the-art literature review / Bednarski L., Roscoe S., Blome C., Schleper M.C. // *Production Planning and Control*. – 2023. – Published ahead-of-print. – P. 1–27. – DOI: 10.1080/09537287.2023.2286283.

Geopolitical fragmentation and trade / Campos R.G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. // *Journal of Comparative Economics*. – 2023. – Vol. 51, N 4. – P. 1289–1315. – DOI: 10.1016/j.jce.2023.06.008.

Góes C., Bekkers E. The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth, and Innovation // *WTO Staff Working Paper*. – 2022. – N ERSD-2022-9. – P. 1–55. – DOI: 10.30875/25189808-2022-9.

Ha T.M., Ngoc Thang D. Economic sanction and global sourcing complexity: A crosscountry analysis // *The World Economy*. – 2023. – Vol. 46, N 4. – P. 1017–1050. – DOI: 10.1111/twec.13350.

Impact of Russia-Ukraine conflict on Russian financial market: Evidence from TVP-VAR and quantile-VAR analysis / Ullah M., Sohag K., Khan S., Sohail H.M. // *Russian Journal of Economics*. – 2023. – Vol. 9, N 3. – P. 284–305. – DOI: 10.32609/j.ruje.9.105833.

Kapeliushnikov R.I. The Russian labor market: Long-term trends and short-term fluctuations // *Russian Journal of Economics*. – 2023b. – Vol. 9, N 3. – P. 245–270. – DOI: 10.32609/j.ruje.9.113503.

Kelishomi A.M., Nistico R. Employment effects of economic sanctions in Iran // *World Development*. – 2022. – Vol. 151, N 1. – Article number 105760. – DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105760.

Moeeni S. The Intergenerational Effects of Economic Sanctions // *The World Bank Economic Review*. – 2022. – Vol. 36, N 2. – P. 269–304. – DOI: 10.1093/wber/lhab024.

Onder M. Economic sanctions outcomes: An information-driven explanation / M. Onder // *Journal of Interna-*

tional Studies. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 38–57.

Petrescu I.M. The Humanitarian Impact of Economic Sanctions // *Europolyty – Continuity and Change in European Governance*. – 2016. – Vol. 10, N 2. – P. 205–246.

Rodriguez F. The human consequences of economic sanctions // *Journal of Economic Studies*. – 2024. – Vol. 51, N 4. – P. 942–963. – DOI: 10.1108/JES-06-2023-0299.

Shida Y. Russian business under economic sanctions: is there evidence of regional heterogeneity? // *Post-Communist Economies*. – 2020. – Vol. 32, N 4. – P. 447–467. – DOI: 10.1080/14631377.2019.1659567.

Sipa M. The Factors Determining the Creativity of the Human Capital in the Conditions of Sustainable Development // *European Journal of Sustainable Development*. – 2018. – Vol. 7, N 2. – P. 1–13. – DOI: 10.14207/ejsd.2018.v7n2p1.

Snower D.J., Bosworth S.J. Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism // *European Journal of Political Economy*. – 2021. – Vol. 67, March. – Article number 101965. – DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101965.

Tan E. Human Capital Theory: A Holistic Criticism // *Review of Educational Research*. – 2014. – Vol. 84, N 3. – P. 411–445.

Testing natural resource curse hypothesis amidst geopolitical risk: Global evidence using novel Fourier augmented ARDL approach / Syed Q.R., Durani F., Kisswani K.M., Alola A.A., Siddiqui A., Anwar A. // *Resources Policy*. – 2024. – Vol. 88, January. – Article number 104317. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104317.

The essential role of Russian geopolitics: A fresh perception into the gold market / Qin M., Su C.W., Pirtea M.G., Peculea A.D. // *Resources Policy*. – 2023. – Vol. 81, March. – Article number 103310. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103310.

The global sanctions data base – Release 3: COVID-19, Russia, and multi-lateral sanctions / Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y.V. // *Review of International Economics*. – 2024. – Vol. 32, N 1. – P. 12–48. – DOI: 10.1111/roie.12691.

The network effect of deglobalisation on European regions / Giammetti R., Papi L., Teobaldelli D., Ticchi D. // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2022. – Vol. 15. – N 2. – P. 207–235. – DOI: 10.1093/cjres/rsac006.

Vivoda V., Matthews R., McGregor N. A critical minerals perspective

on the emergence of geopolitical trade blocs // *Resources Policy*. – 2024. – Vol. 89, February. – Article number 104587. – DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104587.

Wachs J. Digital traces of brain drain // *EPJ Data Science*. – 2023. – Vol. 12, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1140/epjds/s13688-023-00389-3.

Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // *Foresight and STI Governance*. – 2019. – Vol. 13, N 2. – P. 84–96. – DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.02

Risks for the Development of the Russian Human Capital in the Context of Geoeconomic Fragmentation

Ilia M. CHERNENKO

PhD (Econ.), Associate Professor, Institute of Economics and Management
Ural Federal University

Mira Street, 19, Ekaterinburg, Russian Federation, 620062

E-mail: i.m.chernenko@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-9449-6323

CITATION: Chernenko I.M. (2024). Risks for the Development of the Russian Human Capital in the Context of Geoeconomic Fragmentation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 31–53 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.02.02

Received: 05.03.2024.

Revised: 06.05.2024.

ACKNOWLEDGEMENTS. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23–78–10165, <https://rscf.ru/project/23-78-10165/>.

ABSTRACT. *Geopolitical tensions, increasing sanction pressure, inequality, and the slowdown of globalization serve as signals of fragmentation in the world economy. However, research on the social consequences of fragmentation remains limited. This study aims to identify the risks to the development of the Russian human capital in the context of geoeconomic fragmentation. Research methods include a systematic literature review and a comparative analysis of the country blocks based on the key indicators of technology development and human capital using World Bank data from 2011 to 2022. Based on political preferences and the level of socio-economic development, Western, Eastern, and Neutral blocks were identified and analyzed among 149 advanced and emerging economies. The results showed significant differences among the blocks in the level of human capital development and indicators of technological development. Russia has advantages in formal education at the level of Western block countries; however, health indicators of the population and the share of investment in science and education remain relatively low. Key risks in the context of fragmentation include further devaluation of human capital, losses associated with migration and health capital, a decrease in the share of high-tech sectors in the structure of value-added, and the proportion of scientific personnel.*

KEYWORDS: *human capital, health capital, social capital, risks, geoeconomic fragmentation, sanctions, labor market, comparative analysis.*

References

- Akberdina V. (2022). System resilience of industry to the sanctions pressure in industrial regions: Assessment and outlook. *Journal of New Economy*. Vol. 23, no. 4, pp. 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2.
- Alexeev S. (2023). Technical change and wage premiums amongst skilled labour: Evidence from the economic transition. *Economics of Transition and Institutional Change*. Vol. 31, no. 1, pp. 189–216. DOI: 10.1111/ecot.12330.
- Avdeeva D.A. (2022). Human Capital Measures in Economic Growth Studies: An Overview. *HSE Economic Journal*. Vol. 26, no. 2, pp. 240–269 (in Russian). DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-240-269.
- Becker G.S. (1996). The economic way of looking at behavior: The Nobel lecture. *Essays in Public Policy*. Vol. 101, no. 9, pp. 385–409.
- Belozerov S.A., Sokolovskaya E.V. (2022). The game-theoretic approach to modeling the conflict of interests: The economic sanctions. *Terra Economicus*. Vol. 20, no. 1, pp. 65–80 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-1-65-80.
- Cevik S. (2023). Long Live Globalization: Geopolitical Shocks and International Trade. *IMF Working Paper European*. Pp. 1–21.
- Chernina E., Gimpelson V. (2023). Do wages grow with experience? Deciphering the Russian puzzle. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 51, no. 2, pp. 545–563. DOI: 10.1016/j.jce.2023.01.005.
- Coins have both... (2024). Xia Q. et al. Coins have both sides: Revealing the structure and pattern of global interdependence network for five critical metals. *Resources Policy*. Vol. 88, January, article number 104453. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104453.
- Exploring the vital... (2023). Wang X. et al. Exploring the vital role of geopolitics in the oil market: The case of Russia. *Resources Policy*. Vol. 85, part B, August, article number 103909. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103909.
- GeoEconomic Fragmentation... (2023). Aiyar S. et al. GeoEconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. *IMF Working Papers*. Vol. 38, pp. 1–41.

Geopolitical disruptions... (2023). Bednarski L., Roscoe S., Blome C., Schleper M.C. Geopolitical disruptions in global supply chains: a state-of-the-art literature review. *Production, Planning and Control*. Published ahead-of-print, pp. 1–27. DOI: 10.1080/09537287.2023.2286283.

Geopolitical fragmentation... (2023). Campos R.G. et al. (2023). Geopolitical fragmentation and trade. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 51, no. 4, pp. 1289–1315. DOI: 10.1016/j.jce.2023.06.008.

Gimpelson V.E. (2022). Russian human capital in times of sanctions and counter-sanctions: Some redistributive implications. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 55, no. 3, pp. 234–238 (in Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16.

Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (2023). Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1, pp. 59–85 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85.

Góes C., Bekkers E. (2022). The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth, and Innovation. *WTO Staff Working Paper*. No. ERSD-2022-9, pp. 1–55. DOI: 10.30875/25189808-2022-9.

Ha T.M., Ngoc Thang D. (2023). Economic sanction and global sourcing complexity: A cross-country analysis. *The World Economy*. Vol. 46, no. 4, pp. 1017–1050. DOI: 10.1111/twec.13350.

Impact of Russia-Ukraine... (2023). Ullah M. et al. Impact of Russia-Ukraine conflict on Russian financial market: Evidence from TVP-VAR and quantile-VAR analysis. *Russian Journal of Economics*. Vol. 9, no. 3, pp. 284–305. DOI: 10.32609/j.ruje.9.105833.

Kamalov E.A., Ponarin E.D. (2020). National pride and subjective well-being of Russians. *Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes*. No. 1,

pp. 177–205 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.08.

Kapeliushnikov R.I. (2023a). The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8, pp. 5–37 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.

Kapeliushnikov R.I. (2023b). The Russian labor market: Long-term trends and short-term fluctuations. *Russian Journal of Economics*. Vol. 9, no. 3, pp. 245–270. DOI: 10.32609/j.ruje.9.113503.

Kelishomi A.M., Nistico R. (2022). Employment effects of economic sanctions in Iran. *World Development*. Vol. 151, no. 1, article number 105760. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105760.

Lyubimov I.L. (2022). Technology and Human Capital in an Economy Under Sanctions. *Economic Policy*. Vol. 17, no. 6, pp. 40–67 (in Russian). DOI: 10.18288/1994-5124-2022-6-40-67.

Moeeni S. (2022). The Intergenerational Effects of Economic Sanctions. *The World Bank Economic Review*. Vol. 36, no. 2, pp. 269–304. DOI: 10.1093/wber/lhab024.

Onder M. (2021). Economic sanctions outcomes: An information-driven explanation. *Journal of International Studies*. Vol. 14, no. 2, pp. 38–57.

Petrescu I.M. (2016). The Humanitarian Impact of Economic Sanctions. *Europoly - Continuity and Change in European Governance*. Vol. 10, no. 2, pp. 205–246.

Rodriguez F. (2024). The human consequences of economic sanctions. *Journal of Economic Studies*. Vol. 51, no. 4, pp. 942–963. DOI: 10.1108/JES-06-2023-0299.

Shida Y. (2020). Russian business under economic sanctions: is there evidence of regional heterogeneity? *Post-Communist Economies*. Vol. 32, no. 4, pp. 447–467. DOI: 10.1080/14631377.2019.1659567.

Sipa M. (2018). The Factors Determining The Creativity Of The Human Capital

In The Conditions Of Sustainable Development. *European Journal of Sustainable Development*. Vol. 7, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.14207/ejsd.2018.v7n2p1.

Snower D.J., Bosworth S.J. (2021). Economic, social and political fragmentation: Linking knowledge-biased growth, identity, populism and protectionism. *European Journal of Political Economy*. Vol. 67, March, article number 101965. DOI: 10.1016/j.ejpolco.2020.101965.

Tan E. (2014). Human Capital Theory: A Holistic Criticism. *Review of Educational Research*. Vol. 84, no. 3, pp. 411–445.

Testing natural resource... (2024). Syed Q.R. et al. Testing natural resource curse hypothesis amidst geopolitical risk: Global evidence using novel Fourier augmented ARDL approach. *Resources Policy*. Vol. 88, January, article number 104317. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104317.

The essential role... (2023). Qin M., Su C.W., Pirtea M.G., Peculea A.D. The essential role of Russian geopolitics: A fresh perception into the gold market. *Resources Policy*. Vol. 81, March, article number 103310. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103310.

The global sanctions... (2024). Syropoulos C. et al. The global sanctions data base – Release 3: COVID-19, Russia, and

multilateral sanctions. *Review of International Economics*. Vol. 32, no. 1, pp. 12–48. DOI: 10.1111/roie.12691.

The network effect... (2022). Giammetti R., Papi L., Teobaldelli D., Ticchi D. (2022). The network effect of deglobalisation on European regions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 15, no. 2, pp. 207–235. 10.1093/cjres/rsac006.

Vivoda V., Matthews R., McGregor N. (2024). A critical minerals perspective on the emergence of geopolitical trade blocs. *Resources Policy*. Vol. 89, February, article number 104587. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.104587.

Wachs J. (2023). Digital traces of brain drain. *EPJ Data Science*. Vol. 12, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1140/epjds/s13688-023-00389-3.

Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. (2019). The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13, no. 2, pp. 84–96. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96.

Zubarevich N.V. (2022). Regions of Russia in the new economic realities. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 55, no. 3, pp. 226–234 (in Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15.

Особенности современного экономического развития

УДК 339.5

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.03

Возможные направления развития международной торговли в периметре глобальных цепочек создания стоимости в условиях новой реальности

Андрей Александрович МАЛЬЦЕВдоктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт экономики Уральского отделения РАН

ул. Московская, д. 29, г. Екатеринбург, Россия, 620014

E-mail: maltsevaa@list.ru

ORCID: 0000-0002-3774-6311

ЦИТИРОВАНИЕ: Мальцев А.А. Возможные направления развития международной торговли в периметре глобальных цепочек создания стоимости в условиях новой реальности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 54–79.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.03

Статья поступила в редакцию 12.02.2024.

Исправленный текст представлен 26.03.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках плана НИР Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг.

АННОТАЦИЯ. Начавшийся после мирового финансового кризиса 2008 г. переход от гиперглобализации к замедленной глобализации усилил скептицизм относительно будущего глобализации и мотивацию к корректировке архитектуры международной торговли. Последовавшая затем череда глобальных шоков – обострение американо-китайских торговых отношений, пандемия COVID-19, события, начавшиеся на Украине в 2022 г., – усугубили ситуацию, обострив проблему купирования негативных последствий разрыва цепочек поставок товаров и услуг.

Цель статьи заключается в уточнении контуров реструктуризации и перспектив развития трансграничной торговли в условиях новой реальности: наложения глобальных шоков, нарастания геополитической неопределенности, усиливающейся фрагментации мировой экономики. Объектом исследования выступает межстрановая торговля в периметре глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС), доля которых в мировой торговле возросла с 34,93% в 1995 г. до 45,24% в 2007 г. и после падения до 43,49% в 2020 г., быстро восстановившись,

увеличилась до 49,38% в 2022 г. Анализ количественных и структурных сдвигов в ГЦС-торговле опирался на методику структурирования экспорта в категориях добавленной стоимости А. Борина и М. Манчини. Перспективы ГЦС-торговли оценивались с использованием методик выявления «рискованности» товаров в экспортно-импортном обороте С. Маджуне и В. Столценбурга, частоты трансграничных двусторонних взаимодействий С. Лианга, агломерации международной торговли К. Барис. Дана характеристика четырех основных в современных условиях вариантов укрепления сопротивляемости ГЦС: решоринга, диверсификации, регионализации и копирования. Получила подтверждение рабочая гипотеза о том, что все четыре рассмотренные траектории не являются взаимоисключающими и ни одна не предполагает полной автаркии страны. Сделан главный вывод, согласно которому негативные события в мировой экономике последнего десятилетия реконфигурировали торговые потоки, разогнали процессы регионализации глобального хозяйства, но не стали триггером деглобализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальные цепочки создания стоимости, международная торговля, мировая экономика, регионализация, резильентность, решоринг, шок-уязвимость ГЦС.

Введение

Развитие международной торговли в первой четверти XXI столетия осложняла череда глобальных шоков. Главными из них выступили мировой финансовый кризис 2008 г., обострение американо-китайских торговых отно-

шений в 2018–2019 гг., объявленная 11 марта 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения глобальная пандемия коронавируса (COVID-19), специальная военная операция на Украине, начавшаяся в 2022 г. Эти события наложились на начавшееся на стыке 2000–2010-х годов замедление темпов глобализации. Как показывают данные таблицы 1, пиковые показатели доли экспорта и чистого притока прямых иностранных инвестиций в мировом ВВП (30,96 и 5,36% соответственно), полученные в 2007–2008 гг., до настоящего времени превзойти так и не удалось. Процесс перехода от гиперглобализации [Subramanian, Kessler, 2013] к «замедленной глобализации»¹ усилил спептицизм относительно будущего глобализации и мотивацию к корректировке архитектуры международной торговли. Главными ее акторами остаются многонациональные компании (МНК), образующие ядро ГЦС, на которые в совокупности в 2022 г. приходилось 49,38% валового мирового экспорта (таблица 3). Поэтому рассмотрение деталей реконфигурации внешнеторгового взаимодействия на примере ГЦС позволит, оценив динамику и направления происходящих в их периметре структурных преобразований, изменение степени вовлеченности стран в ГЦС-торговлю и шок-уязвимость ГЦС в рассматриваемый период, выделить ключевые особенности складывающихся в современной мировой практике вариантов корректировки траектории развития ГЦС в направлении повышения их сопротивляемости.

В порядке небольшого предваряющего основного разговор отступления заметим, что понятия глобальных цепочек поставок (*global supply chains*)

1 Globalisation has faltered // The Economist. – 2019. – January 24. – URL: <https://www.economist.com/briefing/2019/01/24/globalisation-has-faltered> (дата обращения: 30.01.2024).

[USITC, 2011], глобальных производственных цепочек (*global production chains*) [АРЕС, 2012], глобальных цепочек создания стоимости (*global value chains*) [Gereffi, 2011] достаточно подробно разобраны в современной экономической литературе [Мальцев, 2024]. Одно из самых точных определений ГЦС, например, дал испанский экономист, профессор Гарвардского университета П. Антрас: «<...> совокупность стадий производства товара или услуги, предназначенных для реализации, когда на каждой стадии создается новая добавленная стоимость и как минимум две стадии находятся в разных странах. Фирма становится участником ГЦС, если задействована хотя бы в одной из стадий цепочки» [Antràs, 2020, р. 5]. В отношении национальных экономик идея укрепления их устойчивости (резильентности) поднята в рамках инициативы ОЭСР-2014, когда под резильентностью понимается «способность домохозяйств, общества и стран восстанавливаться от шоков, адаптируя и трансформируя свои структуры к условиям жизни в среде продолжительных стрессов, изменений и неопределенности» [OECD, 2014, Glossary]. Применительно к ГЦС проблема резильентности, как отмечают российские экономисты Н.В. Смородинская, Д.Д. Катукоев, В.Е. Малыгин [2021], заключается «в достижении оптимального динамического баланса между <...> робастностью и гибкостью». В данном случае под робастностью понимается «сохранение системой структурной стабильности и функциональности в ситуации внезапного шока», а под гибкостью – «восстановление эффективной работы системы после шока за счет адаптации ее структурных элементов и ключевых ресурсов к вызванным шоком изменениям в окружающей среде» [Смородинская, Катукоев, Малыгин, 2021, с. 92].

Таблица 1. Ключевые индикаторы развития мировой экономики в XXI в., млрд долл. США в текущих ценах
Table 1. Key indicators of the development of global economy in XXI century, billion US dollars, current prices

Показатель	2000	2007	2008	2009	2010	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП	33 899,0	58 446,8	64 227,6	60 886,0	66 707,1	86 542,7	87 777,4	85 257,7	97 529,7	101 325,7
Экспорт, всего	7 983,7	17 404,1	19 882,4	16 052,8	19 135,2	25 257,6	24 859,5	22 552,7	28 356,0	31 370,5
Доля экспорта в мировом ВВП, %	23,55	29,78	30,96	26,37	28,69	29,19	28,32	26,45	29,07	30,95
ПИИ, всего	1 569,1	3 133,7	2 475,4	1 447,3	1 928,0	885,6	1 850,2	1 195,5	2 198,5	1 740,2
Доля ПИИ в мировом ВВП, %	4,62	5,36	3,85	2,38	2,89	1,02	2,10	1,40	2,25	1,72

Источники: составлено автором по данным Всемирного банка: GDP (current, US\$). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2022&start=1960>; Exports of goods and services (current, US\$). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?end=2022&start=1960>; Foreign direct investment, net flows (BoP, current, US\$). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?end=2005&start=1970> (дата обращения: 28.01.2024).

Реконфигурация международной торговли в периметре ГЦС в XXI в.

Важность феномена ГЦС побудила исследователей к разработке методик, позволяющих максимально точно оценить вклад каждого звена цепочки в мировой товарооборот. Актуальность задачи резко возросла в условиях углублявшейся фрагментации глобального производства, когда создание продукта для конечного потребления стало требовать многократных встречных трансграничных перемещений входных ресурсов, необходимых для его изготовления. С ее решением удалось справиться по завершении в 2000-е годы целой серии исследований о формировании сопоставимых по структуре и наполнению страновых межотраслевых балансов, сводимых в межотраслевой баланс мировой экономики (*World Input-Output Table, WIOT*). Стандартная таможенная статистика фиксирует, где трансакционные товары (услуги) произведены и куда отгружаются, но не поясняет, какие страны приняли участие в их создании. Не разъясняет эта статистика и конечное предназначение перемещаемых через границу товаров (услуг), а именно – ввозятся ли они для конечного потребления в стране ввоза или для переработки с приращением добавленной стоимости и последующего реэкспорта. Из работ, в которых специалистам удалось состыковать таможенную статистику с таблицами *WIOT*, наибольшее распространение получили разработка ОЭСР *Trade in Value Added (TiVA)*, проект *EC World Input-Output Database (WIOD)* и база данных ЮНКТАД (*UNCTAD-Eora GVC*). Эти разработки объединяет общий концептуальный базис – структурирование экспорта на компоненты в категориях добавленной стоимости с обособлением элементов повторно-

го счета. Полученные при этом основные результаты достаточно подробно разобраны в литературе [Варнавский, 2018; Варнавский, 2019; Кондратьев, 2015; Кондратьев, 2019; Мальцев, 2022; Мальцев, 2024; Сидорова, 2018].

Структурные сдвиги в ГЦС-торговле на современном этапе разберем на основе методики структурирования мировой торговли в категориях добавленной стоимости. Ее базовый вариант разработан коллективом американских экономистов под руководством Р. Купмана [Give Credit..., 2010; Koopman, Wang, Wei, 2014], директора департамента экономики Комиссии по международной торговле США в конце 2000-х годов. Авторы впервые произвели прорывное разграничение добавленной стоимости во внешней торговле, но в применении к агрегированному итогу глобального экспорта. В силу отсутствия полномасштабной детализации межотраслевых балансов команде Р. Купмана не удалось, например, разграничить внутреннюю добавленную стоимость в экспорте данной страны на ее часть, окончательно потребленную в стране непосредственно импортера и реэкспортированную в третьи страны. С накоплением исходной информации специалистам Банка Италии А. Борину и М. Манчини в развитие наработок коллектива Р. Купмана, Р. Джонсона и Г. Ногеры [Johnson, Noguera, 2012], А. Нагенгаста и Р. Стехпера [Nagengast, Stehrer, 2014], других предшественников удалось впервые отследить движение добавленной стоимости постадийно, от самых истоков ее создания до рынка финального потребления, собрав полные цепочки перемещения данной единицы добавленной стоимости на глобальном, межстрановом и межсекторальном уровнях, и провести полную декомпозицию составляющих повторного счета во внешней торговле [Borin, Mancini, 2019].

Выделим три главных результата, полученных в результате анализа реконфигурации международной торговли в периметре ГЦС в XXI в. с использованием методического аппарата А. Борина и М. Манчини. Для удобства их изложения сведем содержательное наполнение задействуемых при этом категорий в таблице 2. Оговоримся, что в методике итальянских специалистов выделяется в общей сложности 19 субпозиций [Borin, Mancini, 2019, р. 58–59], на которые раскладывается валовой экспорт страны в двусторонней торговле, включая три базовые позиции, приведенные в таблице 2.

I. Из полученных результатов анализа реструктурирования мировой торговли по методу итальянских экспертов выделим прежде всего снижение доли DAVAX в валовом мировом экспорте с 54,76% в 2007 г. до 50,62% в 2022 г. Это сокращение в общем итоге компенсировало увеличение удельного веса FVA с 23,81 до 27,16% и суммарного вклада REF и REX с 19,05 до 20,99%, при незначительном уменьшении доли PDC (стоимостной объем которого остался неизменным – 0,4 трлн долл.) с 2,38 до 1,23% соответственно [WTO, 2023, р. 4]. При прочих равных условиях это косвенно указывает на опережающий общемировую динамику рост ГЦС-торговли в связи с известной фрагментацией стадий производственного процесса в цепочках и его рассредоточением по разным странам.

II. Другим подтверждением роста ГЦС-торговли становится динамика изменений коэффициентов *BPI* и *FPI*, которые стабильно росли начиная с отслеживаемого по международным межотраслевым балансам 1995 г. – 19,50% (*BPI*) и 15,43% (*FPI*). Спады зафиксиро-

ваны только в 2009 г. в результате мирового финансового кризиса (до 23,55 и 17,66% соответственно) и 2019–2020 гг. (до 24,83% для нисходящего и 18,66% – восходящего участия ГЦС в международной торговле) вследствие наложения американо-китайского торгового противостояния и последствий пандемии. Однако в 2021–2022 гг. восстановительный рост с запасом компенсировал спад предыдущего двухлетия, установив по итогам 2022 г. *BPI* на отметке 28,39 и 20,99% в части *FPI*, а интегральный коэффициент участия ГЦС в глобальной торговле оказался лучшим с 1995 г. [WTO, 2023, р. 5]. Одновременно это означает, что события на Украине на объемных показателях мировой торговли за 2022 г. не отразились: валовой экспорт вырос на 10,6%, возросли объемы DAVAX, FVA, REF, REX, хотя оценить структурные сдвиги в мировом экспорте в категориях добавленной стоимости в 2023 г. из-за отсутствия соответствующих материалов международных межотраслевых балансов пока невозможно. В целом 57 из 73 стран, в разрезе которых специалистами Азиатского банка развития (АБР) на основе методики А. Борина и М. Манчини проводилось структурирование экспорта за 2018–2022 гг., свои показатели участия в ГЦС-торговле улучшили². Реестр 16 стран, интегральный индекс вовлеченности которых в ГЦС-торговлю на 2022 г. ухудшился (по разным причинам в каждом конкретном случае), оказался разнородным. В него попали пять стран из верхней половины рейтинга (с показателем выше среднемирового уровня): абсолютный лидер Люксембург, Кувейт, Норвегия, Сингапур, китайский Тайвань – и 11 стран из «нижней» сетки:

2 Оценки Азиатского банка развития по: Key Indicators Database. Multiregional Input-Output Database. – URL: <http://kidb.adb.org> (дата обращения: 30.01.2024).

Таблица 2. Ключевые элементы методики структурирования валового экспорта двустороннего товарооборота в категориях добавленной стоимости

Table 2. Key items that form the bilateral decomposition of gross exports in value-added categories

Элемент	Определение
<i>DVA</i> ¹ (<i>domestic value-added in exports</i>)	добавленная стоимость, созданная в данной стране и использованная за рубежом для конечного потребления или переработки
<i>DAVAX</i> (<i>domestic value-added directly absorbed by the importer</i>)	созданная в данной стране добавленная стоимость, полностью потребленная при экспорте в стране-импортере
<i>REX</i> (<i>domestic value-added sent to the importer then reexported and eventually absorbed abroad</i>)	добавленная стоимость, созданная в данной стране и в составе новой добавленной стоимости реэкспортированная импортером для конечного потребления в третьих странах
<i>REF</i> (<i>domestic value-added sent to the importer then reexported and eventually absorbed back by the exporter</i>)	добавленная стоимость, созданная в данной стране, в последующем экспортированная и в составе новой добавленной стоимости реимпортированная для конечного потребления в стране ее происхождения
<i>FVA</i> ² (<i>foreign value-added</i>)	иностранная добавленная стоимость, использованная в стране-импортере для производства экспортной продукции
<i>DC</i> ³ (<i>double counting</i>)	повторный счет в экспорте промежуточной продукции (элементы добавленной стоимости, которые в рамках данного производственного процесса минимум 2 раза фиксируются в двустороннем трансграничном товарообороте)
<i>DDC</i> (<i>domestic double-counted</i>)	повторный учет <i>DVA</i> в экспорте (вывоз/ввоз) промежуточной продукции
<i>FDC</i> (<i>foreign double-counted</i>)	повторный учет <i>FVA</i> в экспорте (ввоз/вывоз) промежуточной продукции
<i>PDC</i> (<i>pure double counting</i>)	чистый повторный счет или сумма <i>DDC</i> и <i>FDC</i> (без учета данного компонента 100% валового экспорта страны не собрать)
Расчет показателей вовлеченности ГЦС в мировую торговлю с использованием элементов концепции <i>TIVA</i>	
<i>BPI</i> ⁴ (<i>Backward Participation Index</i>)	коэффициент нисходящего участия ГЦС в мировой торговле (удельный вес суммы <i>FVA</i> и <i>PDC</i> в валовом экспорте страны)
<i>FPI</i> ⁵ (<i>Forward Participation Index</i>)	коэффициент восходящего участия ГЦС в мировой торговле (удельный вес суммы <i>REF</i> и <i>REX</i> в валовом экспорте страны)

1 Методика А. Борина и М. Манчини предлагает 19 вариантов *DVA*, в том числе 1 – в составе экспортируемой готовой продукции для конечного потребления за рубежом и 18 – в составе экспортируемой промежуточной продукции, вывозимой за рубеж для переработки с последующим конечным потреблением в стране-импортере, стране-экспортере промежуточной продукции или третьей стране.

2 Методика А. Борина и М. Манчини предлагает 4 варианта *FVA*, включая 1 – в составе экспортируемой готовой продукции для конечного потребления за рубежом и 3 – в составе экспортируемой промежуточной продукции, вывозимой за рубеж для переработки с последующим конечным потреблением в стране-импортере, стране-экспортере промежуточной продукции (с включенной в ее стоимость иностранной добавленной стоимостью) или третьей стране.

3 Методика А. Борина и М. Манчини предлагает три варианта *DC*, включая 1 – в составе экспортируемой промежуточной продукции, произведенной в стране-экспортере, и 2 – в составе экспортируемой промежуточной продукции, первоначально произведенной за рубежом и ввезенной из страны-изготовителя или третьей страны.

4 *BPI* показывает параметры привлечения данной страной иностранной промежуточной продукции для изготовления товаров и услуг на экспорт.

5 *FPI* характеризует вклад произведенных данной страной промежуточных продуктов в производство импортером новой экспортной продукции и ее последующего вывоза за рубеж обратно в страну «происхождения» или третьи страны.

Сложением коэффициентов *BPI* и *FPI* получают интегральный индекс вовлеченности ГЦС в международную торговлю.

Источники: составлено автором по [Borin, Mancini, 2019; Give credit..., 2010; Koopman, Wang, Wei, 2014].

Таблица 3. Изменение степени вовлеченности стран в ГЦС-торговлю¹, %

Table 3. Change in the degree of the participation in the GVC-trade by countries, %

Страна ²	2007	2010	2020	2022
Мир, в среднем	45,24	44,11	43,49	49,38
в т. ч.				
<i>BPI</i>	26,19	25,16	24,83	28,39
<i>FPI</i>	19,05	18,95	18,66	20,99
Люксембург	72,50	72,25	75,83	74,45
КНР	36,59	34,31	31,54	36,54
США	36,43	35,71	35,77	41,54
Германия	44,64	45,36	47,31	52,69
Россия	41,43 ³	43,57	39,62	40,77
Пакистан	24,58	25,42	22,92	24,17

1 Рассчитывается по удельному весу суммы *REF*, *REX*, *FVA* и *PDC* в валовом экспорте страны.

2 В порядке пояснения к выбору стран для включения в таблицу 3: Люксембург на всем отрезке 2007–2022 гг. занимал первое место в мире по вовлеченности в ГЦС-торговлю, тогда как Пакистан в 2022 г. «закрывал» (в 2007 г. – вместе с Бангладеш, имевшей наименьший индекс 24,17) список стран, по которым АБР рассчитывал коэффициенты *BPI* и *FPI*. КНР, США и Германия – ядрообразующие центры «глобальных взаимосвязанных производственных хабов» – азиатской, американской и европейской «фабрик» [WB, 2017, p. 7].

3 2009 г.

Источник: рассчитано автором по: [ADB, 2023, p. 240–248; WTO, 2023, p. 4–7].

Армения, Бутан, Казахстан, Канада, Киргизия, Мальдивы, Новая Зеландия, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Шри-Ланка. Кроме того, почти во всех странах (Кипр, Италия, Малайзия, Португалия, Франция и др.) с крупным сектором услуг в экономике темпы восстановления интегрального индекса вовлеченности ГЦС в мировую торговлю после глобальных шоков 2019–2020 гг. оказались выше среднемировых. Это говорит о потенциальных возможностях значительного влияния сектора на включение стран в процессы глобального взаимодействия и корреспондирует с феноменом растущей «сервисизации» (*servicification*) ГЦС или увеличения доли добавленной стоимости, создаваемой услугами, в стоимости готового изделия [Baldwin, Freeman, 2021, p. 24]. Сводная динамика изменений интегрального индекса вовлеченности

стран в ГЦС-торговлю за рассматриваемый период представлена в таблице 3.

III. Важным параметром, характеризующим структурные сдвиги в ГЦС-торговле, является изменение средней длины производственной цепочки (СДЦ). Под СДЦ в данном случае понимается среднее количество всех нисходящих и восходящих стадий производственного процесса от НИОКР и разработки дизайна продукта через изготовление и переработку промежуточных входных ресурсов до финальной доставки готового изделия в точку конечного спроса [Characterizing..., 2017, p. 2]. Здесь отправной точкой выступает категория «дистанция до конечного спроса» (*distance to final demand*), введенная американским экономистом Т. Фалли [Fally, 2011, p. 6] при изучении вертикальной фрагментации производства в американской

промышленности. Признавая усиливающееся проникновение импорта в производственные цепочки, автор тем не менее сосредоточился на изучении изменения их длины в периметре отдельно взятой страны как в схеме «змея» (последовательное включение предприятий в производственную цепочку), так и в схеме «паук» (поставки входных ресурсов конечному изготовителю независимыми поставщиками). Опираясь на данные межотраслевых балансов Бюро экономического анализа США, Т. Фалли рассчитал коэффициенты вертикальной фрагментации (*the index of vertical fragmentation*) для 311 подотраслей американской добывающей и обрабатывающей промышленности, выявив существенное снижение средневзвешенного значения интегрального показателя длины цепочек с 1,94 в 1947 г. до 1,65 в 2002 г. Для его измерения Т. Фалли предложил два инструмента: N_i (*number*) – по количеству предприятий, последовательно вовлеченных в процесс создания товара i (модель «змея»), и D_i (*distance to final demand*) – по количеству предприятий, привносящих добавленную стоимость в итоговую стоимость товара конечного спроса i (модель «паук») [Fally, 2011, р. 7]. Если N_i показывает число предприятий, последовательно задействованных в производственной цепочке до поступления комплектующих на предприятие для изготовления конечного продукта i , то D_i показывает число предприятий, через которые проходят входные ресурсы, прирастая стоимостью, до стадии конечного потребления³ [Fally, 2011, р. 9]. Для расчета N_i требуется сначала измерить стоимость входных ресурсов отрасли j , необходимых для производства 1 дол-

лара товаров отрасли i (коэффициент μ_{ij}), а затем применить формулу (1):

$$N_i = 1 + \sum_j \mu_{ij} N_j \quad (1),$$

тогда как расчет коэффициента D_i требует измерения удельных весов добавленной стоимости промежуточной продукции в конечной стоимости продукта i для финального потребления, взвешенных по доле поставщиков входных ресурсов [Fally, 2011, р. 10]. Альтернативный N_i показатель D_i рассчитывается по формуле (2):

$$D_i = 1 + \sum_j \varphi_{ij} D_j \quad (2),$$

где φ_{ij} показывает долю продукции отрасли, выпускающей товар i для конечного потребления, которая покупается в качестве промежуточных изделий у отрасли j и рассчитывается по формуле (3):

$$\varphi_{ij} = \frac{Y_j}{Y_i + M_i - X_i} \cdot \mu_{ji} \quad (3),$$

где Y_i – объем производства товара i , M_i – объем импорта товара i , X_i – объем экспорта товара i [Fally, 2011, р. 9]. Механизм расчета показателей N_i и D_i Т. Фалли проиллюстрировал на упрощенном примере автозавода, которому требуются комплектующие в объеме 50 центов на 1 доллар стоимости автомобиля. Если все комплектующие производятся одним предприятием «с нуля», то для завода автокомпонентов дистанция до конечного спроса (длина цепочки) равна 1, а для автозавода составит 1,5 [1 + 0,5] [Fally, 2011, р. 7]. В целом Т. Фалли удалось доказать, что 1) коэффициент D_i равняется 1 только в том случае, если вся произведенная предприятием продукция используется для конечного потребления; 2) средневзвешенное («весом» выступает удельный вес приращения

3 Конечное потребление продукта i в концепции Т. Фалли рассчитывается по формуле $\sum_j \mu_{ji} Y_j + M_i - X_i$, что соответствует объему производства продукта i за вычетом стоимости промежуточных ресурсов, использованных при его изготовлении отечественными предприятиями, плюс чистый импорт [Fally, 2011, р. 10].

добавленной стоимости на каждой стадии вертикальной фрагментации производства) количество стадий производственной цепочки (для торгуемых товаров, кроме нефти) в американской промышленности меньше 2; 3) снижение данного показателя в промышленности США на 15% за 1947–2002 гг. отчасти произошло за счет «сервисизации» экономики, так как услуги, как правило, требуют меньшего количества стадий производства, чем промышленность, и на 1/2 – за счет концентрации производства в тех звеньях цепочки, где создается наибольший объем добавленной стоимости⁴ [Fally, 2011, p. 3].

Для расчета СДЦ ГЦС весь производственный процесс по характеру использования создаваемой в стране добавленной стоимости делится на четыре стадии: 1) конечное потребление в стране «происхождения»; 2) конечное потребление в стране-импортере в качестве готового продукта или 3) после переработки; 4) конечное потребление за рубежом после двух или более пересечений границы данной единицей добавленной стоимости (собственно ГЦС-торговля) [Characterizing..., 2017, p. 3]. В условиях мировой торговли под средней длиной цепочки понимается количество раз, когда созданная в результате использования исходных входных ресурсов добавленная стоимость учитывается в составе промежуточной продукции в валовом выпуске конкретных секторов экономики до итогового включения в состав стоимости конечного продукта, потребляемого за рубежом [Characterizing..., 2017, p. 6]. В результате мирового финансового кризиса СДЦ ГЦС сократилась с 8,75 до 8,73 [WTO, 2023, p. 6]. К наиболее вероятным причинам снижения

вовлеченности в ГЦС можно отнести большой перенос опоры на внутренние источники создания добавленной стоимости и даже временную концентрацию производства в небольшой группе стран. При этом во всех средне- и высокотехнологичных секторах мировой экономики СДЦ увеличилась.

СДЦ ГЦС уменьшилась с 9,15 в 2020 г. до 9,0 в 2021 г. [WTO, 2023, p. 8]. В разрезе лидеров мировой экономики изменение СДЦ складывалось разнонаправленно: за 2017–2019 гг. в 30 из 35 наблюдаемых отраслей китайской экономики СДЦ ГЦС сократилась, а в США, напротив, в 29 отраслях из 35 произошло увеличение средней длины, правда, незначительное [WTO, 2023, p. 61]. Ограничения на импорт китайских товаров, введенные США, и ответные меры КНР увеличили производственные издержки третьих стран на 30–70%, а наибольший урон в итоге понесли фирмы, в меньшей степени подготовленные к диверсификации входных ресурсов или обновлению реестра своих поставщиков. Эти негативные события существенно реконфигурировали глобальные торговые потоки (например, КНР нарастила свои экспортные поставки в АТР на 11,7%, в Европу и Центральную Азию – на 16,1%) и разогнали процессы регионализации мировой экономики, но не стали триггером деглобализации [WTO, 2023, p. 76]. Если под деглобализацией понимать сокращение СДЦ ГЦС, то по факту на 2022 г. «деглобализировались» только китайский Гонконг и Малайзия, тогда как многие менее развитые страны Азии просто заменили иностранных субпоставщиков «домашним» производством комплектующих, сократив

4 Проанализировав данные *WIOD-2016*, эксперты установили, что вывод Т. Фалли о сокращении длины производственных цепочек в США не типичен для глобальной экономики, а гипотеза о концентрации наибольшего объема приращения добавленной стоимости в звеньях, максимально приближенных к конечному потребителю, справедлива только для стран с высоким уровнем дохода [Characterizing..., 2017, p. 5].

экспорт, а в экспорте многих развитых стран, сохранивших и в ряде случаев увеличивших в собственном потреблении долю иностранной продукции, возросла доля внутренней добавленной стоимости, особенно в составе вывозимых за рубеж машин и оборудования [WTO, 2023, р. 78]. Поэтому даже сверхжесткое напряжение американо-китайских торговых отношений на СДЦ ГЦС мировой экономики в целом сказалось более чем умеренно. В частности, снижение средней длины глобальных цепочек конкретно по этой причине за 2018 г. составило 0,017%, за 2019 г. – 0,05%, 2020 г. – 0,05%, 2021 г. – 0,061%, 2022 г. – 0,064%, 2023 г. (оценка) – 0,065%, 2024 г. (оценка) – 0,067% [WTO, 2023, р. 78].

Оценка уязвимости ГЦС-торговли

ГЦС обычно ассоциируются с фрагментацией производства и выносом отдельных его стадий в наиболее перспективные для решения конкретных бизнес-задач локации, которые могут быть рассредоточены по всему миру. Такая архитектура производственного взаимодействия усиливает взаимозависимость партнеров по международной торговле, которая особенно остро проявляется при нарушениях в глобальных цепочках поставок, когда негативные последствия ощущаются всеми звеньями. Оценка уязвимости ГЦС к их последствию можно провести в трех уровнях: 1) международная торговля «высокорисковыми» товарами; 2) концентрация источников создания добавленной стоимости; 3) частота пересечения единицей добавленной стоимости границ данной страны в цепочках поставок.

За последние годы в экономической литературе появился целый ряд методик выявления узких мест в меж-

дународной торговле. Так, Е. Корниенко, М. Пинат и Б. Дью для выделения 100 риск-несущих импортируемых товаров (*100 risky import products*) предложили три параметра: 1) наличие ключевых поставщиков на рынке; 2) формирование соответствующих кластеров; 3) возможности международной взаимозаменяемости [Korniyenko, Pinat, Dew, 2017]. Опираясь на свою методику, авторы сделали вывод: все страны сталкиваются с потенциальной возможностью «закупки» входа импортируемых товаров, но в разной степени.

В развитие данного методического подхода О. Рейтер и Р. Стехрер составили индекс «рискованности» продукта (*a product riskiness index*), базирующийся на пяти критериях: 1) сверхконцентрации производства; 2) предрасположенности сектора к кластеризации; 3) наличию аналогов на мировом рынке; 4) индексе Херфиндаля-Хиршмана (*Herfindahl-Hirshman Index/HHI*); 5) нетарифном регулировании оборота данной продукции [Reiter, Stehrer, 2021]. Из обследованных по этой методике 4706 товаров, обращающихся в международной торговле, 435 отнесены авторами к «риск-несущим» в импорте, из них 294 – промежуточная продукция и 141 – товары конечного потребления. Суммарно на них приходится 26% мирового импорта [Reiter, Stehrer, 2021, р. 17–18].

Попытки выявить потенциальные уязвимости международной торговли предпринимаются также на уровне отдельных государств и региональных блоков. Так, в 2021 г. Еврокомиссия классифицировала 137 из почти 5 тыс. товаров как «рискованные» для экономики ЕС по 1) уровню концентрации их производства; 2) важности дополнительного импорта (его доле в суммарном импорте); 3) возможности заменить дополнительный импорт собственным производ-

Таблица 4. Критерии классификации товаров как потенциально уязвимых для импорта страны

Table 4. Criteria for classifying product categories as potential import bottlenecks

Критерий	Определение	Инструмент оценки
Рыночная концентрация	зависит от количества поставщиков и их доли в суммарном мировом экспорте конкретного товара	индекс Херфиндаля-Хиршмана ¹
Рыночная ниша	оценивает важность товара для мировой торговли по объему экспорта и количеству импортеров	ежегодный объем экспорта ²
Рыночная взаимозаменяемость	характеризует возможность замены товара аналогом	коэффициент эластичности замены товара ³

1 Индекс Херфиндаля-Хиршмана для отнесения товара к потенциально уязвимым в импорте должен быть не менее 0,25, как предписывает совместное определение Министерства юстиции США и Федеральной торговой комиссии США [United States Department..., 2010].

2 За бенчмарк принят объем 30 млн долл. в 2000 г. с последующей корректировкой на динамику роста мировой торговли.

3 Коэффициент эластичности замены товара (аналогом или поставкой из другой страны) для его отнесения к потенциально уязвимым в импорте должен быть выше среднего по стране за конкретный год, подчеркивая ограниченные возможности замены. Данные коэффициенты всегда имеют отрицательное значение⁵ (несколько упрощая, можно отметить, что затраты на организацию ввоза замены или аналога всегда больше уже налаженных схем импорта). Ввиду отсутствия коэффициентов эластичности для всех товарных позиций допускается проведение классификации товаров на предмет определения их уязвимости в импорте по двум первым критериям.

Источник: [Majune, Stolzenburg, 2022, p. 18–19].

ством [European Commission, 2021]. К. Джан разработал коэффициент зависимости от импорта по четырем критериям (диверсифицированность импорта, возможность заменить импортируемый товар собственной продукцией или аналогом третьих стран, конечное назначение ввозимой продукции) и применил его для анализа канадского импорта в 2019 г., выявив 500 (из 5331) товаров как вызывающих уязвимость экономики Канады [Jiangs, 2021]. С. Боно и М. Накаа оценили уязвимости экономики Франции от импорта из неевропейских стран по удельному весу стран за пе-

риметром ЕС-27 в суммарном импорте Франции и количеству поставщиков данной продукции, определив 121 из 5 тыс. товаров как уязвимые [Bonneau, Nakaa, 2020]. Своеобразным синтезом этих и других аналогичных подходов к оценке «хрупкости» международной торговли можно считать предложенную С. Маджуне и В. Столценбургом методику выявления узких мест в импорте [Majune, Stolzenburg, 2022], содержательное наполнение которой сведено в таблице 4.

Используя свою методику, С. Маджуне и В. Столценбург применили ее к базе данных международной

5 По результатам оценки эластичности оборота двусторонней торговли 152 стран за 2001–2016 гг. среднее медианное значение замены товара оказалось равным минус 5, тогда как для стандартизированной продукции с примерно одинаковыми качественными характеристиками, например, минерального сырья – минус 18, а для такой высокоспециализированной продукции, как машины и оборудование, – минус 6, обуви – минус 3, то есть найти им замену будет «затратнее» [Fontagné, Guimbard, Orefice, 2022, p. 3–4].

Таблица 5. 10 крупнейших экспортеров потенциально уязвимых товаров, 2000–2021 гг., % общего объема «рискованного» экспорта

Table 5. Top 10 exporters of potential bottleneck products, 2000–2021, % of total riskiness exports

2000		2021	
Страна	Удельный вес	Страна	Удельный вес
КНР	19,1	КНР	36,3
США	18,4	США	6,4
Япония	9,4	Республика Корея	5,0
Франция	6,2	Австралия	4,2
Канада	5,2	Вьетнам	4,2
Германия	5,1	Германия	3,4
Италия	3,4	Бразилия	3,3
Великобритания	3,3	Япония	2,7
Нидерланды	2,2	Индонезия	2,4
Малайзия	1,6	Франция	2,2
Топ-10, всего	73,9	Топ-10, всего	70,1

Источник: [WTO, 2023, p. 21].

торговли *Comtrade Database* ООН за 2000–2021 гг. и выявили 1075 товаров (из 5384 проанализированных товарных позиций) на 2021 г. (по итогам 2000 г. таковых набиралось 778) как несущих потенциальный риск для торгового оборота. Их годовой оборот в мировом экспорте увеличился с 600 млрд долл. в 2000 г. до почти 4 трлн долл. в 2021 г. Вплоть до мирового финансового кризиса доля таких товаров оставалась на уровне 9–10% глобального экспорта, а затем стала расти и достигла 14% в 2021 г.

В географическом плане потенциально уязвимые товары (то есть проблемные в плане возможностей замены аналогом), как выяснилось, поставляются из стран АТР. Главными экспортерами «рискованной» продукции на протяжении всего периода оставались КНР и США, при этом доля Ки-

тая почти удвоилась за 2000–2021 гг., а «вклад» США трехкратно снизился (таблица 5). Следует отметить, что свыше 70% суммарного ее объема на мировой рынок два десятилетия подряд стабильно поставляли на мировой рынок всего 10 стран.

В отраслевом разрезе наибольшая доля уязвимого экспорта приходится на продукцию электронной промышленности (47% в 2021 г. против 20% в 2000 г.), что связано с резким увеличением спроса на полупроводники, мобильные телефоны и др. Вторую позицию здесь занимает товарная группа «топливо» (10% мирового экспорта в 2021 г.). По количеству риск-несущих (в случае сбоев в цепочках поставок) товарных позиций первенство за химической, легкой промышленностью и продукцией растениеводства [WTO, 2023, p. 19–20].

Для ГЦС наибольшие риски уязвимости возникают в случае концентрации значительного объема добавленной стоимости, создаваемой конкретной цепочкой по производству товаров или услуг, в ограниченном количестве локаций или ее звеньев. Эту ситуацию поможет оценить показатель *FVA*. В 2007 г., в канун мирового финансового кризиса, на 20 стран, крупнейших по объему иностранной добавленной стоимости, направляемой на мировой рынок, приходился 81% *FVA* в глобальном экспорте, что свидетельствовало о высочайшей концентрации нисходящего участия в ГЦС. Возглавляли рейтинг США и Германия, при этом вклад США (78,5 млрд долл. *FVA*, направленной третьим странам), в 2007 г. равнялся 75% объема *FVA* прочих стран за периметром топ-20⁶. Доля 20 лидеров в дальнейшем осталась практически на том же уровне: от 80,87% созданной в мировой экономике *FVA* в 2009 г. до 78% в 2020–2021 гг. при фактически неизменном составе лидеров. Правда, в 2018 г. по объему *FVA*, направляемой в каналы глобальной торговли, на второе место, опередив Германию, вышла КНР. Другими словами, сложившаяся в начале 2000-х годов архитектуру международной торговли, структурированную по схеме нисходящего участия в ГЦС, не изменили ни мировой финансовый кризис, ни торговая война США – КНР, ни пандемия COVID-19 [WTO, 2023, р. 22–24].

Однако уязвимость ГЦС могут усиливать не только нарастание концентрации нисходящего участия в международной торговле, но и риски, обусловленные частотой взаимодействия одной страны с другой. В мировой экономике сплошь и рядом возникают си-

туации, когда страна, даже не являясь сколько-нибудь крупным поставщиком изделий для производства экспортной продукции третьими странами, может быть косвенно активно включена в глобальные цепочки, например, как транспортный хаб или оказанием услуг, необходимых для выполнения производственных процессов отдельными звеньями ГЦС. В подобных случаях при концентрации таких взаимодействий увеличивается риск подвергнуться воздействию непредвиденных обстоятельств в виде природных катаклизмов, экономических или политических шоков.

Для оценки последствий нарастания «частотности» трансграничных взаимосвязей С. Лианг, С. Кью и М. Ху предложили использовать концепцию концентрации частоты трансграничных взаимодействий [Liang, Qu, Xu, 2016]. Ее конечная цель – определить, как часто страны взаимодействуют друг с другом в процессе производства товаров и услуг для конечного потребления. Применение данного методического подхода предполагает проведение комплексной оценки трансграничного оборота с выделением взвешиваемых по стоимостному объему связей с главными внешнеторговыми партнерами. В сочетании с анализом состояния ключевых секторов экономики можно в результате выявить те из них, что специализируются на производстве промежуточной продукции (так называемые передаточные секторы/*transmission sectors*), в том числе на экспорт. Это даст возможность при необходимости задействовать их в ослаблении давления внешней среды на цепочки снабжения.

По итогам 2007 г. топ-3 стран, через которые чаще всего проходила *FVA*,

6 Оценки Азиатского банка развития за 2000–2017 гг. рассчитывались для 63 стран по: Key Indicators Database, Multiregional Input-Output Database. – URL: <http://kidb.adb.org> (дата обращения: 30.01.2024).

использованная при изготовлении впоследствии экспортируемых товаров, составили Германия, КНР и Сингапур. Вклад Сингапура в создание глобальной *FVA* сравнительно невелик, зато функционирующие здесь зоны свободной торговли известны активной посреднической деятельностью, особенно по перевалке морских грузов. В силу значительных объемов реэкспорта товаров, поступающих в сингапурские морские порты, в них не происходит существенного приращения перемещаемой добавленной стоимости. Вместе с тем по частоте ее перемещения через свою территорию Сингапур с 2007 г. стабильно входит в тройку мировых лидеров (400–450 тыс. перемещений *FVA* в год). Китай в 2021 г. довел абсолютный показатель перемещений *FVA* до 0,9 млн (для сравнения: у Германии (на втором месте) – 0,55 млн, у России – 0,23 млн). При этом США, занимая первое место в мире по нисходящему участию в ГЦС, по частоте «пропуска» *FVA* через свою территорию для последующего ее учета в стоимости новой американской экспортной продукции в пятерку лучших вошли только в 2018 г. Возможно, это объясняется передачей компаниями США многих производственных процессов на аутсорсинг за рубеж. В 2007 г. на 20 стран приходилось 78,35% всех взаимных трансграничных пересечений добавленной стоимости в мировой экономике, в 2009 г. – 78,94%, в 2010 г. – 79,46%. За раскручиванием американо-китайского торгового конфликта последовало снижение показателя до 77,07% в 2018 г., еще на 3% к 2020 г. и на 0,83% – в 2021 г., когда дополнительно сказались проблемы с международной логистикой. Однако в целом показатель концентрации частоты встречных трансграничных потоков остался на критически высоком уровне с вытекающими последствиями в случае возможных сбоев в налаженных цепочках поставок [WTO, 2023, р. 28–29].

Варианты укрепления резильентности ГЦС

Как показано выше, на устойчивости ГЦС сказывается действие целой совокупности факторов. На современном этапе особую остроту создают увеличение числа товаров, несущих риски разрыва цепочек снабжения в международной торговле, сверхконцентрация производства *FVA*, задействованной в глобальном обороте, в небольшом количестве стран/регионов, «замыкание» 4/5 трансграничных пересечений добавленной стоимости в периметре всего 20 стран. В период обострения глобальных вызовов их воздействие на устойчивость ГЦС кратно усиливается. Глобальные цепочки, располагая разветвленной сетью рассредоточенных по странам производственных единиц, могут, с одной стороны, смягчать, а с другой – передавать по цепочке последствие шоков, усугубляя их воздействие на мировую экономику. Поэтому понятен интерес правительств и крупных международных компаний к поиску путей укрепления резильентности ГЦС, прежде всего в части снижения зависимости от трансграничной торговли промежуточной продукцией.

Окончательное решение о выборе соответствующей корректирующей траектории будет предопределяться исходной архитектурой сложившейся в ГЦС организационной структуры международного производства. Кроме того, предстоит в безусловном порядке учесть коренные технологические изменения, продвигаемые в рамках новой промышленной революции. По факту же к началу 2020-х годов, по оценке специалистов ЮНКТАД, оформились четыре непересекающиеся траектории возможной в этом плане реконфигурации ГЦС: рещоринг, диверсификация, регионализа-

ция и копирование»⁷ [UNCTAD, 2020, р. 156–167]. Все четыре траектории постепенно реализуются, но в разной степени в разных отраслях. На их рассмотрении предлагаем остановиться.

Решоринг первоначально подразумевал возвращение производственной деятельности в «страну происхождения родительской компании (*parent company*)» [Ellram, 2013, р. 3], хотя единого определения данного понятия вплоть до сегодняшних дней не сложилось. В ряде случаев под решорингом понимается «общая смена локации по отношению к месту расположения предыдущего офшора» [When Manufacturing..., 2014, р. 54]. Дж. Диклер, напротив, придерживается точки зрения, сложившейся в среде крупного американского бизнеса, согласно которой решоринг – это процесс, обратный офшорингу, но с критически важным уточнением. Речь не идет об обязательной «репатриации» всех ранее выведенных в офшоры бизнесов. Допускается, в частности, вариант, когда американский предприниматель организует в США производство, замещающее на рынке долю иностранного поставщика [Dikler, 2021, р. 2].

При всех обсуждаемых вариациях трактовок решоринга очевиден вызов, который данная концепция бросает опорным точкам конструкции современных ГЦС – фрагментации стадий производства и его географическому рассредоточению в формате офшоринга. Однако однозначно подтвердить или опровергнуть преимущества решоринга перед другими схемами организации бизнес-процесса ввиду отсутствия систематизированной сводной информации крайне затруднительно.

Для проверки реальности и оценки масштабов решоринга предложено несколько методических подходов. Один из них с 2014 г. применяет международное консалтинговое агентство А.Т. Kearney, рассчитывая для США в динамике с 2008 г. индекс решоринга (*A.T. Kearney US Reshoring Index/KRI*) по изменению (год к году) доли импорта готовой продукции (из 14 стран Азии – основных поставщиков на американский рынок) к валовому ее производству в США [US Trade Policy..., 2019; America Is Ready..., 2022]. Показательно, что за весь период наблюдений (2008–2022) чистый решоринг (положительное значение *KRI*) в США фиксировался всего три раза: в 2011, 2019 и 2022 гг. – но, еще раз подчеркнем, только по наблюдениям за обрабатывающей промышленностью.

Более комплексный подход, базирующийся на использовании категории «добавленная стоимость»⁸, а не разграничении продукции конечного потребления по месту расположения фирм-производителей, представлен в концепции агломерации международной торговли (*agglomeration to global trade*) [Measuring Localization..., 2022], позволяющей в комплексе оценить для ГЦС последствия концентрации производства в отдельных секторах экономики и географических локациях. Для этого рассчитываются два коэффициента: нисходящей (*a backward agglomeration index/AGG^B*) и восходящей (*a forward agglomeration index/AGG^F*) агломерации. *AGG^B* показывает, какой объем добавленной стоимости, произведенной в стране, используется различными ее секторами для производ-

7 Российские экономисты [Сморodinская, Катукoв, Малыгин, 2021] в своем исследовании разбирают более широкий круг постпандемических резильентных стратегий, предлагая, в частности авторскую модель наращивания резильентности ГЦС – «управление рисками дизрупции».

8 За основу принималась схема декомпозиции добавленной стоимости в экспорте, предложенная специалистами АБР [Characterizing Global..., 2017].

ства товаров и услуг для внутреннего потребления [Measuring Localization..., 2022, p. 5]. Его увеличение – при прочих равных условиях – свидетельствует о разворачивании решоринговых процессов, означая, что растёт число секторов экономики, во всё больших объёмах использующих промежуточную продукцию, произведенную внутри страны. В 2007 г. из 63 стран, обследованных специалистами АБР, в категорию решоринговых по коэффициенту нисходящей агломерации попали только Казахстан, Россия и Султанат Бруней. По итогам 2021 г. в этом списке остались Казахстан и Россия, «компанию» которым составили Австралия и Саудовская Аравия (обе страны – с 2018 г.). В США AGG^B на протяжении всего периода 2007–2021 гг. стабильно рос, а AGG^F , напротив, снижался, что могло бы сигнализировать о решоринге в ряде секторов американской экономики [WTO, 2023, p. 36–37].

Собственно коэффициент $AGG_{j,r,t}^B$ рассчитывается по формуле, числителем в которой является доля стоимости товаров конечного спроса, потребленных в данной стране, добавленная стоимость в структуре которых создавалась только внутренними секторами, в общей стоимости конечного потребления сектора j экономики r за время t , а знаменателем – тот же показатель в усреднении за два года (текущий t и предыдущий $t-1$) для всей мировой экономики, взвешенный по удельному весу конкретных стран в общемировом выпуске продукции соответствующих секторов [Measuring Localization..., 2022, p. 5]. Другими словами, AGG^B для страны в целом характеризует изменение доли «домашних» секторов в суммарной стоимости конечной продукции, потребленной в данной экономике за рассматриваемый период, в сравнении со среднемировым значением того же показателя. AGG^F сравнивает долю

создаваемой в стране DVA и здесь же поглощаемой с соответствующим среднемировым итогом. В числителе формулы $AGG_{j,r,t}^F$ в данном случае фиксируется доля добавленной стоимости, сгенерированной в секторе j экономики r и поглощенной в данной стране за рассматриваемый период t в качестве конечной продукции, произведенной другими секторами внутренней экономики, в общем объеме созданной в секторе j экономики r добавленной стоимости, а в знаменателе – аналогично AGG^B – тот же усредненный за два года мировой результат [Measuring Localization..., 2022, p. 5]. В зависимости от значения получаемого частного от деления возможны две зеркальные вариации на каждую «тему».

Первая: низкая нисходящая агломерация ($AGG^B < 1$), то есть изготовление конечной продукции в данной экономике «запихивается» добавленной стоимостью преимущественно не из ее внутренних секторов, и низкая восходящая агломерация ($AGG^F < 1$), сигнализирующая о том, что объем добавленной стоимости, созданной внутренними секторами экономики и воплощенной в стоимости конечной продукции других секторов данной экономики для «домашнего» потребления, ограничен, как это имеет место, например, в анклавах, не имеющих достаточных собственных производств промежуточной продукции. Вторая: обратные варианты – высокая нисходящая ($AGG^B > 1$) в подтверждение статус-кво решоринга и высокая восходящая агломерация ($AGG^F > 1$), когда конечная продукция сектора j страны r за время t генерирует больше добавленной стоимости внутренним секторам экономики для производства новой DVA с конечным внутренним потреблением по сравнению со среднемировым итогом для данного сектора [Measuring Localization..., 2022, p. 6]. Растущая AGG^F является проти-

вофазой решорингу, что требует пояснений, вытекающих из методических особенностей концепции агломерации международной торговли.

Дело в том, что при ее разработке авторы опирались на три опорные точки. Во-первых, созданная в стране добавленная стоимость может быть потреблена 1) полностью внутри страны; 2) в секторах ее экономики, завязанных на классическую внешнюю торговлю; 3) в функционирующих в стране звеньях ГЦС. Во-вторых, соответственно рассматривались только две схемы использования генерируемой в стране добавленной стоимости: в промежуточной продукции для других секторов внутренней экономики и в конечной продукции, потребляемой в стране. В-третьих, в обеих схемах учитывались бизнес-операции, не предполагающие трансграничного перемещения *DVA* [Measuring Localization..., 2022, р. 4–5]. Поэтому низкая восходящая агломерация ($AGG^F < 1$) также означает, что в данной экономике в сравнении со среднемировой ситуацией уменьшается та часть создаваемой *DVA*, которая предназначена для использования другими внутренними секторами при производстве новой продукции с конечным потреблением внутри страны. Одновременно при этом увеличивается доля *DVA*, направляемая структурам, занятым внешней торговлей, и ГЦС-звеньям. Другими словами, происходит перенаправление внутренних потоков *DVA*, что при прочих равных условиях свидетельствует о выявлении решоринговых схем релокации отдельных звеньев ГЦС-бизнеса, «домой».

Главной альтернативой решорингу рассматривается диверсификация производства [UNCTAD, 2020, р. 159–161]. В силу того, что его сверхконцентрация в отдельных странах (регионах) в контексте снижения уязвимости цепочек поставок является главным вопросом

повестки укрепления резильентности ГЦС, многонациональные компании, как и отдельные страны, при определенных условиях решорингу предпочитают международную диверсификацию производства. В свою очередь, это может вылиться в расширение числа зарубежных локаций производства и круга поставщиков ГЦС. Зависимость от одного поставщика существенно увеличивает волатильность как «связанных» с ним экономик, так и глобального ВВП в целом. Поэтому сопротивляемость к шокам разрывов цепочек возрастает при диверсификации источников входных ресурсов их заменой на аналоги, расширением круга поставщиков, в том числе привлечением фирм других стран, и т. д.

Для оценки риска «переконцентрации» экспортного производства используется индекс Херфиндаля-Хиршмана (*HHI_{exp}*), в данном случае показывающий долю добавленной стоимости, создаваемой в экспорте страны конкретным сектором внутренней экономики. Чем выше индекс (при беспроцентном расчете $HHI_{exp} = 1$ означает, что вся добавленная стоимость в экспорте данной страны поставляется за рубеж одним сектором ее экономики), тем выше концентрация экспортного производства и менее диверсифицирован экспорт страны. Соответственно, чем меньше значение *HHI_{exp}*, тем менее уязвима экономика страны к нарушениям в цепочках поставок.

В канун мирового финансового кризиса в 2007 г. все 63 страны из базы данных АБР, кроме Брунея, имели индекс *HHI_{exp}* меньше 0,5. В 2022 г. из 73 стран, по которым рассчитывался *HHI_{exp}*, за отметку 50%-й концентрации экспортного производства в одном секторе экономики «заступили» три страны: Кувейт, Саудовская Аравия и Бруней. Для глобальной экономики среднемировой *HHI_{exp}* в 2007–2010 гг. находил-

Таблица 6. Концентрация экспортного производства в отдельных странах по индексу Херфиндаля-Хиршмана, 2010, 2022 гг.

Table 6. Herfindahl-Hirshman Indexes of Economies, 2010, 2022

2010		2022	
Страна	ННІЕхр	Страна	ННІЕхр
1. Бруней	0,53	1. Кувейт	0,65
2. Монголия	0,38	2. Саудовская Аравия	0,59
3. Норвегия	0,27	3. Бруней	0,51
4. Казахстан	0,25	4. Норвегия	0,47
5. Мальдивы	0,24	5. Монголия	0,32
... Россия	0,13	... Россия	0,18
Мир, в среднем	0,09	Мир, в среднем	0,13
... США	0,05	... США	0,07
... КНР	0,04	... КНР	0,04
... Испания ¹	0,03	... Турция ²	0,03

1 Лидер мировой экономики по диверсификации экспортного производства в 2010 г.

2 Лидер мировой экономики по диверсификации экспортного производства в 2022 г.

Источник: [WTO, 2023, p. 32].

ся в диапазоне 0,07–0,09 и оставался на этом уровне до 2020 г. с небольшим последующим ростом до 0,13 в 2022 г. (таблица 6).

Третьей возможной траекторией реконфигурации ГЦС с целью укрепления их сопротивляемости определена географическая регионализация, предполагающая укорачивание длины цепочек в задействованных макрорегионах [UNCTAD, 2020, p. 161–163]. Тем самым фактически стимулируется создание региональных цепочек создания стоимости как сокращенной модели вертикально специализированных ГЦС, действующих на региональном или локальном уровнях [Post-Pandemic Reconfiguration..., 2021]. Ее практическое воплощение возможно в форме

отказа от зарубежных звеньев ГЦС созданием самими МНК «дублеров» в регионах либо структурированием своей операционной деятельности в формате переноса производственных единиц максимально близко к месту производства конечной продукции (*nearshoring*), к основному рынку сбыта (*onshoring*) [Reshoring..., 2016, p. 8], в дружественную страну (*friend-shoring*) [Canuto, 2022]⁹. В принципе, региональные цепочки могут быть встроены в ГЦС. Однако данный процесс сдерживает целый ряд обстоятельств: действие эффекта масштаба, высокие капитальные затраты на организацию производства на новом месте, издержки логистики, нехватка специалистов конкретного профиля или специали-

9 Характеризуя эти поиски лучшей локализации производства, компания *McKinsey* назвала их очередной наиболее предпочтительной из рассматриваемых в проживаемый момент бизнес-стратегией концентрации усилий на стыковке задач удовлетворения спроса с появившимися инновациями (*next-shoring perspective*) [George, Ramaswamy, Rassey, 2014].

зированных поставщиков в новой локации и др.

Четвертой выделяемой ЮНКТАД траекторией реконфигурации ГЦС определено копирование (*replication*), под которым в данном случае понимается централизованно организованное рассредоточение производства (*centrally coordinated «distributed manufacturing»*), когда его стадии сводятся воедино и, дублируясь, размещаются в разных локациях, тем самым, по факту, укорачивая цепочки [UNCTAD, 2020, р. 163–167]. Реализацию данной схемы облегчают автоматизация производства, минимизирующая издержки труда и предельную стоимость конечного продукта, а также диджитализация, позволяющая организовать эффективную координацию работы всей цепочки из одного центра. Обычно рассредоточенное производство ассоциируется с применением аддитивных технологий и 3D-принтинга, что как раз предполагает соединение автоматизации и диджитализации.

Эксперты при этом отмечают, что данная траектория менее всего пригодна для широкого международного применения и требует совокупности соответствующих бизнес-условий [UNCTAD, 2020, р. 145–146]. В частности, использование 3D-принтинга, обеспечивающего переход от масштабизации производства к масштабизации его кастомизации, предполагает соблюдение жестких требований к спецификации применяемых исходных материалов. Поэтому траектория «копирование», как ожидается, обернется сокращением ГЦС-торговли, но увеличит оборот услуг, нематериальных активов, потоков информации, роялти и лицензионных платежей.

Заключение

1. Позиции ГЦС в мировой экономике, несколько ослабевшие после мирового финансового кризиса, обострения американо-китайского торгового противостояния, пандемии *COVID-19*, к 2023 г. в целом восстановились. Однако геополитические неопределенности могут существенно скорректировать этот восстановительный тренд. Например, Д. Трамп, в своей предвыборной программе пообещав отменить режим наибольшего благоприятствования в торговле с КНР, допускает возможность введения 60%-й ввозной пошлины на весь китайский импорт в случае своего возвращения в Белый дом¹⁰ и 10%-го тарифа в торговле с ЕС¹¹ со всеми вытекающими последствиями для глобальной экономики.

2. Усиливающаяся регионализация ГЦС в границах макрорегионов Северной Америки, Европы и Восточной Азии утяжеляет негативные последствия глобальных шоков на ГЦС. В развитых странах активизировалось движение «союзничества» (*ally shoring*), когда западные фирмы в стремлении снизить свою зависимость от поставок товаров и услуг (прежде всего из Китая) стали замещать их продукцией «дружественных» партнеров по цепочке поставок. В ведущих развивающихся странах постепенно всё больший акцент переносится на собственную экономику (программы *Made in China*, *Made in India*): например, удельный вес DVA в валовом китайском экспорте увеличился с 64,6% в 2007 г. до 65,3% в 2012 г. (старт программы *Made in China*) и 69,9% в 2017 г. [WTO, 2023, р. 39–40].

¹⁰ Добрунов М. Трамп обсудил «новую торговую войну» с Китаем // РБК. – 2024. – 27 января. – URL: <https://reader.rbc.ru/share/wETfcm5nTeSbnkHu8> (дата обращения: 28.01.2024).

¹¹ Добрунов М. Евросоюз начал готовиться к победе «всё более агрессивного» Трампа // РБК. – 2024. – 8 февраля. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/02/2024/65c402749a7947789c14c54e> (дата обращения: 09.02.2024).

3. Переход от гиперглобализации к замедленной глобализации означает, что в условиях высокой взаимозависимости стран многие из них становятся особенно уязвимы к нарушениям цепочек поставок, в таких случаях полностью нивелирующих выгоды от распределенной модели организации производства в ГЦС. Это во многом ускорило разработку и появление различных стратегий реконфигурации ГЦС с целью укрепления их резильентности, в которых, подчеркнем, вопрос отказа от преимуществ международной кооперации в принципе не поднимается. Однако отсутствие достаточных объемов сопоставимой информации, однозначно подтверждающей преимущества конкретной траектории реструктуризации бизнеса ГЦС, требует от главных застеймуемых при этом сторон (правительств и МНК) постоянного мониторинга изменяющейся ситуации для выбора наиболее приемлемого для проживаемого периода варианта действий, минимизирующего социально-экономические последствия возможных кризисов будущего и определяющего контуры глобальных взаимозависимостей на ближней и среднесрочную перспективу.

Список литературы

- Варнавский В.Г. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 25–33. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33.
- Варнавский В.Г. Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 5–15. – DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
- Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 49–58. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58.
- Кондратьев В.Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015, № 3. – С. 5–17. – DOI: 10.20542/0131-2227-2015-3-5-17.
- Мальцев А.А. Глобальные технико-экономические вызовы современности: риски и возможности для промышленности Урала. – Екатеринбург : Издательство «Альфа Принт», 2022. – 358 с.
- Мальцев А.А. Оценка добавленной стоимости во внешней торговле: современные подходы // *Вопросы теоретической экономики*. – 2024. – № 1. – С. 48–64. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_48_64.
- Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 9. – С. 71–80. – DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80.
- Смородинская Н.В., Катукоев Д.Д., Малыгин В.Е. Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // *Балтийский регион*. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 78–107. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-5.
- ADB. Key Indicators for Asia and the Pacific. 54th ed. – Manila : Asian Development Bank, 2023. – 354 p.
- America Is Ready for Reshoring. Are You? 2022 Reshoring index / Bossche P. [et al.]. – AT Kearney, 2022. – URL: <https://www. Kearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index> (дата обращения: 28.01.2024).
- Antràs P. Conceptual Aspects of Global Value Chains // *World Bank Policy Re-*

search Working Paper. – 2020. – N 9114. – 34 p.

APEC. Concepts and Trends in Global Supply, Global Value and Global Production Chains. – Singapore : Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit, 2012. – 15 p.

Baldwin R., Freeman R. Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know // National Bureau of Economic Research Working Papers. – 2021. – N 29444. – 36 p.

Bonneau C., Nakaa M. Vulnerability of French and European Imports // Tresor Economics. – 2020. – N 274. – URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2020/12/17/vulnerability-of-french-and-european-imports> (дата обращения: 28.01.2024).

Borin A., Mancini M. Measuring What Matters in Global Value Chains and Value-Added Trade // World Bank Policy Research Working Paper. – 2019. – N 8804. – 64 p.

Canuto O. Slowbalization, Newbalization, Not Deglobalization. – Policy Centre for the New South, 2022 (June 1). – URL: <https://www.policycenter.ma/publications/slowbalization-newbalization-not-deglobalization> (дата обращения: 28.01.2024).

Characterizing Global Value Chains: Production Length and Upstreamness / Wang Z. [et al.]. // National Bureau of Economic Research Working Papers. – 2017. – N 23261. – 71 p.

Dikler J. Reshoring: An Overview, Recent Trends, and Predictions for the Future // World Economy Brief. – 2021. – Vol. 11, N 35. – P. 1–10.

Ellram L.M. Off-Shoring, Reshoring and the Manufacturing Location Decision // Journal of Supply Chain Management. – 2013. – Vol. 49, N 2. – P. 3–5.

European Commission. Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a Stronger Single Market for Europe's Recovery. – Brussels : Commission Staff Working

Document, 2021. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1884 (дата обращения: 01.02.2024).

Fally T. On the Fragmentation of Production in the US. – University of Colorado-Boulder, 2011. – 44 p.

Fontagné L., Guimbard H., Orefice G. A New Dataset on Product-Level Trade Elasticities // ELSEVIER. Data in Brief. – 2022. – N 45. – P. 1–5.

George K., Ramaswamy S., Rassey L. Next-Shoring: A CEO's Guide // The McKinsey Quarterly. – 2014. – January. – P. 1–13.

Gereffi G. Global Value Chains and International Competition // Antitrust Bulletin. – 2011. – Vol. 56, N 1. – P. 37–56. – DOI: 10.1177/0003603X1105600104.

Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains / Koopman R. [et al.]. // National Bureau of Economic Research Working Papers. – 2010. – N. 16426. – 58 p.

Jiangs K. Identification of Vulnerable Canadian Imports. – Government of Canada, 2021. – URL: <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/economist-economiste/analysis-analyse/id-vulnerables-canadiens-importations.aspx?lang=eng> (дата обращения: 02.02.2024).

Johnson R., Noguera G. Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added // Journal of International Economics. – 2012. – Vol. 86, N 2. – P. 224–236. – DOI: 10.1016/j.jinteco.2011.10.003.

Koopman R., Wang Z., Wei S-J. Tracing Value-Added and Double Counting in Gross Exports // American Economic Review. – 2014. – Vol. 104, N 2. – P. 459–494.

Korniyenko Y., Pinat M., Dew B. Assessing the Fragility of Global Trade: The Impact of Localized Supply Shocks Using Network Analysis // International Monetary Fund Working Paper. – 2017. – N 2017/030. – 38 p.

Liang S., Qu S., Xu M. Betweenness-Based Method to Identify Critical

Transmission Sectors for Supply Chain Environmental Pressure Mitigation // Environmental Science & Technology. – 2016. – Vol. 50. – P. 1330–1337. – DOI: 10.1021/acs.est.5b04855.

Majune S., Stolzenburg V. Mapping Potential Bottleneck Products in the World. – Geneva: Global Value Chain Development Report 2023 Workshop, 7–11 November 2022 // Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times. – ADB, IDE-JETRO, UIBE, WTO, 2023. – P. 18–19.

Measuring Localization in the Age of Economic Globalization / Baris K. [et al.] // ADB Economics Working Paper Series. – 2022. – N 647. – 31 p.

Nagengast A.J., Stehrer R. Collateral Imbalances in Intra-European Trade? Accounting for the Differences Between Gross and Value-Added Trade Balances // Discussion Papers from Deutsche Bundesbank. – 2014. – N 14. – 41 p.

OECD. Guidelines for Resilience Systems Analysis. – Paris : OECD Publishing, 2014. – 39 p.

Post-Pandemic Reconfiguration from Global to Domestic and Regional Value Chains: The Role of Industrial Policies / Elia S. [et al.]. // Transnational Corporations. – 2021. – Vol. 28, N 2. – P. 67–96.

Reiter O., Stehrer R. Learning from Tumultuous Times: An Analysis of Vulnerable Sectors in International Trade in the Context of the Corona Health Crisis. – Vienna : The Vienna Institute for International Economics Studies. – 2021. – Report No. 454. – 63 p.

Reshoring: Myth or Reality? / Backer K. [et al.]. – Paris : OECD Science, Technology and Industry Policy Papers,

2016. – Working Paper No. 27. – 34 p.

Subramanian A., Kessler M. The Hyperglobalization of Trade and Its Future. – Washington : Peterson Institute for International Economics, 2013. – Working Paper Series No. 13–6. – 66 p.

UNCTAD. World Investment Report 2020. International Production Beyond the Pandemic. – Geneva : United Nations Conference on Trade and Development, 2020. – 248 p.

United States Department of Justice and the Federal Trade Commission. Horizontal Merger Guidelines. – Washington : US Department of Justice, 2010. – URL: <https://www.justice.gov/atr/horizontal-merger-guidelines-08192010> (дата обращения: 02.02.2024).

US Trade Policy and Reshoring: The Real Impact of America's New Trade Policies / Bossche P. [et al.]. – AT Kearney, 2019. – 14 p.

USITC. The Economic Effects of Significant U. S. Import Restraints. Special Topic: Global Supply Chains. – Washington : U. S. International Trade Commission, 2011. – 118 p.

WB. Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development. – Washington : World Bank, 2017. – 189 p.

When Manufacturing Moves Back: Concepts and Questions / Fratocchi L. [et al.]. // Journal of Purchasing & Supply Management. – 2014. – Vol. 20. – P. 54–59. – DOI: 10.1016/j.pursup.2014.01.004.

WTO. Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times. – ADB, IDE-JETRO, UIBE, WTO, 2023. – 325 p.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.03

Possible Contours of Developing International Trade in the Perimeter of Global Value Chains under the Conditions of New Reality

Andrei A. MALTSEV

Dr. Sc. (Econ.), Leading Researcher

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Moscovskaya Street, 29, Ekaterinburg, Russia, 620014

E-mail: maltsevaa@list.ru

ORCID: 0000-0002-3774-6311

CITATION: Maltsev A.A. (2024). Possible Contours of Developing International Trade in the Perimeter of Global Value Chains under the Conditions of New Reality. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 17, no. 2, pp. 54–79 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.03

Received: 12.02.2024.

Revised: 26.03.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

ABSTRACT. *The transition from hyperglobalization to slowglobalization that began after the 2008 global financial crisis has increased skepticism about the future of globalization and motivation to adjust the architecture of international trade. The subsequent series of global shocks – the aggravation of the US-Chinese trade relations, the COVID-19 pandemic, the events in Ukraine in 2022–2023 – aggravated the situation, exacerbating the problem of stopping the negative consequences of the disruption of supply chains of goods and services. The purpose of the article is to clarify the contours of restructuring and outlooks for the development of cross-border trade*

in the context of new reality: the imposition of global shocks, increasing geopolitical uncertainty and increasing fragmentation of the world economy. The object of the study is the international trade in the perimeter of global value chains (GVCs), whose share in world trade increased from 34.93% in 1995 to 45.24% in 2007 and, after falling to 43.49% in 2020, quickly recovered and increased to 49.38% in 2022. The analysis of quantitative and structural shifts in GVC-trade was based on the methodology of structuring exports in the categories of value added by A. Borin and M. Mancini. The prospects for GVC-trade were assessed using the methods of identifying the “risk-

iness” of goods in the export-import turnover of S. Majune and V. Stolzenburg, the frequency of cross-border bilateral interactions of S. Liang, the agglomeration to global trade of K. Baris. The characteristics of the four main options for strengthening the resistance of GVCs in modern conditions are given – reshoring, diversification, regionalization and replication. The working hypothesis has been confirmed: all 4 considered trajectories are not mutually exclusive and none of them presupposes complete autarky of the country. The main conclusion is made, according to which the negative events in the global economy of the last decade reconfigured trade flows, accelerated the processes of regionalization of the global economy, but did not become a trigger for deglobalization.

KEYWORDS: global value chains, international trade, world economy, regionalization, resilience, reshoring, shock vulnerability of GVCs.

References

- ADB (2023). *Key Indicators for Asia and the Pacific*. 54th ed. Manila: Asian Development Bank, 354 pp.
- America is Ready... (2022). Bossche P. et al. *America Is Ready for Reshoring. Are You? 2022 Reshoring index*. AT Kearney. Available at: <https://www. Kearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index>, accessed 28.01.2024.
- Antràs P. (2020). Conceptual aspects of global value chains. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 9114, 34 p.
- APEC (2012). *Concepts and trends in global supply, global value and global production chains*. Singapore: Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit, 15 pp.
- Baldwin R., Freeman R. (2021). Risks and Global Supply Chains: What We Know and What We Need to Know. *National Bureau of Economic Research Working Papers*. No. 29444, 36 pp.
- Bonneau C., Nakaa M. (2020). Vulnerability of French and European Imports. *Tresor Economics*. No. 274. Available at: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/Articles/2020/12/17/vulnerability-of-french-and-european-imports>, accessed 28.01.2024.
- Borin A., Mancini M. (2019). Measuring What Matters in Global Value Chains and Value-Added Trade. *World Bank Policy Research Working Papers*. No. 8804, 64 p.
- Canuto O. (2022). *Slowbalization, Newbalization, Not Deglobalization*. Policy Centre for the New South, June 1. Available at: <https://www.policycenter.ma/publications/slowbalization-newbalization-not-deglobalization>, accessed 28.01.2024.
- Characterizing... (2017). Wang Z. et al. Characterizing Global Value Chains: Production Length and Upstreamness. *National Bureau of Economic Research Working Papers*. No. 23261, 71 p.
- Dikler J. (2021). Reshoring: An Overview, Recent Trends, and Predictions for the Future. *World Economy Brief*. Vol. 11, no. 35, pp. 1–10.
- Ellram L.M. (2013). Off-Shoring, Reshoring and the Manufacturing Location Decision. *Journal of Supply Chain Management*. Vol. 49, no. 2, pp. 3–5.
- European Commission (2021). *Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a Stronger Single Market for Europe’s Recovery*. Brussels: Commission Staff Working Document. Available at: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/ip_21_1884, accessed 01.02.2024.
- Fally T. (2011). *On the Fragmentation of Production in the US*. University of Colorado-Boulder, 44 pp.
- Fontagné L., Guimbard H., Orefice G. (2022). A New Dataset on Product-Le-

vel Trade Elasticities. *ELSEVIER. Data in Brief*. No. 45, pp. 1–5.

George K., Ramaswamy S., Rassey L. (2014). Next-Shoring: A CEO's Guide. *The McKinsey Quarterly*. January, pp. 1–13.

Gereffi G. (2011). Global Value Chains and International Competition. *Antitrust Bulletin*. Vol. 56, no. 1, pp. 37–56. DOI: 10.1177/0003603X1105600104.

Give Credit... (2010). Koopman R. et al. Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains. *National Bureau of Economic Research Working Papers*. No. 16426, 58 p.

Jiangs K. (2021). *Identification of Vulnerable Canadian Imports*. Government of Canada. Available at: <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/economist-economiste/analysis-analyse/id-vulnerables-canadiens-importations.aspx?lang=eng>, accessed 02.02.2024.

Johnson R., Noguera G. (2012). Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value Added. *Journal of International Economics*. Vol. 86, no. 2, pp. 224–236. DOI: 10.1016/j.jinteco.2011.10.003.

Kondrat'ev V.B. (2015). The Global Economy as a System of Global Value Chains. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 3, pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2015-3-5-17.

Kondrat'ev V.B. (2019). Global Value Chains in Sectors of the Economy: General and Special. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63, no. 1, pp. 49–58 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58.

Koopman R., Wang Z., Wei S.-J. (2014). Tracing Value-Added and Double Counting in Gross Exports. *American Economic Review*. Vol. 104, no. 2, pp. 459–494.

Korniyenko Y., Pinat M., Dew B. (2017). Assessing the Fragility of Global Trade: The Impact of Localized Supply Shocks Using Network Analysis. *Inter-*

national Monetary Fund Working Paper. No. 2017/030, 38 p.

Liang S., Qu S., Xu M. (2016). Betweenness-Based Method to Identify Critical Transmission Sectors for Supply Chain Environmental Pressure Mitigation. *Environmental Science & Technology*. Vol. 50, pp. 1330–1337. DOI: 10.1021/acs.est.5b04855.

Majune S., Stolzenburg V. (2023). Mapping Potential Bottleneck Products in the World. Geneva: Global Value Chain Development Report 2023 Workshop, 7–11 November 2022. In: *Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times*. ADB, IDE-JETRO, UIBE, WTO, pp. 18–19.

Maltsev A.A. (2022). *Global Technical and Economic Challenges of the Modern Time: Risks and Opportunities for the Industry of the Urals*. Ekaterinburg: Alfa Print Publishing House, 358 pp. (in Russian).

Maltsev A.A. (2024). Assessment of Value Added in Foreign Trade: Modern Approaches. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1, pp. 48–64 (in Russian). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_48_64.

Measuring Localization... (2022). Baris K. et al. *Measuring Localization in the Age of Economic Globalization*. ADB Economics Working Paper Series. No. 647, 31 p.

Nagengast A.J., Stehrer R. (2014). Collateral Imbalances in Intra-European Trade? Accounting for the Differences Between Gross and Value-Added Trade Balances. *Discussion Papers from Deutsche Bundesbank*. No. 14, pp. 1–41.

OECD (2014). *Guidelines for Resilience Systems Analysis*. Paris: OECD Publishing, 39 pp.

Post-Pandemic Reconfiguration ... (2021). Elia S. et al. Post-Pandemic Reconfiguration from Global to Domestic and Regional Value Chains: The Role of Industrial Policies. *Transnational Corporations*. Vol. 28, no. 2, pp. 67–96.

- Reiter O., Stehrer R. (2021). *Learning from Tumultuous Times: An Analysis of Vulnerable Sectors in International Trade in the Context of the Corona Health Crisis*. Vienna: The Vienna Institute for International Economics Studies. Report no. 454, 63 pp.
- Reshoring... (2016). Backer K. et al. *Reshoring: Myth or Reality?* Paris: OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. Working Paper no. 27, 34 pp.
- Sidorova E.A. (2018). Russia in Global Value Chains. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62, no. 9, pp. 71–80 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80.
- Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E. (2021). Global Value Chains in the Age of Uncertainty: Advantages, Vulnerabilities, and Ways for Enhancing Resilience. *Baltiyskij region*. Vol. 13, no. 3, pp. 78–107 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-5.
- Subramanian A., Kessler M. (2013). *The Hyperglobalization of Trade and Its Future*. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2013. Working Paper Series No. 13–6, 66 pp.
- UNCTAD (2020). *World Investment Report 2020. International Production Beyond the Pandemic*. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 248 pp.
- United States Department of Justice and the Federal Trade Commission (2010). *Horizontal Merger Guidelines*. Washington: US Department of Justice. Available at: <https://www.justice.gov/atr/horizontal-merger-guidelines-08192010>, accessed 02.02.2024.
- US Trade Policy ... (2019). Bossche P. et al. *US Trade Policy and Reshoring: The Real Impact of America's New Trade Policies*. AT Kearney, 14 pp.
- USITC (2011). *The Economic Effects of Significant U. S. Import Restraints. Special Topic: Global Supply Chains*. Washington: U. S. International Trade Commission. 118 pp.
- Varnavskiy V.G. (2018). International Trade in Value Added Categories: Methodology Issues. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62, no. 1, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
- Varnavskiy V.G. (2019). Globalization and Structural Shifts in Global Production. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63, no. 1, pp. 25–33 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33.
- WB (2017). *Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development*. Washington: World Bank, 189 pp.
- When Manufacturing ... (2014). Fra-tocchi L. et al. When Manufacturing Moves Back: Concepts and Questions. *Journal of Purchasing & Supply Management*. Vol. 20, pp. 54–59. DOI: 10.1016/j.pursup.2014.01.004.
- WTO (2023). *Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times*. ADB, IDE-JETRO, UIBE, WTO, 325 pp.

УДК 336.74

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.04

Оптовые цифровые деньги центральных банков и новые возможности межбанковских расчетов с перспективой выхода на международные транзакции

Всеволод Юрьевич ЧЕРКАСОВ

старший научный сотрудник Центра международных финансов
Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России (НИФИ)
Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, г. Москва, Российская Федерация, 127006
E-mail: vcherkasov@nifi.ru
ORCID: 0000-0001-5782-4754

ЦИТИРОВАНИЕ: Черкасов В.Ю. Оптовые цифровые деньги центральных банков и новые возможности межбанковских расчетов с перспективой выхода на международные транзакции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 80–102.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.04

Статья поступила в редакцию 12.08.2023.
Исправленный текст представлен 28.05.2024.

АННОТАЦИЯ. Новое поколение цифровых технологий, позволяющих ускорить расчеты и снизить их стоимость, родилось из криптовалютных проектов, но перспективы их экономически эффективного и социально ответственного применения ассоциируются с цифровыми деньгами центрального банка. В статье рассматриваются вопросы цифровизации денег центрального банка применительно к межбанковским расчетам, в том числе для обслуживания трансграничного платежного оборота. До сих пор эта тематика не находила значительного отклика в российской научной периодике. Настоящая публи-

кация направлена на ее популяризацию посредством обобщения и анализа примеров, извлеченных из зарубежных экспериментов. Преимущества цифровизации сопоставлены с возможностями конвенциональных платежных систем. Даны описания и сравнения архитектур платежной системы нового поколения, в спектре которых возможен выбор компромиссов между выгодами, рисками и издержками в поиске оптимального решения. В заключении оцениваются перспективы перехода к эксперименту с цифровизацией оптовых расчетов в России вслед за предстоящим введением в обращение «розничного» цифрового рубля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровые деньги центрального банка, оптовые межбанковские расчеты, трансграничные расчеты в национальных валютах.*

Введение

Цель публикации заключается в анализе подходов к использованию цифровых денег центрального банка (ЦДЦБ) в расчетах между провайдерами платежных услуг (ППУ¹) с выходом на трансграничные платежи и денежные переводы. Актуальность темы обусловлена развитием нового поколения технологий, позволяющих ускорить расчеты и уменьшить их стоимость. Источниками технологических решений послужили криптовалютные проекты, и не исключена опасность заблуждений, связывающих ключевую перспективу инноваций с частными цифровыми валютами. Между тем на сегодняшний день есть множество примеров вовлеченности зарубежных стран в разработку прототипов подвешенных цифровой трансформации денег центрального банка (ЦБ), обладающих, в отличие от частных цифровых валют, истинным достоинством денег в силу своей экономической природы и приданного государственным правом статуса законного платежного средства (ЗПС).

В статье под конвенциональными деньгами, счетами и инфраструктурами понимаются все те, что не относятся к категории цифровых, независимо от использования электронных носителей или средств обработки и передачи информации. Под цифровыми понимаются объекты, использующие технологии токенизации платежного средства, синхронизации данных о транзакциях в распределенных реестрах (в том чис-

ле в блокчейнах) и криптографической защиты информации.

В реалиях сегодняшнего дня, когда практический цифровой переход завершают лишь Багамские Острова, Нигерия, Ямайка и зона восточно-карибского доллара, категория денег центрального банка все еще представлена исключительно в конвенциональных формах, которыми являются:

1) наличные денежные знаки на материальных носителях (банкноты и разменная монета) – всеобщая известная форма в силу своего назначения обслуживать множество индивидуальных платежных транзакций между множеством небанковских субъектов в качестве ЗПС государства;

2) балансы на счетах в центральном банке, которыми в рамках стандартной практики располагают только кредитные организации и государственное казначейство, использующие их для взаимных расчетов и расчетов с ЦБ (в наше время представлены системами электронного учета в конвенциональных реестрах ЦБ и владельцев таких счетов).

Наличные деньги можно назвать «розничной» формой денег ЦБ, для второй их формы подходит определение «оптовая», поскольку при взаимных расчетах банки объединяют множество обслуживаемых транзакций в пулы платежей на крупные суммы.

Деньги коммерческих банков (депозиты), если сравнивать с наличной формой денег ЦБ, позволяют небанковским субъектам совершать расчеты с меньшими издержками и рисками, кроме одного, свойственного лишь им риска, – кредитного (риска неплатежеспособности банка). Преимущество банков перед небанковскими лицами заключается в возможности

¹ В контексте настоящей статьи термин «ППУ» употребляется в смысле, эквивалентном определению «оператор по переводу денежных средств» согласно Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (кредитные организации).

Рисунок 1. Цифровая трансформация денег центрального банка

Figure 1. Digital transformation of the central bank’s money

Источник: составлено автором.

рассчитываться между собой (без использования с этой целью наличных денег) балансами в ЦБ, которые являются безрисковым активом (эмитент не подвержен банкротству, его собственные обязательства – ЗПС). Отсюда предпочтение банков и инфраструктур финансового рынка расчетам деньгами ЦБ, то есть через счета, открытые в ЦБ, а не в кредитной организации, оперирующей частной платежной системой.

Цифровая трансформация означает создание токенизированных цифровых проекций конвенционных денег ЦБ (рисунок 1).

Наличные деньги преобразуются в «розничные» ЦДЦБ, балансы в ЦБ – в «оптовые» (оЦДЦБ). В обоих случаях материальные носители или конвенционные счета замещаются цифровыми кошельками – узлами сети, поддерживающей распределенный реестр. По технике расчетов различия между двумя формами денег ЦБ в цифровом пространстве будут стерты, но сохранится ключевое отличие по назначению: обслуживание множества разнокалиберных транзакций между небанковскими субъектами в одном случае

или проведение межбанковских крупностоимостных расчетов на большие суммы в другом.

Трансформация обеих форм денег ЦБ не обязательно должна происходить сопряженно, одновременно и с одинаковой скоростью. Согласно данным проведенного от лица Банка международных расчетов (БМР) опроса среди ЦБ, в 2021 г. 90% общего числа респондентов проводили активную работу, направленную на цифровую трансформацию денег. Ее предметом была цифровизация денег ЦБ сразу в обеих формах или только в розничной форме. Ни один из респондентов не ограничивался исключительно проектами оЦДЦБ (хотя в предыдущие годы такие случаи наблюдались) [Kosse, Mattei, 2022a].

Проблема не в том, что концепция оЦДЦБ по каким-либо причинам менее популярна. Мотивацией к созданию розничного цифрового продукта служит общественный запрос на ЗПС, отвечающее современному укладу жизни. Но и к экспериментам с оЦДЦБ подталкивают убедительные причины, связанные с потенциалом уменьшения рисков и снижения сто-

имости расчетов; эти преимущества достигают максимума в сфере трансграничных расчетов. Создание системы оЦДЦБ для внутренних расчетов требует инвестиций и является прагматичным решением лишь при условии, что результат сможет значительно превзойти уже существующую в этой сфере высокоавтоматизированную, надежную и скоростную конвенциональную систему расчетов. Весомый повод для разработки прототипа оЦДЦБ – целевая направленность на трансграничные расчеты, но здесь издержки возрастают пропорционально ожидаемым выгодам, задача осложняется поиском заинтересованных внешних партнеров и согласованием национальных правил и стандартов, а источником неопределенности становится будущая совместимость с параллельными системами.

Проект цифрового «розничного» рубля в 2023 г. вошел в пилотную фазу, однако планы в отношении оЦДЦБ в России до сих пор не были заявлены. Между тем для России основной мотивацией является независимость от иностранных расчетных центров. Для ППУ неприемлемо дорогое поддерживать балансы счетов «ностро» одновременно во многих иностранных валютах, поэтому конвенциональное устройство трансграничных расчетов строится на открытии ограниченного количества счетов преимущественно в свободно используемых валютах (являющихся таковыми, потому что депозиты в них есть практически в любом банке в любой точке мира) – долларах США и евро. Как бы ни была устроена корреспондентская сеть, расчеты, скорее всего, замкнутся на банке, личным законом которого является право США или одного из государств Евросоюза, что дает последним возможность применять санкционные инструменты.

Обзор литературы

Публикации на тему оЦДЦБ, как и сама тематика, отличаются новизной, пока немногочисленны и сфокусированы на организационно-технических и правовых аспектах; бесполезно искать среди них исследования фундаментальной глубины за отсутствием предмета подобного исследования. Все отличия цифровых денег ЦБ от конвенциональных лежат в плоскости технологий, и они же – единственное, что роднит ЦДЦБ с частными цифровыми валютами. Экономический механизм денежной эмиссии не меняется с появлением у денег ЦБ цифрового аналога.

В публикации БМР о вариантах использования оЦДЦБ в области трансграничных платежей [Auer, Haene, Holden, 2021] дано структурированное описание трех потенциальных архитектур:

1) совместимые системы, не связанные между собой, но использующие одинаковые стандарты (методы криптографии, форматы сообщений, правила конфиденциальности), что облегчает для ППУ задачу участия одновременно в нескольких таких системах;

2) связанные системы, функционирующие раздельно, но позволяющие участникам одной системы осуществлять расчеты с участниками другой на основе договорных отношений, которые гармонизируют правила и устанавливают общие операционные стандарты (технический интерфейс, механизм клиринга);

3) объединенная (интегральная) мультивалютная система с общей инфраструктурой и едиными для всех правилами.

Критерии, определяющие качество архитектурного решения, – масштабируемость, информационная безопасность и отказоустойчивость.

Ранее, в 2021 г., другие авторы, представляющие персонал БМР [Intero-

perability between payment systems..., 2021], рассматривая возможные варианты платежных систем (в том числе конвенциональных), обслуживающих трансграничные расчеты, на тот момент не выделяли объединенные системы оЦДЦБ в отдельную категорию от связанных, но дифференцировали последние по критерию способов доступа участников: косвенный (через посредников) или прямой (подразумевающий одноранговую систему). На основе двух указанных публикаций сложился аналитический подход к классификации проектов оЦДЦБ в зависимости от архитектуры и способа участия в системе.

Исполнители упомянутого выше опроса БМР о проектах ЦДЦБ [Kosse, Mattei, 2022b] отмечают, что выбор той или иной модели использования оЦДЦБ в трансграничных расчетах подразумевает компромиссы между стоимостью проекта и масштабируемостью, эффективным антилегалитационным мониторингом и конфиденциальностью, доступностью национальной валюты для нерезидентов и риском побочных эффектов движения капитала. Универсального решения нет, и, пока прототипы находятся в разработке, необходимо своевременно прилагать усилия к координации проектов, чтобы не упустить время, когда различия станут необратимыми.

Коллектив авторов, сотрудничающих с МВФ [Capital Flow Management..., 2022], сосредоточил внимание на вопросах валютного и антилегалитационного контроля. Частные цифровые валюты ставят его эффективность под угрозу, и этим подчеркивается своевременность проектов оЦДЦБ. В определенной мере такая постановка вопроса противоречит более ранней публикации МВФ, где сами оЦДЦБ в трансграничном обороте рассматривались как носители рисков для эффективности валютного контроля [Digital Money..., 2020]. Однако

в последней публикации отмечается, что алгоритмы мониторинга могут быть встроены непосредственно в функционал системы оЦДЦБ.

В публикации [Семеко, 2022], в которой даны описания зарубежных проектов, отмечена подтвержденная проектами осуществимость концепции оЦДЦБ для трансграничных расчетов с преимуществами ускорения, снижения стоимости и повышения надежности транзакций, а также проанализированы проблемы, в том числе связанные с масштабируемостью и регуляторными разрывами между юрисдикциями.

Конкуренция альтернатив

Источники, анализирующие перспективы использования оЦДЦБ [Inthapong-LionRock to mBridge..., 2021], акцентируют внимание на следующих конкурентных преимуществах перед конвенциональными платежными системами:

1) снижение кредитного риска благодаря расчетам в деньгах ЦБ;

2) ускорение; при проведении трансграничных расчетов конвенциональными способами время от передачи платежного поручения до завершения клиринга занимает до суток, а основные издержки времени (от 2 до 4 суток) обусловлены работой бэк-офисов ППУ по подтверждению и согласованию счетов, контролем соблюдения нормативных требований (комплаенсом) и несовпадением операционных графиков платежных систем; ожидается, что системы оЦДЦБ будут функционировать в режиме 24/7, а автоматизация приблизит срок проведения транзакции к реальному времени;

3) экономия на издержках (оборудование, содержание персонала) (примерная структура которых представлена на рисунке 2) и, соответственно, снижение комиссионной стоимости транзакций.

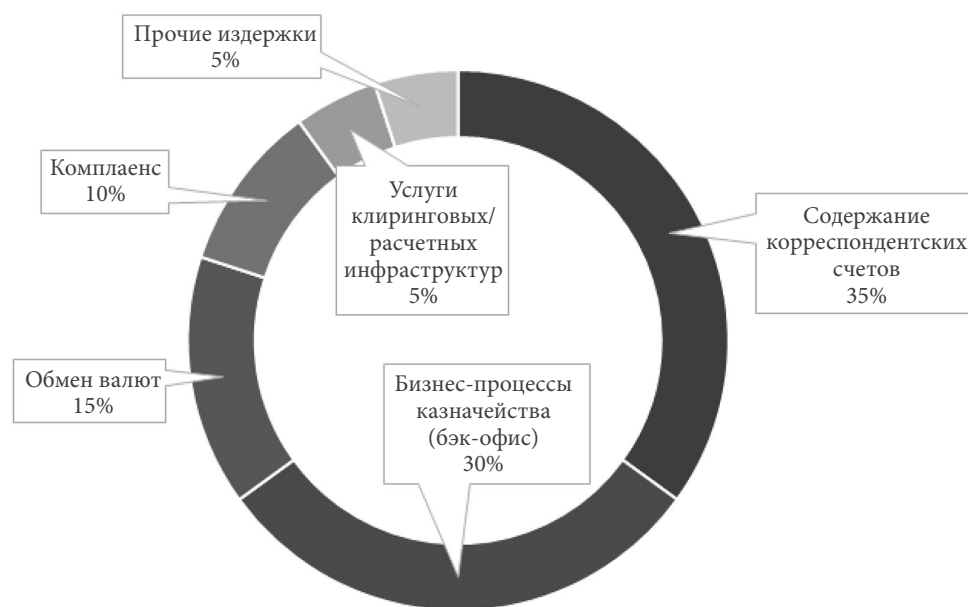

Рисунок 2. Структура издержек в комиссионной стоимости трансграничной платежной транзакции

Figure 2. The composition of costs determining fee expenses for cross-border payment transaction

Источник: составлено автором по данным ИЦ БМР и McKinsey. <https://www.bis.org/publ/othp40.htm> / <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-vision-for-the-future-of-cross-border-payments#/>.

Издержки бэк-офиса обусловлены риском несовпадения записей в счетах, которые ведутся каждым ППУ отдельно, что может становиться причиной оспаривания и необходимости урегулирования споров. В системе оЦДЦБ транзакции синхронизируются во всех копиях распределенного реестра, а его редактирование подчинено протоколу, предотвращающему «двойное расходование» (использование на исполнение платежа средств, уже израсходованных в другой транзакции). Автоматизация комплаенса способствует сокращению издержек антилегализационного и валютного мониторинга. Главное ожидаемое преимущество от использования оЦДЦБ в трансграничных расчетах заключается в возможности исключить зависимость от корреспондентского

банкинга и издержки по поддержанию ликвидности на счетах «ностро» и комиссионному вознаграждению корреспондентов.

Существенным фактором, увеличивающим альтернативные издержки трансграничных транзакций, является так называемый херштаттский риск – опасность неисполнения или несвоевременного исполнения расчетного обязательства по валютнообменной сделке одной из ее сторон. Его исключению способствует создание инфраструктур для расчетов в режиме «платеж против платежа» – *PvP* (известнейший пример – *Continued Linked Settlements*), но это вопрос инвестиций. Причина сокращения в обороте мирового валютного рынка доли транзакций с расчетами *PvP* (по оценке БМР, в 2006 г. она со-

Таблица 1. Сравнительные характеристики разных архитектурных решений для трансграничных расчетов с оЦДЦБ

Table 1. Comparative properties of different architectural solutions for cross-border settlements using wCBDC

	Совместимые системы*	Связанные системы		Объединенная система
	Моновалютное устройство	Мультивалютное устройство		
Расчеты деньгами ЦБ	+	+	+	+
Возможность однорангового устройства**	–	+	+	+
Учет транзакций в одном реестре	–	–	+	+
Возможность дополнения встроенным функционалом обмена валют	–	–	+	+
«Встроенная» атомарность	–	–	–	+
Риски «долларизации»/ дисконплаенса	–	+	+	+
Проблематичная масштабируемость	+	+	+	–

* Практические примеры разработки совместимых систем отсутствуют.

** С преимуществами экономии на комиссионных издержках, укороченных транзакционных цепочек и отказоустойчивости за счет децентрализации.

Источник: составлено автором.

ставляла более 50%, но к 2019 г. данный показатель был менее 40%²⁾ усматривается в том, что рост оборота превосходит мощности имеющихся в мире конвенциональных инфраструктур *PvP*. В отсутствие достаточных сведений для стоимостных сравнений выбор в пользу систем оЦДЦБ со встроенным функционалом *PvP* логичен уже тем, что позволяет совместить устранение херштаттского риска с другими преимуществами новой инфраструктуры.

Системы оЦДЦБ вступили бы в конкуренцию с конвенциональными инфраструктурами – в наше время высокоавтоматизированными. В большинстве стран мира банки обеспечены возможностью расчетов деньгами ЦБ в платежных системах, построенных на выполнении ЦБ функции расчетного центра. В формате «Двадцатки»

обсуждается допуск в такие системы небанковских организаций; рассматриваются перспективы работы с открытыми интерфейсами программирования, а в плоскости трансграничных расчетов – гармонизации информационных стандартов и устранения разрывов в операционных графиках платежных систем³⁾. Цифровые решения должны продемонстрировать убедительные конкурентные преимущества, способность максимизировать выгоды от инвестиций в их воплощение. Поскольку речь идет о расчетах на крупные суммы, они должны как минимум отвечать наиболее высоким требованиям к конфиденциальности, минимизации операционного риска и окончательности расчетов.

Вся проводившаяся на зарубежных примерах работа над прототипами расчетов в оЦДЦБ представляла собой

2 Facilitating increased adoption of payment versus payment (2020).

3 G20 Roadmap for Enhancing Cross-border Payments: Consolidated progress report for 2022.

серию экспериментов, в ходе которых оценивались и сравнивались варианты организационного и цифрового исполнения в поиске оптимального решения для конкретного проекта с конкретными целями. Эксперименты проводятся в несколько этапов, на которых ставятся разные задачи и, в частности, тестируются разные платформенные решения или одновременно несколько решений (это не означает, что результаты предыдущего этапа отвергаются с переходом к следующему). В таблице 1 представлены сравнительные характеристики разных архитектурных решений.

Терминология

Статья оперирует понятием «цифровые деньги ЦБ» как наиболее точно отражающим экономико-правовую природу данного объекта категории денег в терминологии Базельского комитета, в отличие от устоявшегося в употреблении понятия «цифровая валюта ЦБ». Последнее восходит к недавнему прошлому, когда отсутствовало прозрачное видение разницы между цифровым представлением денег и частной криптовалютой; более того, оно входит в противоречие с определением термина «цифровая валюта» в российском законодательстве.

Концепция ЦДЦБ зародилась в области пересечения финансовой практики с информационными технологиями. Ее раскрытие сопряжено с использованием заимствованных из информатики и криптографии терминов, которые в публикации употребляются в следующих смыслах.

Система оЦДЦБ – информационная сеть, составленная из точек подключения пользователей (узлов). Система функционирует на цифровой платформе, в которой логика процессов и набор сервисов зависят от дизайна, выбранного для проекта (предложенного конкретным разработчиком).

Узел – программно-аппаратный комплекс, включающий: 1) оборудование пользователя; 2) приложение с функционалом цифрового кошелька и доступа к функциям ядра платформы по запуску логики процессов (интерфейс пользователя); 3) центральную часть операционной системы (ядро платформы), содержащую логику процессов и управляющую связью между узлами; 4) пользовательскую копию распределенного реестра (хранилище данных).

Валидация – процесс подтверждения транзакции, использующий протокол проверки цифровой подписи посредством ее расшифровки открытым ключом и контроля совпадения извлеченного хэш-кода с кодом, полученным преобразованием данных в платежном поручении. Цифровая подпись – хэш-код данных транзакции, удостоверенный закрытым ключом и прикрепленный к поручению. Хэш-код – результат алгоритмированного преобразования исходных данных в буквенно-числовой шифр фиксированной длины. Закрытый ключ – индивидуальный секретный код владельца цифрового кошелька, используемый для генерации открытого ключа и создания цифровой подписи. Открытый ключ – публичный код, используемый для проверки подлинности цифровой подписи.

HTLC (*Hash Time-Locked Contract*) – смарт-контракт (протокол), составленный из хэш-кода с секретной информацией (секретом) и платежной инструкции с ограничением срока действия в зависимости от обмена сведениями о секрете между сторонами транзакции.

Прототип для внутренних расчетов

Теоретически налаживанию трансграничных расчетов в оЦДЦБ сопутствует создание локальных (национальных) цифровых систем (ЦС). Для

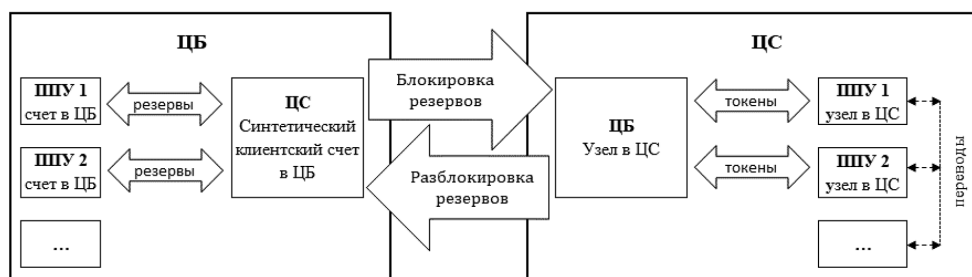

Рисунок 3. Движение денежных средств между конвенциональной платежной системой ЦБ и внутренней системой оЦДЦБ на примере *Jasper* (Канада)

Figure 3. Fund flows between the central bank's conventional payment system and domestic wCBDC system – the Jasper example (Canada)

Источник: составлено автором.

иллюстрации возьмем проект *Jasper* (канадский блок совместного с Сингапуром проекта *Jasper-Ubin*), пользуясь описаниями из совместной публикации Банка Канады, Канадской платежной ассоциации и компании R3 (разработчика платформы *Corda*)⁴. Участником системы может быть банк с канадской лицензией. Вводу ликвидности в ЦС предшествует перевод ППУ равной ее денежному эквиваленту суммы резервов с корреспондентского счета в Банке Канады на объединенный счет *Jasper*. Резервы блокируются на этом счете и рассматриваются в качестве залога на время, в течение которого ППУ владеют полученными в обмен токенами оЦДЦБ.

После депонирования резервов ППУ направляет Банку Канады запрос на принятие последним обязательства зачислить эквивалентную зарезервированной ликвидности сумму токенов узлу ППУ в ЦС. Банк Канады принимает залог и создает в реестре запись о возникновении «объекта оЦДЦБ». Вслед за ее валидацией в реестре фиксируется прием токенов узлом ППУ. Тем самым реализуется ввод токенов

в ЦС. Вывод осуществляется в обратном порядке; токены уничтожаются, залог возвращается на корреспондентский счет ППУ. Процесс ввода/вывода токенов в ЦС (из ЦС) на примере проекта *Jasper* представлен на рисунке 3.

В ЦС узлы ППУ действуют в качестве отправителей или бенефициаров переводов денежных средств, которыми завершаются межбанковские расчеты по результатам исполнения поручений клиентов. ЦС предоставляет для расчетов сервисы срочного перевода или экономии ликвидности. Срочный перевод исполняется при условии достаточности баланса узла ППУ-отправителя либо в противном случае отклоняется и ставится в очередь (отправитель может присвоить транзакции приоритетный статус для исполнения после пополнения баланса). Расчеты способом экономии ликвидности производятся на основе неттинга (калькуляция осуществляется предназначенным для этого сервисом ЦС). Каждый узел определяет для себя лимит ликвидности, которая может быть использована системой; переводы производятся, если чистые расчетные по-

4 Project Jasper: A Canadian Experiment with Distributed Ledger Technology for Domestic Interbank Payments Settlement (2017).

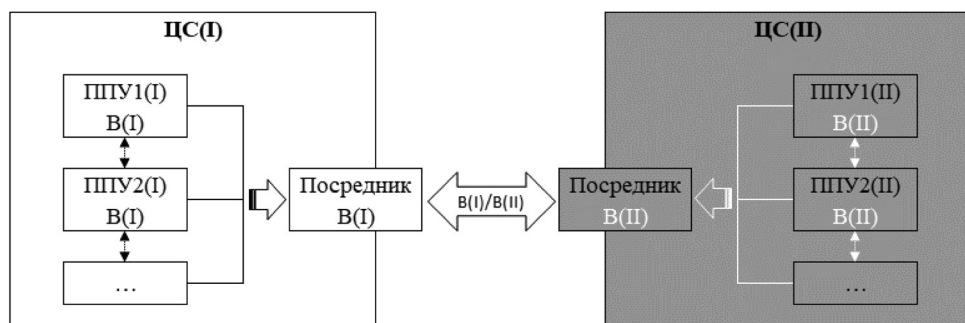

Рисунок 4. Иерархическая моновалютная модель

Figure 4. Hierarchical mono-currency type

Источник: составлено автором.

зиции нетто-отправителей не превышают их лимиты. В противном случае система осуществляет рекалькуляции путем последовательного исключения каждого наименьшего обязательства нетто-отправителя, имеющего наибольший недостаток ликвидности. Аналогичные сервисы предусмотрены другими прототипами локальных и трансграничных ЦС.

Прототипы для трансграничных расчетов

Разнообразие вариантов инфраструктур на основе оЦДЦБ для расчетов между ППУ по разные стороны государственных границ заключено в спектре «совместимой – соединительной – объединительной» архитектур с различиями по условиям доступа участников (косвенный (через посредников) или прямой (одноранговая сеть)), а также по валютной структуре расчетов (моно- или мультивалютные системы). Выбор в каждом конкретном случае будет, очевидно, зависеть от соотношения выгод ускорения и удешевления расчетов с рисками непрозрачности транзакций и вытеснения «мягких» валют «твердыми» во внутреннем платежном пространстве.

Простейшая модель – расчеты через посредников между моновалютными ЦС, каждая из которых является частью локальной платежной системы своей страны (рисунок 4). Здесь и далее на схемах обозначения «I» и «II» указывают на принадлежность ЦС, ППУ и валюты (В) двум разным юрисдикциям. Поскольку посредники обладают исключительным правом проводить напрямую расчеты с иностранными ЦС и все иные (пользующиеся их услугами) ППУ находятся по отношению к ним в неравных условиях ввиду лишь косвенной доступности таких расчетов, эту модель можно назвать также иерархической.

ППУ, представленные узлами в локальной ЦС, рассчитываются с иностранными ППУ, представленными в зарубежной ЦС, через посредников. Отправитель переводит сумму оЦДЦБ в национальной валюте (В1) посреднику, который обменивает ее на эквивалентную сумму оЦДЦБ в иностранной валюте (В2) у иностранного посредника; последний завершает расчет пополнением баланса цифрового кошелька бенефициара; токены аннулируются в реестре ЦС отправителя и создаются в реестре ЦС бенефициара.

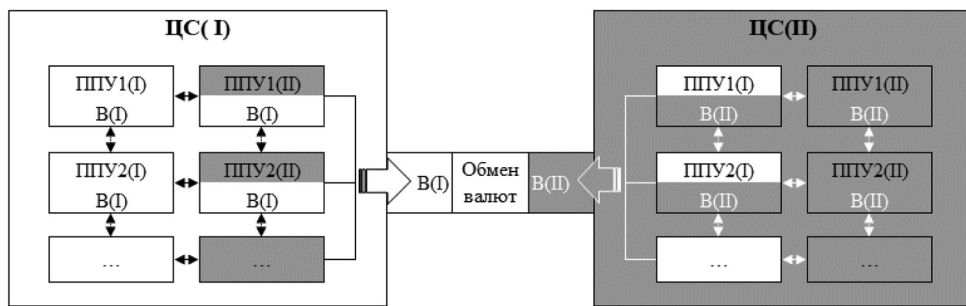

Рисунок 5. Одноранговая моновалютная модель

Figure 5. P2P mono-currency type

Источник: составлено автором.

Посредниками могут быть банки, образующие транснациональную группу, представленную в каждой юрисдикции. Они могут использовать преимущества совместимости несоединенных систем или быть формализованной частью соединительной архитектуры, регламентирующей своими правилами их статус точки доступа («шлюза») в каждую из соединенных ЦС. Иерархическая модель способна обеспечить минимум преимуществ транграничного использования оЦДЦБ – возможность расчетов деньгами ЦБ и без обращения к валюте третьей стороны. Она частично консервировала бы свойства корреспондентского банкинга, увеличивая стоимость расчетов, и была бы проблематичной с точки зрения устойчивости в случае отказа в работе узла одного или нескольких посредников.

Одноранговая конструкция применительно к трансграничным расчетам подразумевает уже не только возможность, но и необходимость соединения систем общими регламентами. Одноранговая моновалютная модель соединительной архитектуры, обслуживающей трансграничные расчеты в оЦДЦБ, представлена на рисунке 5.

ППУ, представленные в локальной ЦС, где расчеты производятся в валюте их юрисдикции, пользуются правом

открытия узлов в иностранной ЦС для расчетов в иностранной валюте; встречным правом обладают зарубежные ППУ. Для пополнения цифрового кошелька в иностранной ЦС ППУ заключает валютнообменную сделку с зарубежным банком, представленным в локальной ЦС; сделка завершается расчетом путем взаимного пополнения кошельков в разных ЦС эквивалентными суммами в валютах каждой из них. Ликвидность в иностранной валюте может быть получена также от контрагента в иностранной ЦС переводом в исполнение платежного поручения. Она используется ППУ для расчетов в иностранной ЦС. Для перевода ликвидности в локальную ЦС потребуется обмен валют в обратном направлении.

Воплощение системы оЦДЦБ в конструкции одноранговой сети обеспечивает одну из главных ожидаемых выгод от цифровой трансформации – исключение из состава издержек комиссионных вознаграждений за услуги посредников. Одноранговая сеть обладает также преимуществами ускорения расчетов благодаря укороченным цепочкам и отказоустойчивости за счет децентрализации. Вместе с тем как в иерархической, так и в одноранговой моновалютной моделях совместимой и (или) соединительной архитектур

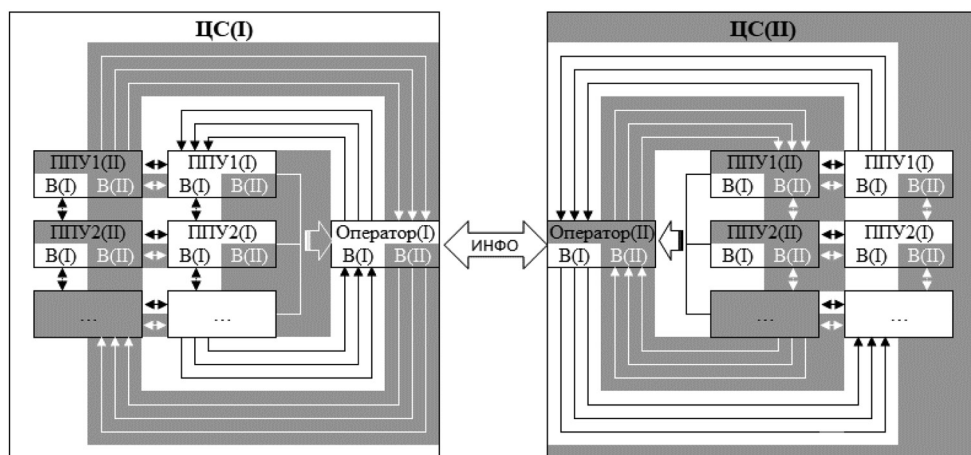

Рисунок 6. Одноранговая мультивалютная модель

Figure 6. P2P multi-currency type

Источник: составлено автором.

транзакции учитываются в разных реестрах (локальной и иностранной ЦС), что не исключает опасности несинхронного учета, тем самым возвращая к проблеме издержек бэк-офиса. Поэтому особое значение здесь приобретает использование специального инструментария, обеспечивающего атомарность расчетов (к этому вопросу вернемся ниже).

Риска несинхронного учета можно отчасти избежать переходом к мультивалютному устройству расчетов в соединенных ЦС. Одноранговая мультивалютная модель соединительной архитектуры, представленная на рисунке 6, соответствует прототипу, который рассматривался среди вариантов для проекта *Jasper-Ubin* в совместной публикации Банка Канады и Денежно-кредитного управления Сингапура⁵. При этом введена гипотеза, согласно которой расчеты между ППУ-резидентами одной и той же юрисдикции в валюте этой юрисдикции допускаются

только в локальной ЦС (во избежание ущерба для фискальной прозрачности), а в иностранной валюте – только в иностранной ЦС (во избежание риска долларизации).

ППУ, представленные в локальной и иностранной ЦС, пользуются взаимным правом открытия узлов в каждой из ЦС в валюте как национальной, так и иностранной юрисдикции. Для открытия (пополнения) кошелька в национальной валюте в иностранной ЦС ППУ передает требуемую для этого сумму оЦДЦБ в залог оператору локальной ЦС, который сообщает о полученном залоге оператору иностранной ЦС. Последний зачисляет соответствующую сумму на баланс ППУ в реестре иностранной ЦС, после чего токены, переданные в залог, аннулируются в реестре локальной ЦС. На полученные средства ППУ может приобрести иностранную валюту в иностранной ЦС; она может быть также приобретена или получена от ППУ-нерезидента.

5 Jasper-Ubin Design Paper: Enabling Cross-Border High Value Transfer Using Distributed Ledger Technologies (2020).

Расчеты между резидентами и нерезидентами возможны в обеих ЦС как в национальной, так и в иностранной валюте. Если нерезидент-бенефициар не представлен в локальной ЦС, перевод в его пользу иностранной валюты в иностранную ЦС осуществляется отправителем платежа в порядке, аналогичном пополнению собственного баланса в национальной валюте в иностранной ЦС (через операторов).

Мультивалютной конструкцией обеспечивается синхронный учет транзакций, осуществляемых в каждой ЦС в ее реестре, в том числе при расчетах по валютнообменным сделкам. Становится возможным дополнение расчетного функционала встроенной инфраструктурой валютного рынка, такой как автоматизированная система квитования. Однако остается необходимым применение особых инструментов, обеспечивающих атомарность при переводах между узлами разных ППУ в разных системах.

Рисунки 4–6 иллюстрируют варианты соединительной архитектуры на примере двух ЦС. Их число может быть больше, но множество двусторонних соединений требует множества механизмов согласования функциональной и регламентной совместимости, каналов коммуникации, количество которых возрастает в прогрессии $A_N = A_{N-1} + N - 1$, где A – число двусторонних соединений, N – число соединенных ЦС⁶. Объединительная (интегральная) архитектура может потребовать больше начальных инвестиций, но издержки их амортизации были бы распределены между большим количеством участников без прогрессирующего роста со временем. Интегральная архитектура свободна от необходимо-

сти применения специальных инструментов для обеспечения атомарности. В продолжении статьи будет дано описание интегрального решения на примере проекта *Inthanon-LionRock*.

Атомарность

В лексике проектов оЦДЦБ под «атомарностью» в общем смысле понимается восприятие платежной системой транзакции как единого целого – она или осуществляется полностью, или отвергается. В зависимости от конкретики проекта в это понятие могут вкладываться разные значения. Так, в документации проекта *Ubin* оно употребляется в смысле, эквивалентном использованию сервиса срочного перевода для расчетов в ЦС. В проектах, нацеленных на трансграничное использование оЦДЦБ, под атомарностью подразумевается гарантированная завершенность переводов денежных средств, в том числе при обмене валют. В последнем смысле понятие атомарности эквивалентно осуществлению расчетов в режиме *PvP*⁷.

Как отмечено выше, архитектуры совместимого или соединительного типа не свободны от риска неисполнения расчетных обязательств. В таких проектах для обеспечения атомарности предполагается использование специального инструмента *HTLC*, заимствованного из криптовалютной практики. Проведение расчетов сопровождается блокировкой денежных средств в обеих валютах. Разблокировка возможна в вариантах успешного завершения расчетов либо восстановления исходных позиций сторон транзакции в зависимости от того, состоялись или нет определенные события: раскрытие про-

6 Две ЦС образуют одно двустороннее соединение, три – 2 соединения, четыре – 6, пять – 10, десять – 45 и т.д.

7 В проектах, связывающих использование оЦДЦБ с торговлей ценными бумагами, оно равнозначно проведению расчетов в режиме «поставка против платежа» (*DvP*).

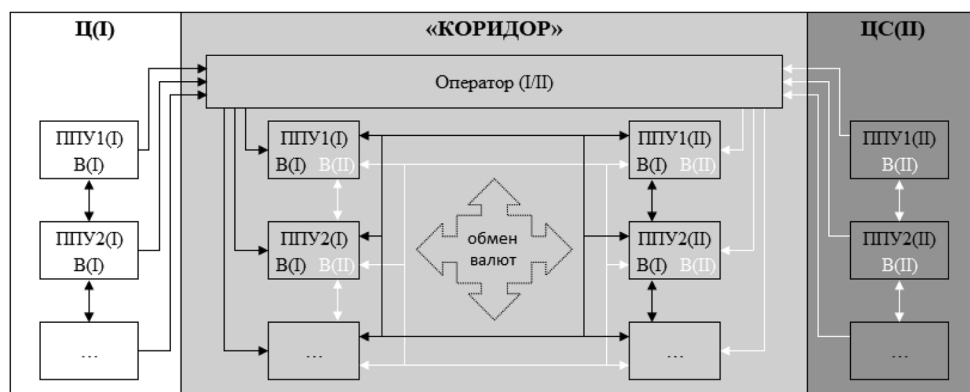

Рисунок 7. «Коридорная» схема на примере *Inthanon-LionRock*

Figure 7. Corridor network – the Inthanon-LionRock example

Источник: составлено автором.

давцом секрета и его использование покупателем в назначенные сроки до истечения расчетного цикла T .

Интегральная архитектура в конструкции «коридора»

Примером эксперимента по созданию прототипа интегральной архитектуры для трансграничных расчетов в оЦДЦБ является стартовавший в 2019 г. тайландско-гонконгский проект *Inthanon-LionRock*, который с присоединением к нему в 2021 г. Центрального банка ОАЭ и Института цифровой валюты Народного банка Китая получил новое название – *multi-CBCD Brigade* (сокращенно *mBrigde*). Представление о нем дает совместная публикация Банка Таиланда и Денежно-кредитного управления Гонконга⁸.

Проект был ориентирован на создание на основе прототипов локальных ЦС интегральной системы в дизайне одноранговой ЦС-«коридора», прямой доступ в которую имеют участники локальных ЦС. В этой автономной систе-

ме ППУ, имеющие цифровые кошельки в локальных ЦС, располагают отдельными от них узлами для расчетов в межсетевых токенах («депозитарных расписках»), полученных от ЦБ своей юрисдикции в обмен на токены локальных ЦС и представляющих национальные валюты. В межсетевых токенах могут осуществляться любые переводы между узлами «коридора», за исключением расчетов между резидентами одной и той же юрисдикции в их национальной валюте.

Прототип интегральной архитектуры в конструкции «коридора» на примере проекта *Inthanon-LionRock* представлен на рисунке 7.

Центральные банки – Банк Таиланда или Денежно-кредитное управление Гонконга – выступают «совладельцами» узла оператора ЦС-«коридора», функционал которого включает создание (выпуск) и уничтожение межсетевых токенов, поддержку проведения расчетов способом экономии ликвидности и контрольно-регуляторные функции. Преобразование локальных токенов

8 Inthanon-LionRock: Leveraging Distributed Ledger Technology to Increase Efficiency in Cross-Border Payments (2020).

в межсетевые по запросу ППУ производится ЦБ его юрисдикции в пределах баланса цифрового кошелька ППУ в локальной ЦС; на время пользования межсетевыми обменными на них локальные токены аннулируются; перевод в локальную ЦС производится в обратном порядке.

ЦС-«коридор» предоставляет своим участникам сервис срочного перевода денежных средств. В случае недостатка у ППУ текущей ликвидности его узел ставит подлежащие исполнению транзакции в очередь и устанавливает приоритеты по срочности исполнения, которое производится по мере поступления ликвидности в распоряжение узла. Во избежание скопления ожидающих очереди поручений узел оператора периодически инициирует сеансы расчетов методом экономии ликвидности на основе калькулируемых им нетто-позиций. Для поддержания непрерывности расчетов в обстоятельствах, когда невозможно определить ни одну подходящую нетто-позицию в пределах ликвидности, имеющейся у нетто-оправителей, в функционал ЦС добавлен сервис корректировки ликвидности. Он автоматизирует процессы перевода недостающей ликвидности в национальной валюте из локальной ЦС либо внутриденного необеспеченного заимствования иностранной валюты у узлов, располагающих ею в избытке.

Система предоставляет участникам выбор вариантов обмена валют одним из следующих способов:

1. Автоматическое квитование. Узлы форекс-дилеров, выполняющих в ЦС функцию маркет-мейкеров, обязаны постоянно поддерживать в информационной системе ЦС (ИС) твердые котировки по обе стороны рынка в пределах установленных ими транзакционных лимитов. Участник ЦС, инициирующий транзакцию, направляет в ИС поручение на покупку или продажу

с указанием валюты и суммы сделки. ИС автоматически подбирает лучшую котировку в пределах транзакционного лимита маркет-мейкера. Заключение сделки и расчет происходят автоматически в ЦС.

2. Инициатор направляет через ИС запрос на предложение котировки одному или нескольким конкретным маркет-мейкерам по своему выбору. Сделка с автоматическим расчетом в ЦС заключается с контрагентом, предложившим лучшую (устраивающую инициатора) котировку.

3. Участник ЦС заключает за ее периметром сделку с контрагентом, не участвующим в ЦС. Расчет производится в ЦС между ее участниками, один из которых является стороной валютно-обменной сделки, а второй действует как посредник от лица другой ее стороны; расчет между посредником и его клиентом происходит вне ЦС.

Обмен валют на платформе оЦДЦБ поддается алгоритмизированию с использованием «автоматизированного маркет-мейкера» – смарт-контракта, действующего в качестве посредника между покупателями валют и пулами ликвидности в этих валютах.

Интегральная архитектура обладает двумя ключевыми достоинствами. Во-первых, все транзакции, в том числе по обмену валют, учитываются в реестре одной и той же ЦС, что сводит к нулю риск несинхронного учета. Атомарность может обеспечиваться правилами самой системы, HTLC становится избыточным инструментом, транзакции упрощаются и ускоряются. Во-вторых, упрощаются задачи контроля. В соединенных одноранговых мультивалютных ЦС центральные банки не обладают гарантированным контролем, например, за соблюдением ППУ запрета на расчеты между резидентами в национальной валюте в иностранной ЦС. Интегральное решение

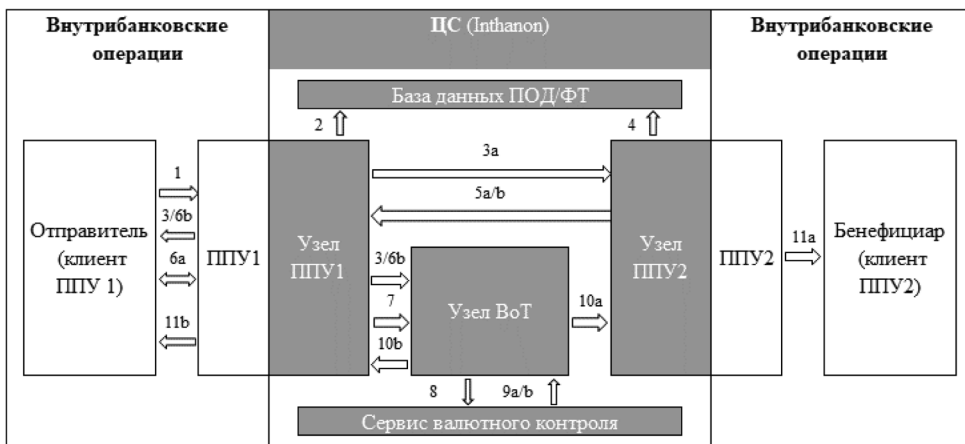

Рисунок 8. Автоматизация комплаенса в проекте *Inthanon*

Figure 8. Compliance automation in the Inthanon project

Источник: составлено автором.

обеспечивает их как «совладельцев» узла оператора всей полнотой информации и позволяет автоматизировать комплаенс.

Комплаенс

Комплаенс в сфере международных расчетов подразумевает соблюдение требований антилегализационного мониторинга, а также в зависимости от политики той или иной страны в отношении регулирования потоков капитала – правил валютного контроля. Подходящим примером автоматизации комплаенса при использовании оЦДЦБ является тайландский прототип для внутренних транзакций *Inthanon*, охваченный трансграничным проектом *Inthanon-LionRock (mBridge)*. В соответствии с законодательством Таиланда суммарный балансовый остаток имеющихся у нерезидента (в том числе иностранного банка) счетов в тайландских батах в конце операционного дня не должен превышать лимит, установленный Банком Таиланда.

На рисунке 8 проиллюстрирована автоматизация антилегализационного

мониторинга и валютного контроля в проекте *Inthanon* согласно описанию, изложенному в публикации Института Азиатского банка развития [Project Inthanon..., 2019].

ЦС связана с антилегализационной базой данных о подозрительных лицах. После того, как клиент ППУ, участвующего в ЦС, инициирует перевод конвенциональных денежных средств в пользу клиента другого такого ППУ (1), узел банка отправителя сверяется с базой данных (2) и либо передает поручение узлу банку бенефициара (3a), либо отклоняет его (3b). Узел банк бенефициара также сверяется с базой данных (4) и либо подтверждает (5a), либо отклоняет транзакцию (5b). В зависимости от этого банк отправителя либо дебетует банковский счет клиента (6a), либо отказывает в проведении транзакции (6b). Отчеты о подозрительных транзакциях автоматически поступают узлу Банка Таиланда (VoT) – оператора ЦС. После списания денежных средств с банковского счета отправителя узел отслуживающего его ППУ передает узлу VoT инструкцию на перевод оЦДЦБ

в пользу узла ППУ, обслуживающего бенефициара (7). Расчетная валюта *Inthanon* – таиландский бат и, если бенефициаром является нерезидент, узел BoT сверяется с данными добавленного в ЦС сервиса валютного контроля о допустимости операции при текущем состоянии счетов нерезидента (8). В зависимости от того, подтверждается (9a) или не подтверждается (9b) допустимость, узел BoT либо осуществляет перевод оЦДЦБ (10a), либо отклоняет инструкцию (10b). В первом случае ППУ бенефициара кредитует на соответствующую сумму банковский счет своего клиента (11a); во втором – ППУ отправителя возвращает денежные средства своему клиенту (11b).

В прототипе ЦС *Inthanon-LionRock* Банком Таиланда как совладельцем узла оператора был установлен лимит ликвидности в таиландских батах, которой могут располагать в ЦС ППУ-нерезиденты Таиланда (банки Гонконга), соответствующий действующему в Таиланде ограничению допустимой величины остатка на счетах нерезидента (в сумме с остатками на конвенциональных банковских счетах). Остаток, превышающий лимит, подлежит автоматической продаже узлу оператора в обмен на гонконгские доллары по курсу, установленному Банком Таиланда в целях исполнения правил валютного регулирования.

Платформенные решения

В зависимости от цифрового дизайна прототипы платежной системы с использованием оЦДЦБ могут усиливать те или иные ценные свойства, такие как устойчивость, конфиденциальность, масштабируемость, экономичность; но они противоречивы, и максимизировать их все одновременно вряд ли возможно. Оптимальный компромисс зависит от конкретных целей проекта.

В проектах *Jasper* и *Inthanon*, на первом этапе *Inthanon-LionRock* использовалось платформенное решение *Corda* (разработка компании R3). Консенсус на платформе *Corda* достигается посредством двух процессов: подтверждения транзакции узлами участников ЦС, являющихся сторонами транзакции, и проверки ее уникальности специальным сервисом – «нотариальным» узлом. Тем самым обеспечивается высокий уровень конфиденциальности и экономичность потребления энергии (оно многократно меньше, чем необходимо для консенсуса на платформе *Ethereum*). Однако отказоустойчивость системы зависит от непрерывности функционирования «нотариального» узла.

На втором этапе проекта *Inthanon-LionRock*, в задачу которого вменялось построение прототипа системы трансграничных расчетов в расширенном составе присоединившихся государств, тестировался дизайн, предложенный компанией *ConsenSys* в рамках «зонтичного» проекта блокчейнов с открытым кодом *Hyperledger Besu* на платформе *Ethereum*. Для цифрового представления токена в этом дизайне был применен стандарт смарт-контракта *Universal Token* с открытым исходным кодом, который объединяет в единую совокупность множество стандартов семейства *Ethereum* и благодаря этому позволяет взаимодействовать с внешними сетями, использующими один из них, что способствует масштабируемости.

Новое решение использовало консенсусный протокол типа *Proof of Authority* в варианте *Istanbul Byzantine Fault Tolerant (IBFT) 2.0*, подходящий для большого объема транзакций. Запуская протокол, узлы валидаторов обеспечивают окончательность расчета, публикуя завершённые транзакции (создавая блоки в блокчейне). Система сохраняет отказоустойчивость в лю-

бых обстоятельствах, если остаются действующими не менее четырех узлов валидаторов (для одобрения транзакции требуется подтверждение не менее чем двумя третями валидаторов). Вместе с тем данный тип консенсусного протокола требует применения специального механизма защиты конфиденциальности с дополнением цифрового дизайна сервисом шифрования информации и ее распространения в закрытых «группах конфиденентов» (*private groups*).

Правовое обеспечение

В отличие от «розничных» ЦДЦБ, которые интегрируются в денежное обращение наравне с ЗПС и в том же качестве, введение оЦДЦБ не требует существенной корректировки законодательства. Оптовые ЦДЦБ – цифровое представление резервов кредитных организаций в ЦБ, отличающийся от их конвенциональной формы техникой учета и совершения денежных переводов. В конвенциональном устройстве резервы представляют собой по сути деньги оператора платежной системы (ЦБ) и как таковые не являются предметом правового регулирования. Для многих сторон, которые могут быть затронуты их цифровой трансформацией (банки, инфраструктуры финансового рынка), тематика денежного обращения и расчетов знакома и понятна, необходимо лишь ознакомление с правилами конкретной цифровой системы.

Тем не менее использование оЦДЦБ в трансграничных платежных системах может поставить определенные задачи в области нормативно-правового регулирования. Так, в случае взаимного допуска иностранных участников в соединенные локальные системы должна быть подтверждена законность их требований к операторам систем (по умолчанию – к ЦБ). Участники

должны пользоваться равной защитой прав на конфиденциальность финансовой информации в обеих системах (локальной и иностранной), что приводит к необходимости гармонизации соответствующих правил и гарантий, установленных законами двух или более юрисдикций. То же касается национальных правил в отношении признания окончательности произведенных расчетов, стандартов цифровой безопасности.

Заключение

Примеры из мировой практики (таблица 2) формируют уже весьма значительный объем идей для проведения Россией вслед за введением «розничного» цифрового рубля эксперимента с оЦДЦБ для использования в международных расчетах.

Независимо от конкретной архитектуры ожидаемые выгоды заключаются в минимизации кредитного риска, снижении издержек при проведении расчетов и их ускорении. Цифровая трансформация трансграничного межбанковского платежного оборота обеспечивает дополнительное преимущество, которое принимает ключевое значение в свете современных глобальных процессов, – возможность для стран рассчитывать напрямую в национальных валютах, представленных деньгами ЦБ каждой страны, не обращаясь к сомнительным экспериментам с искусственными клиринговыми расчетными единицами или более чем рискованными – с частными цифровыми валютами.

Необходимые предпосылки для старта международного проекта – экономическая заинтересованность как минимум двух юрисдикций, наличие технологического и интеллектуального ресурса и готовность к инвестициям в эксперимент и последующее прак-

Таблица 2. Международные эксперименты по разработке и тестированию прототипов системы трансграничных расчетов на основе оЦДЦБ

Table 2. International trial-trips developing and testing prototypes of a cross-border settlements using wCBDC

	<i>Aber</i>	<i>Dunbar</i>	<i>Jasper-Ubin</i>	<i>Jura</i>	<i>Mariana</i>	<i>mBridge</i>
Австралия	–	<i>AUD</i>	–	–	–	–
Гонконг	–	–	–	–	–	<i>HKD</i>
Канада	–	–	<i>CAD</i>	–	–	–
Китай	–	–	–	–	–	<i>CNY</i>
Малайзия	–	<i>MYR</i>	–	–	–	–
ОАЭ	<i>AED</i>	–	–	–	–	<i>AED</i>
Саудовская Аравия	<i>SAR</i>	–	–	–	–	–
Сингапур	–	<i>SGD</i>	<i>SGD</i>	–	<i>SGD</i>	–
Таиланд	–	–	–	–	–	–
Франция	–	–	–	<i>EUR</i>	<i>EUR</i>	–
Швейцария	–	–	–	<i>CHF</i>	<i>CHF</i>	–
ЮАР	–	<i>ZAR</i>	–	–	–	<i>THB</i>

Примечание: коды валют – *ISO 4217*.
Источник: составлено автором.

тическое воплощение его результатов. Одновременная заинтересованность нескольких юрисдикций позволяет принять за концептуальную основу объединенную архитектуру будущей ЦС. Идея расчетов в оЦДЦБ может быть востребована в рамках межрегионального сотрудничества по линии БРИКС. Для России перспективными региональными партнерами в эксперименте являются прежде всего государства – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Для них торговля внутри ЕАЭС составляет от четверти до половины всей совокупности внешнеторгового товарооборота. Однако есть и препятствующие факторы. Внутренняя торговля в ЕАЭС – это преимущественно товароборот между Россией и каждой другой страной, входящей в Союз, тогда как «горизонталь-

ные» связи между последними не имеют для каждой из них ключевого значения (кроме торговли с Казахстаном для Киргизии). Как следствие, интерес к интегральному решению со стороны партнеров в ЕАЭС может быть слабым при прочих равных условиях.

Двусторонний проект с Белоруссией вряд ли существенно повлиял бы на долю расчетов в национальных валютах (главным образом в российских рублях), которая и без того достигала в 2021 г. 80% во взаимном товарообороте⁹. Казахстан наряду с Россией является одним из лидеров цифровизации наличных денег (проект «цифрового тенге») и имеет свой задел для продолжения цифровой трансформации. Однако доля рублевых расчетов в данном случае тоже уже велика (почти 65%), а за время после образования ЕАЭС

9 По данным Межгосударственного банка о платежах, обеспечивающих взаимный товарооборот (https://www.isbnk.info/analytics_payments.html).

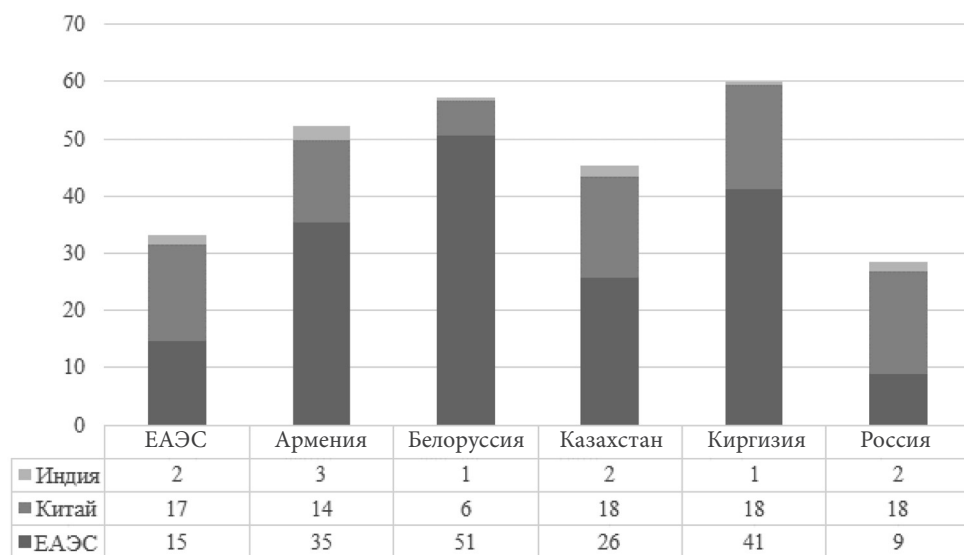

Рисунок 9. Удельный вес торговых партнеров в совокупных объемах международной торговли группы государств – членов ЕАЭС и отдельных входящих в нее стран, %

Figure 9. Shares of trading partners in the total volume of international trade of the EAEU group and individual member states, %

Источник: расчеты автора по данным Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/tables/.

он не стал для Казахстана более важным торговым партнером, чем Китай. В одной из отечественных публикаций [Shvandar, Khomyakova, 2022] приводились результаты исследования, согласно которым примененный математический аппарат подтвердил ограниченность остаточного потенциала роста использования национальных валют в расчетах внутри ЕАЭС.

Трансграничное использование оЦДЦБ способствовало бы созданию удобной инфраструктуры для проведения платежей и обмена национальных валют, что могло бы оказать определенное стимулирующее воздействие на поведение субъектов рынка, но этим не решается фундаментальная проблема двусторонних дисбалансов в торговле между странами. Между тем именно по этой причине (оставляя в стороне регулятор-

ные барьеры и не возвращаясь к вопросу об издержках содержания банками корреспондентских счетов) востребовано универсальное платежное средство для международных расчетов, роль которого в современном мире выполняют доллар США или евро. Возможности той или иной группы стран обходиться во взаимных расчетах национальными валютами тем шире, чем большая часть совокупного товарооборота каждой из них представлена взаимной торговлей. В случае ЕАЭС добавление к взаимному товарообороту между государствами-членами их экспортно-импортных операций с Китаем образует рынок, замыкающий в себе от 45 до 60% всего объема международной торговли Казахстана, Армении, Белоруссии и Киргизии и более четверти объема российской внешней торговли (рисунок 9).

Отсюда следует, что успех начинаний по цифровому переходу в области трансграничных расчетов в ЕАЭС зависит от перспективы выхода на расчеты с Китаем. Та же диаграмма показывает, что прибавление торгового оборота с другой крупной и геополитически нейтральной экономикой (Индией) уже не дает значимого масштабирующего эффекта. В практической плоскости это означает, что, хотя качественная новизна концепции оЦДЦБ оставляет широкую свободу эксперимента, целесообразно было бы ввести его в границы, обеспечивающие совместимость, а лучше соединимость с прототипами, которые разрабатываются либо будут разрабатываться Китаем или с его участием. В частности, руководство к действию можно почерпнуть из партнерства Китая в проекте *mBridge*, унаследовавшем базовые параметры от *Inthanon-LionRock*. Также, принимая во внимание значимость вопроса о независимости от *SWIFT*, есть все основания использовать потенциал проекта *Universal Digital Payments Network (UDPN)*, позиционируемого в качестве глобальной сети стандартизированных коммуникаций между системами цифровых валют, включая ЦДЦБ; его ведущий разработчик – китайская компания *Red Date Technology*.

Список литературы

Семеко Г.В. Суверенная цифровая валюта: новые возможности для трансграничных платежей // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 108–121. – DOI: 10.31107/2075-1990-2022-4-108-121.

Auer R., Haene P., Holden H. Multi-CBDC arrangements and the future

of cross-border payments // BIS Paper. – 2021. – N 115. – P. 1–23.

Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets / Dong He, Kokenyne-Ivanics A., Lavayssiere X., Lukonga I., Schwarz N., Sugimoto N., Verrier J. // IMF Fintech Note. – 2022. – N 2022/005. – P. 1–33.

Digital Money Across Borders – Macro-Financial Implications / Dong He, Mancini-Griffoli T., Dell’Ariccia G., Martinez Peria M.S., Haksar V., Yan Liu // IMF Policy Paper. – 2020. – N 2020/050. – P. 1–49.

Interoperability between payment systems across borders / Boar C., Claessens S., Kosse A., Leckow R., Rice T. // BIS Bulletin. – 2021. – N 49. – P. 1–7.

Inthanon-LionRock to mBridge: Building a multi CDCB platform for international payments. – Hong Kong : BIS Innovation Hub, 2021. – 72 p.

Kosse A., Mattei I. Gaining momentum – Results of the 2021 BIS survey on central bank digital currencies // BIS Paper. – 2022a. – N 125. – P. 1–23.

Kosse A., Mattei I. The potential of central bank digital currencies for cross-border payments // SUERF Policy Brief. – 2022b. – N 439. – P. 1–7.

Project Inthanon and the project DLT Scrippless Bond / Supadulya G., Tansanguan K., Sethaput V., Wattanasiriwiroj W., Areechitranusorn K. // ADB Institute Working Paper. – 2019. – N 1030. – P. 1–11.

Shvandar K.V., Khomyakova L.I. Regional Payment Systems of Asia, Africa, Latin America as a Tool for Regional Integration. Prospects for the Eurasian Economic Union // Financial Journal – 2022. – Vol. 14, N 2. – P. 43–54. – DOI: 10.31107/2075-1990-2022-2-43-54.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.04

Wholesale Central Banks Digital Currencies and New Opportunities for Interbank Settlements with the Prospect of Entering International Transactions

Vsevolod Yu. CHERKASOV

Senior Researcher of the Center of International Finances
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
Nastasyinsky Lane, 3, b. 2, Moscow, Russian Federation, 127006
E-mail: vcherkasov@nifi.ru
ORCID: 0000-0001-5782-4754

CITATION: Cherkasov V.Yu. (2024). Wholesale Central Banks Digital Currencies and New Opportunities for Interbank Settlements with the Prospect of Entering International Transactions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 80–102 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.04

Received: 12.08.2023.

Revised: 28.05.2024.

ABSTRACT. *A new generation of digital technologies that make it possible to speed up settlements and reduce their cost was born from crypto-currency projects, but the prospects of their economically effective and socially responsible application associate with central bank digital currency. The article discusses the issues of digitalization of central bank money in relation to interbank settlements, including for servicing cross-border payment turnover. So far, this topic has not found a significant response in Russian scientific journals. This publication aims to popularize it by summarizing and analyzing examples extracted from foreign experiments. The advantages of digitalization are compared with the capabilities of conventional payment systems. Descriptions and comparisons of the architectures of the new generation payment system are given, in the range of which it is possible to choose compromises between benefits, risks and*

costs in the search for the optimal solution. In conclusion, the prospects for the transition to an experiment with digitalization of wholesale payments in Russia are assessed following the upcoming introduction of the “retail” digital ruble.

KEYWORDS: *central bank digital currency, wholesale interbank payments, cross-border payments in national currencies.*

References

- Auer R., Haene P., Holden H. (2021). Multi-CBDC arrangements and the future of cross-border payments. *BIS Paper*. No. 115, pp. 1–23.
- Capital Flow Management... (2022). Dong He et al. Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets. *IMF Fintech Note*. No. 2022/005, pp. 1–33.

Digital Money... (2020). Dong He et al. Digital Money Across Borders – Macro-Financial Implications. *IMF Policy Paper*. No. 2020/050, pp. 1–49.

Interoperability between payment systems... (2021). Boar C. et al. Interoperability between payment systems across borders. *BIS Bulletin*. No. 49, pp. 1–7.

Inthanon-LionRock to mBridge... (2021). *Inthanon-LionRock to mBridge: Building a multi CDCB platform for international payments*. Hong Kong: BIS Innovation Hub, 72 pp.

Kosse A., Mattei I. (2022a). Gaining momentum – Results of the 2021 BIS survey on central bank digital currencies. *BIS Paper*. No. 125, pp. 1–23.

Kosse A., Mattei I. (2022b). The potential of central bank digital currencies

for cross-border payments. *SUERF Policy Brief*. No. 439, pp. 1–7.

Project Inthanon... (2019). Supadulya G. et al. Project Inthanon and the project DLT Scripless Bond. *ADB Institute Working Paper*. No. 1030, pp. 1–11.

Semeko G.V. (2022). Central Bank Digital Currency: New Opportunities for Cross-Border Payments. *Finansovyy zhurnal*. Vol. 14, no. 4, pp. 108–121 (in Russian). DOI: 10.31107/2075-1990-2022-4-108-121.

Shvandar K.V., Khomyakova L.I. (2022). Regional Payment Systems of Asia, Africa, Latin America as a Tool for Regional Integration. Prospects for the Eurasian Economic Union. *Finansovyy zhurnal*. Vol. 14, no. 2, pp. 43–54. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-2-43-54.

Международное и национальное право

УДК 334.7

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.05

Эволюция формы ТНК в контексте функционального анализа права

Ольга Владимировна НОВИКОВА

кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3, г. Москва, Российская Федерация, 109028

E-mail: mailandlaw@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0546-6059

ЦИТИРОВАНИЕ: Новикова О.В. Эволюция формы ТНК в контексте функционального анализа права // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 103–120.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.05

Статья поступила в редакцию 05.08.2023.

Исправленный текст представлен 20.12.2023.

АННОТАЦИЯ. В этой статье мы определяем два новых этапа эволюции правовой формы транснациональных корпораций (ТНК): появление офшорных империй к концу XX в. и возникновение нового класса ТНК за последнее десятилетие. В первой части статьи мы исследуем постепенное изменение параметров, связанных с единством экономического содержания ТНК, а во второй части – параметров, связанных с юридической множественностью формы ТНК, используя методы функционального анализа права (law-and-economics). Наш анализ показывает, что каждый этап развития правовой формы ТНК соответствует изменениям по всем выбранным параметрам. Кроме того, происходит существенное изменение в соотношении между правовой формой ТНК и экономической сущностью транснациональной фирмы. Это позволило нам сделать вы-

вод о том, что размер фирмы не является необходимым признаком формы ТНК, но представляет собой важный дополнительный критерий для определения сферы действия регулирующих актов. Вместе с тем одним из ключевых факторов, влияющих на форму ТНК, мы считаем оптимизацию регуляторной нагрузки, в составе которой на данном этапе ярко проявляются и санкционные ограничения. Различия между новыми и старыми формами ТНК во многом являются результатом технологической трансформации и проявляются не только в несовпадении, но и в подвижности границ как фирмы в экономическом смысле, так и в юридической форме ТНК. Мы приходим к выводу, что требуется комплексный, межотраслевой подход к юридической форме ТНК. Понимание особенностей нового класса ТНК расширяет поле для поиска новых концептуальных ре-

шений. Со стороны государства инициируются экспериментальные правовые режимы, в то время как предприниматели создают квазипубличные и квазикорпоративные структуры, функционирование которых основывается на новых технологиях и квазиправе (стандартах, обычаях, мягком праве). Это в конечном итоге приводит к переосмыслению понятия нормативности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транснациональные корпорации (ТНК), корпоративное право, экономический анализ права, цифровизация, деофшоризация.

Введение

В качестве отправной точки для нашей статьи мы используем классический подход к определению транснациональных корпораций Л.А. Лунца – «единство экономического содержания при юридической множественности» [Луниц, 1975]. В первой части статьи мы подробно анализируем изменение параметров, относящихся к «единству экономического содержания», а во второй части – относящихся к «юридической множественности» в контексте функционального анализа права (*law-and-economics*).

Многие ученые в разное время изучали историю корпораций и ТНК [Касаткина, Касаткина, 2013; Curtin, 1984; Gelderblom, De Jong, Jonker, 2013]. Исследователи выделяют от трех [Куликов, 2006] до восьми [Поляков, 2019] этапов их развития¹. Однако даже правоведы в своих работах прослеживают поэтапное изменение прежде всего экономического содержания ТНК, большое внимание уделяют развитию интеграционных процессов, но не изменениям в правовой форме ТНК.

Мы исходим из того, что развитие формы ТНК также имеет эволюционный характер: корпоративный ландшафт усложняется за счет появления новых элементов и их взаимодействия с традиционными институтами. В статье мы выделим признаки, которые отличают не только содержание, но и форму ТНК на каждом этапе эволюции, что позволит переосмыслить правовые подходы к решению проблем регулирования ТНК.

Начнем с классических этапов развития формы ТНК:

1. Появление корпораций в XVI–XIX вв.

2. Появление ТНК как группы корпораций в середине XX в.

Эти этапы подробно изучены, поэтому мы остановимся только на ключевых характеристиках, чтобы выделить параметры для дальнейшего анализа (предполагая, что каждому этапу развития формы ТНК соответствуют изменения по всем выделяемым параметрам). Для современного периода можно выделить еще два этапа:

3. Становление офшорных империй к концу XX в.

4. Появление нового класса ТНК в последнее десятилетие.

Также предполагаем, что меняется соотношение между правовой формой ТНК и экономическим содержанием фирмы. Об этом пойдет речь в третьей части статьи. Изучение экономической природы ТНК требует комплексного, межотраслевого подхода к ТНК как правовой форме. Это неизбежно приводит нас к выводу, что в рамках этой статьи мы лишь обозначим ключевые моменты развития правового регулирования, не углубляясь в проблематику отдельных отраслей.

¹ В данном случае речь идет о ТНК евроатлантического пространства, поскольку исследования последних десятилетий показывают своеобразную траекторию становления китайских, арабских и некоторых других «восточных» фирм, инвестирующих за рубежом.

Единство экономического содержания: ключевые параметры фирмы

Характеристика развития технологий. Как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают XVI–XIX вв. как период появления корпораций в современном понимании [Curtin, 1984; Магданов, 2012; Gelderblom, De Jong, Jonker, 2013]. В это время технологическое развитие характеризовалось преобладанием ручного труда.

Ситуация изменилась к середине XX в. Механизация процессов обеспечила возможность использования неквалифицированного труда. Транспортная инфраструктура достигла уровня, при котором стало экономически выгодным размещать отдельные процессы в странах с более дешевыми производственными ресурсами.

К концу XX в. наблюдается существенный переход, затрагивающий деятельность транснациональных корпораций. Финансирование, производство, реализация продукции, а также юридическое и административное сопровождение во многих случаях не требуют больших затрат и физического присутствия руководства².

В последнее десятилетие происходит новая технологическая трансформация. В отчете Европейской комиссии по налогообложению цифровой экономики за 2014 г. отмечается: «Экономика становится цифровой. Цифровизация – это процесс распространения универсальных технологий. Последним таким явлением была электрификация...»³. Бурный рост использования больших языковых моделей (таких как *ChatGPT*)

в 2023 г., возможно, символизирует пятый этап социальной трансформации и развития ТНК, но это вопрос будущего.

Экономика фирмы. Первые ТНК связаны с колониальным освоением Нового Света европейскими коммерсантами, которые делили рынки сбыта и проводили согласованную ценовую политику. Основная сфера их деятельности – торговля [Micklethwait, Wooldridge, 2003].

Второй этап связан с появлением зарубежных производственных подразделений и филиалов, обслуживающих местный спрос. Главную роль в выборе мест для дочерних структур играет минимизация суммарных производственных и бытовых издержек.

На третьем этапе увеличение чистой прибыли ТНК происходит уже за счет минимизации административных издержек, снижения регуляторной нагрузки, в том числе налоговой оптимизации.

В настоящее время результатом развития технологий становится дистанционный характер работы и управления, глобальный поиск талантов, трансграничный доступ к финансированию, электронный документооборот. В фокусе не столько рост прибыли, сколько рост стоимости самой компании за счет внедряемых инноваций.

Специализация по странам. На первом этапе в слаборазвитых государствах добывается сырье и организируются торговые представительства, производство размещается в промышленно развитых странах [Harvey, 1981]. На втором этапе обратная ситуация: производство – в развивающихся стра-

2 The Impact of the Communications Revolution on the Application of the «Place of Effective Management» as a Tie Breaker Rule. – OECD, 2001. – 15 p. – URL: <https://pdf4pro.com/cdn/the-impact-of-the-communications-revolution-on-536e77.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

3 Commission Expert Group on Taxation of the Digital Economy. – 2014. – 78 p. – URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/system/files/2016-09/report_digital_economy.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

нах, сбыт – в развитых и развивающихся странах.

Стоит обратить внимание на исследования [Uncovering..., 2017] современных ученых-экономистов, которые делают вывод, что к концу XX в., то есть как раз в границах выделяемого нами третьего этапа, корпоративная структура ТНК строится по принципу минимизации не столько производственных издержек, сколько регуляторной нагрузки. В составе структуры ТНК выделяются компании, зарегистрированные в следующих странах:

1) юрисдикции-«убежища», которые привлекают и удерживают иностранный капитал;

2) юрисдикции-«кондуиты», которые предлагают низкие или нулевые налоги на перевод капитала в другие страны, в том числе через процентные платежи, роялти, дивиденды или репатриацию прибыли; помимо широкой сети соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН), эти страны привлекают ТНК развитым фондовым рынком, судебной системой и инструментами корпоративного права;

3) юрисдикции с повышенной секретностью⁴, которые создают условия для того, чтобы лица, находящиеся за пределами юрисдикции и использующие ее регулирование, не могли быть идентифицированы; это открывает перспективы снижения публично-правовой и частноправовой нагрузки в целом за счет передачи обязательств компаниям, формально не связанным с группой.

В последнее десятилетие цифровизация формирует новый виток конкуренции правопорядков: всё больше стран предлагают специальные условия для технологических компаний и так называемых цифровых кочевников.

Размер фирмы. К концу первого этапа масштаб некоторых Ост-Индских [Ко, 2013] и Московской [Толстой, 1875] компаний можно сопоставить с государственным. Голландская Ост-Индская компания (нидерл. *Vereenigde Oostindische Compagnie*; сокр. VOC), официально была многонациональной корпорацией, основанной в начале XVII в. в результате объединения под руководством правительства нескольких конкурирующих голландских торговых товариществ. Считается, что это самая крупная компания, существовавшая в истории [Ко, 2013].

ТНК в классическом понимании – это крупные фирмы, способные проводить самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Однако это справедливо лишь для первого и второго этапов, так как уже на третьем выделяемом нами этапе затраты на экспертизу и поддержание корпоративной структуры становятся доступны не только крупному, но и среднему бизнесу [Евневич, 2013].

В настоящее время за счет цифровых технологий даже малые компании могут быть транснациональными [Devereux, Vella, 2018].

Юридическая множественность: ключевые параметры формы

Определение формы корпорации как задача правового регулирования.

На первом этапе задачей становится создание формы ведения деятельности, сообразной рыночным механизмам и стимулирующей предпринимательскую активность [Korten, 1995]. На примере Голландской Ост-Индской компании можно проследить, каким

4 Financial Secrecy Index 2020: Method and Concepts // Tax Justice Network. – 2020. – URL: <https://fsi.taxjustice.net/En/introduction/method-and-concepts> (дата обращения: 18.07.2023).

образом формировались основные признаки современной корпорации. VOC, созданная в 1602 г. на основании «патентных грамот» (*octrooi*), поначалу была не корпорацией, а своего рода узаконенным картелем шести так называемых предварительных компаний, то есть шести купеческих товариществ, которые начали успешно торговать с Индией в конце XVI в. Для определения общей политики и территорий деятельности шести купеческих групп (теперь называемых палатами компании), а также для установления цен на привозимые товары был учрежден центральный совет. Однако у VOC не было отдельной «юридической личности». Патентная грамота не делала ее «корпорацией», не давала ей прав собственности и не снабжала печатью. Все операционные средства предоставлялись отдельными палатами, ведущие купцы которых оставались лично ответственными за оснащение флота своей палаты и, что очень важно, несли полную ответственность за все долги (за исключением только заработной платы моряков, которая должна была выплачиваться из прибыли или не выплачиваться вовсе) [Gelderblom, De Jong, Jonker, 2013].

За первые два десятилетия деятельности VOC произошел ряд изменений, которые привели к превращению VOC в полноценную деловую корпорацию. Во-первых, правление при поддержке *Dutch Estates General* отказалось от запланированного на 1612 г. окончания очередной кампании из-за опасений, что это лишит VOC завоеванных (в том числе силой) позиций и укреплений в Азии. Деньги инвесторов были заблокированы на неопределенный срок, создавали «постоянный капитал» для компании. После этого у них не было иллюзий, что они «владеют» чем-либо из VOC. Успокоить инвесторов помогли огромные 162,5% дивидендов.

Во-вторых, в 1623 г. голландский суд позволил превратить VOC в отдельное юридическое лицо, владеющее собственностью и заключающее договоры, признав действительность облигаций, выпущенных бухгалтерами VOC, без каких-либо купеческих поручителей [Gelderblom, De Jong, Jonker, 2013]. Средства компании гарантировали облигации, а не купцы. Без этого купцы, отвечая по всем долгам, не желали брать на себя долговые обязательства. В результате значительное увеличение заимствований и фиксация накопленного капитала позволили VOC достигнуть уровня прибыльности и стать доминирующим игроком в торговле пряностями вплоть до ее распада в 1800 г.

Таким образом, потребности международной торговли уже на первом этапе «спрессовали» необходимые элементы в качестве юридической формы корпорации. В современном понимании большинства развитых правовых порядков она обладает следующими характеристиками: 1) статус юридического лица; 2) централизованное управление; 3) постоянный капитал, составленный из вкладов участников, предполагающий право участия в прибыли и право на часть имущества после ликвидации; 4) ограниченная ответственность участников; 5) торгуемые акции [The Anatomy..., 2017].

Интересно отметить, что те же потребности международной коммерции продолжили действовать в сторону формирования уже групп корпораций, которые самостоятельной формой не являются, несмотря на многочисленные попытки таким образом разрешить накапливающиеся противоречия (см., например, [Куликов, 2006]). Появление корпоративных групп на втором этапе ослабило принципиальность заявленных выше характеристик корпорации и даже привело к трактовке

истории корпоративного регулирования как череды провалов [Lustig, 2020]. Например, пирамидальные и кольцевые корпоративные структуры ограничивают принцип пропорциональности вкладов и участия в управлении. Помимо классической агентской проблемы в отношениях акционеров и менеджмента, возникли аналогичные точки напряжения между акционерами материнских компаний и менеджментом дочерних и, наоборот, проблемы ответственности директоров подконтрольных компаний, когда все решения принимаются на уровне головной компании. Множественность корпораций в составе ТНК приводит к злоупотреблению статусом отдельного юридического лица, когда ограниченная ответственность становится неограниченной безответственностью [Аристова, 2014]. Последствия выходят далеко за рамки корпоративного права, приводя к вопиющим нарушениям в области прав человека, трудового законодательства, норм об охране окружающей среды.

На третьем этапе злоупотребление формой ведения бизнеса ТНК становится стандартом снижения регуляторной нагрузки. К факторам «успеха» можно отнести конкуренцию порядков и пробелы в регулировании в силу стремительного роста ТНК и отсутствия как унифицированного международного регулирования, так и устоявшихся подходов в национальном законодательстве. Например, использование критериев инкорпорации, места центрального управления и контроля для определения личного закона или резидентства компании становится

менее эффективным. Всё чаще возникают ситуации множественности налогового резидентства либо его отсутствия [Гидирим, 2019]. Например, слушания в Сенате США по делу *Apple* показали, что компания создала в Ирландии юридические лица, которые не являлись резидентами для целей налогообложения ни в США, ни в Ирландии⁵.

Автором подробно описано появление на современном этапе квазипубличных и квазикорпоративных форм, структур на стыке долгового и акционерного финансирования [Новикова, 2023]. Примеры инструментов, которые опосредуют создание таких структур: 1) соглашения в области венчурного инвестирования с отложенным распределением акций (*SAFE, KISS, FAST*) [Новикова, 2022]; 2) соглашения с участием краудфандинговых платформ [Новикова, 2021b]; 3) компании-посредники для выхода на публичный рынок (*SPAC*) [Coates, 2022; Kurganova, 2022]; 4) биржи для частных компаний⁶ [Turnbull, 2022]; 5) цифровые автономные организации (*DAO*) [Gomez, 2022].

Новым ТНК, таким как, например, технологические стартапы и цифровые платформы [Armour, Eidenmüller, 2020; Fenwick, McCahery, Vermeulen, 2018], свойственны все признаки «классических» ТНК: трансграничность, множественность юридических форм и взаимосвязей, мультинациональность при экономическом единстве и централизованности управления [UNCTAD, 2005]. Однако традиционные модели корпоративного управления часто оказываются плохо приспособленными к организационным и деловым потребностям таких структур [Fenwick,

5 Offshore profit shifting and the U. S. tax code – Part 2. Apple Inc. // U.S. Senate Permanent Subcommittee on Investigations. – 2013. – URL: <http://www.hsgac.senate.gov/subcommittees/investigations/hearings/offshore-profits-shifting-and-the-us-tax-code-Part-2> (дата обращения: 18.07.2022).

6 Gallagher D. How to Reform Equity Market Structure: Eliminate «Reg NMS» and Build Venture Exchanges // The Heritage Foundation. – 2017. – February 23. – URL: <https://www.heritage.org/article/how-reform-equity-market-structure-eliminate-reg-nms-and-build-venture-exchanges> (дата обращения: 20.12.2022).

McCahery, Vermeulen, 2018, p. 171]. Классическое корпоративное регулирование не ставит своей задачей защитить права участников корпорации, не обладающей соответствующей правосубъектностью (формой юридического лица, статусом компании, акции которой котируются на бирже и т.п.). Фокус управления рисками сдвигается в пользу инструментов вне сферы корпоративного регулирования.

На данном этапе находить баланс между стимулированием развития коммерческого оборота и защитой интересов отдельных групп его участников становится всё сложнее [Spatann, Guo, 2022]. При этом скорость трансформации самих корпоративных структур выше скорости совершенствования нормативной сферы, не говоря уже об унификации международного регулирования. Новые формы позволяют «открепиться» от текущего государственного регулирования и «прикрепиться» к нему в нужном месте и в нужное время. Санкционные ограничения лишь проявили относительную легкость адаптации корпораций к глобальным изменениям, в том числе за счет релокации специалистов, создания компаний в дружественных юрисдикциях, развития альтернативных механизмов расчетов.

Развитие подходов к определению формы ТНК. Практически весь массив современного корпоративного права можно отнести прежде всего к регулированию корпораций в том виде, в каком они сложились на первом этапе. В 1960-е появляется сам термин «транснациональные корпорации». При этом наблюдается смешение экономических и юридических понятий. Так, например, деление ТНК на вертикальные и горизонтальные имеет совершенно

разное содержание в экономической и юридической науке, что не всегда осознается исследователями [Голикова, 2010, с. 34]. В первом случае оно связано с циклом производства товара, во втором – с наличием отношений подчиненности (контроля).

Результатом второго этапа являются, скорее, не решения, а постановка самой проблемы: ТНК не имеют единого лица и единого применимого права, однако нуждаются в единообразном регулировании как внутренних отношений, так и внешних. Становится очевидным, что институт ответственности материнской компании по долгам дочерней явно не разрешает весь спектр проблем. Разработка институтов аффилированности, контроля, ответственности контролирующих лиц – важная составляющая правового регулирования на втором этапе – в российском правовом поле ведется активно лишь в последние годы [Степанов, 2016].

Достижением правовой мысли на втором этапе также можно считать и разработку кодексов поведения и корпоративного управления⁷. В результате ТНК совершенствуют собственные корпоративные практики, но остаются дискуссионными вопросы о том, насколько эффективно регулирование нормами мягкого права [Чеховская, 2012], а также не является ли номинальным следование таким нормам и принципам [Кириллина, 2018].

На третьем этапе наиболее ярко проявились следующие изменения в регулировании формы корпораций:

1) снижение трансакционных издержек, связанных с созданием и функционированием корпоративных структур: достаточно упомянуть гонку стран за место в рейтинге *Doing Business*, оценивающим в том числе скорость

7 Codes//The European Corporate Governance Institute. – URL: <https://ecgi.global/content/codes> (дата обращения: 24.07.2022).

и доступность регистрации компании с иностранным участием⁸;

2) владельцам бизнеса необязательно лично посещать государственный регистрирующий орган: компанию практически в любой точке земного шара можно зарегистрировать онлайн либо путем переписки с уполномоченным сервис-провайдером;

3) развитие стандартов международной отчетности и раскрытия информации⁹, а также глобализация аудиторских услуг;

4) стандартизация условий сделок с правами участия в корпорациях [Новикова, 2021a]: на данном этапе европейский и американский подходы к заключению договоров купли-продажи долей в капитале корпораций начинают сближаться; новеллы в гражданском законодательстве Российской Федерации о корпоративном договоре (ст. 67.2 ГК РФ), заверениях об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ), опционах (ст. 429.2 ГК РФ) являются красноречивым отражением данного процесса.

Учитывая, что основная зона, где оптимизация регуляторной нагрузки бьет по экономическим интересам государства, – это налогообложение, неудивительно, что первые за много лет серьезные попытки отрегулировать отношения частных предприятий – юридических лиц внутри холдинга были предприняты как раз в налоговом законодательстве [Евневич, 2013, с. 119]. Доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 2013 г.¹⁰ о размывании налоговой базы и выводе прибыли из-под налогообложения можно считать поворотной

точкой не только в истории международного налогового сотрудничества, но и в вопросах императивности и диспозитивности частноправового регулирования, ограничения принципа конфиденциальности и усиления исполнительской юрисдикции государств.

В 2021 г. рабочая группа ОЭСР также предложила облагать налогом часть прибыли крупных ТНК в странах нахождения пользователей/потребителей вне зависимости от того, есть ли у ТНК в таких странах какое-либо присутствие, а также ввести глобальную минимальную ставку налогообложения. Частноправовым эффектом таких инициатив уже стала перестройка корпоративной структуры многими ТНК. Важно также отметить, что ввиду размытости общих критериев определения ТНК проекты документов о международном налоге на корпорации предполагают применение количественного критерия (размер выручки) для определения ТНК, попадающих в сферу действия вводимых норм. Это является подтверждением того, что масштаб деятельности (размер фирмы) не является необходимым признаком ТНК, но становится важным дополнительным критерием для определения сферы действия регулирующих актов.

Развитие «антиуклонительного» регулирования в отношении ТНК происходит не только в налоговом, антимонопольном, трудовом, банковском, но и в корпоративном праве. Например, вводится обязательная корпоративная отчетность в отношении соблюдения прав человека и защиты окружающей среды для всей цепочки поставок (*hu-*

8 Doing Business Archive // World Bank Group. – URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (дата обращения: 18.07.2022).

9 При этом в некоторой степени стандартом для некоторых юрисдикций можно считать и строгую конфиденциальность информации о бенефициарах, операциях компаний, зарегистрированных в некоторых юрисдикциях, а также отсутствие требований о подаче отчетности как таковых.

10 Addressing Base Erosion and Profit Shifting. – OECD Report. – 2013. – URL: www.oecd.org/tax/addressing-base-erosion-and-profit-shifting-9789264192744-en.htm (дата обращения: 18.07.2023).

man rights due diligence, HRDD). Соответствующие законы приняты как на уровне ЕС, так и во Франции, Германии, Нидерландах¹¹.

Различные варианты «юридической множественности» ТНК охватываются контрсанкционными указами Президента Российской Федерации 2022 г.¹², устанавливающими разрешительный порядок для сделок с правами участия в российских хозяйственных обществах. Это достигается за счет комплексного использования критериев инкорпорации и контроля.

Новый класс ТНК существует в сложной системе правил, стандартов и практик. На сегодняшний день во многих странах¹³ применяются так называемые регуляторные песочницы, позволяющие тестировать в реальных правоотношениях технологии, в отношении которых по общему правилу действуют законодательные ограничения. В Российской Федерации сформирован национальный проект «Цифровая экономика», который предусматривает разработку нормативных правовых актов по вопросам, связанным с идентификацией субъектов правоотношений в цифровой среде, электронным документооборотом, оборотом данных, в том числе персональных¹⁴. Своеобразной регуляторной песочницей в области корпоративного права могут стать международные компании, созданные в Российской Федерации в порядке редомициляции иностранных компаний, являющихся частью «пророссийских» ТНК. Законом о международных ком-

паниях и фондах¹⁵ прямо предусмотрено, что после регистрации личным законом редомицилированной компании становится российское право, однако отношения участников могут регулироваться иностранным правом. Кроме того, закон предусматривает возможность выпуска акций, предоставляющих более одного голоса [Арнаутов, 2020], а также исключение применения большинства норм российского корпоративного законодательства.

Важной характеристикой четвертого этапа является ускоренное формирование международных обычаев, когда разработка регулирования «снизу» идет темпами, в разы превышающими предыдущий опыт. Создавая единый стандарт договора наряду с единым подходом к определению экономических параметров сделки, платформы и акселераторы по принципу конвейера осуществляют сотни или тысячи сделок ежегодно и серьезно экономят на транзакционных издержках. Такая частная унификация основных условий инвестиционных соглашений призвана отражать текущее понимание баланса интересов участников и развивающегося регулирования в данной области. Чем больше инвестиций будет осуществляться при посредничестве платформы или акселератора, тем платформа будет привлекательнее для будущих кампаний, а ее прибыль выше даже на нерастущем рынке. По той же причине всё труднее выходить на рынок новым операторам. Это способствует появлению различных сценариев развития конкуренции между

11 Corporate Sustainability Due Diligence. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0209_EN.html (дата обращения: 12.07.2023).

12 Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2022 г. № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок «операций».

13 В Австралии, Бахрейне, Великобритании, Индонезии, Канаде, Китае, Малайзии, ОАЭ, России, Сингапуре, США, Таиланде, Швейцарии.

14 https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/ (дата обращения: 18.07.2022).

15 Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290 «О международных компаниях и международных фондах».

платформами и влияет на содержание закрепленного в договорах стандарта [Canfield, 2019, p. 69].

Данный процесс является современной иллюстрацией тенденций, уже получивших свою характеристику в доктрине. Как отмечает Н.Г. Вилкова, типовой контракт представляет собой инструмент саморегулирования отношений участников трансграничных договоров в условиях, когда государство не успевает за стремительным развитием взаимодействия хозяйствующих субъектов и многообразием используемых ими договорных форм [Вилкова, 2019, с. 164–165].

Важным атрибутом четвертого этапа становится активный поиск регулятивных решений на базе технологий. Существует несколько выдвинутых исследователями гипотез о роли технологий машинного обучения в корпоративном управлении [Technology..., 2021; Лаптев, Чуча, Фейзрахманова, 2022]. Предполагается, что существующие на сегодняшний день стандартные агентские издержки уменьшатся. Однако могут появиться новые агентские издержки, например связанные с управлением данными и обучением искусственного интеллекта [Armour, Eidenmüller, 2020].

Границы ТНК как фирмы и формы в динамике и во взаимосвязи

Корпорация как формирующаяся организационно-правовая форма ведения бизнеса на первом этапе тождественна экономическому содержанию (фирме).

Понятие «транснациональная корпорация», сложившееся на втором этапе, несет отпечаток предыдущего этапа, когда весь бизнес был тождественен единому юридическому лицу. Современные работы справедливо

используют более корректную терминологию [Аристова, 2023], предлагая называть ТНК трансграничной корпоративной группой. Корпоративные группы (объединения) юридическим лицом не являются, а представляют собой форму интеграции юридических лиц [Groups..., 2020, p. 20].

Третий этап отличает тот факт, что границы бизнеса и контуры структуры не совпадают. Например, холдинговые компании не ведут активные операции, но могут получать существенные пассивные доходы; офшорные компании не ведут деятельности на территории государства регистрации; место регистрации кондуитных компаний не совпадает с движением товара и конечным назначением финансовых потоков. Режим ограниченного доступа к информации затрудняет попытки установить реальные контуры структуры. Может сложиться впечатление, что экономическая деятельность вообще нигде не ведется. Поэтому во многом успех санкционных и контрсанкционных мер, законодательства о деофшоризации, инициатив об ответственности ТНК в отношении всей цепочки поставок обусловлен способностью регулирующих органов установить реальные контуры корпоративной структуры.

В настоящее время происходит дальнейшее размывание границ фирмы в экономическом смысле и границ правовой формы корпорации, вплоть до появления квазипубличных и квазикорпоративных форм, описанных выше. На этапе существования нового класса ТНК регуляторная оптимизация выходит за рамки позитивистского восприятия нормативности и апеллирует к более широкому кругу источников регулирования, включая отраслевые стандарты, формируемые независимыми акторами.

Здесь важно обозначить некоторые концептуальные для правового регу-

лирования моменты. Выделение этапов развития способствует пониманию цикличности многих процессов в исторической перспективе. За последние 400 лет корпорации завоевывали территории и приносили государству ресурсы, добываясь власти и привилегий. Когда корпорации чрезмерно разрастаются, вызывая социальные потрясения, государство вынуждено сдерживать их с помощью регулирования. Текущий этап в этой связи характеризуют, во-первых, возврат к элементам обычного права как в Средние века, во-вторых, как и когда-то, ТНК сравнимы с государствами по масштабу и влиятельности. Влияние нового класса ТНК может быть обусловлено не столько размером, сколько массовостью таких ТНК, составляющих саморегулируемые сообщества, а также доступом к новейшим технологиям.

Несмотря на то, что корпорация по одной из ведущих теорий воспринимается как средоточие контрактов, привилегии от государства значимы на всех этапах формирования ТНК, начиная от монополии на торговлю и грамоты на создание юридического лица до предоставления ТНК и новому классу ТНК благоприятного или даже специального режима регулирования.

Размывание границ фирмы и корпорации (как формы, санкционированной государством) происходит параллельно размыванию государственного суверенитета в области правового регулирования. Отказ от дихотомии мягкого и жесткого права, проявившийся в том числе и в сфере регулирования корпоративных отношений, восходит к актуальной дискуссии о трансформации права как такового, классификации правовых норм, а также эволюции понятия нормативности [Абашидзе, Гуляева, Трикоз, 2022]. Государственные и частные, национальные и меж-

дународные субъекты конкурируют за регулятивные полномочия, оспаривая исключительность государства как источника права. На этом фоне теории правового плюрализма становятся концептуальной основой и лабораторией методов для критического осмысления форм, форумов и процессов законотворчества и оспаривания права сегодня [The Many Lives..., 2020, p. 24]. В этой связи по-новому осмысливается роль международного частного права в работе с «юридической множественностью», в том числе с участием любых форм корпораций.

Заключение

В ходе анализа нам удалось определить новые этапы развития формы ТНК, учитывая не только экономические критерии, но и возникающие правовые вопросы и подходы к их решению.

ТНК в классическом понимании – это крупные компании, способные проводить самостоятельную внешне-экономическую деятельность. Однако это применимо только к первым двум этапам, поскольку на третьем и четвертом этапах уже средний и малый бизнес создает трансграничные корпоративные структуры.

Критериями выделения этапов становятся не только отдельные экономические или правовые характеристики, но и соотношение ТНК как фирмы и как формы. На первом этапе контуры фирмы и формы совпадают, на втором этапе одной фирме соответствует множество форм, на третьем этапе контуры фирмы и корпоративной структуры уже не совпадают, а на четвертом размываются границы и фирмы, и формы.

Анализ, проведенный нами в контексте *law-and-economics*, указывает на необходимость комплексного, меж-

отраслевого подхода к ТНК как правовой форме. Современная корпоративная структура ТНК основана на стремлении снизить регуляторную нагрузку, связанную как с налогами, так и с санкциями и другими аспектами публично-правового и частноправового регулирования. Переход к новому классу ТНК не отменяет достижений предыдущих этапов, но и не гарантирует решения проблем регулирования. Однако понимание специфики современного этапа расширяет поле поиска новых концептуальных решений. Со стороны государства такими решениями становятся экспериментальные правовые режимы, а со стороны участников оборота – квазипубличные и квазикорпоративные структуры, функционирование которых основано на новых технологиях и квазиправе (стандартах, обычаях, мягком праве), что в конечном итоге приводит к переосмыслению понятия нормативности, новому опыту разрешения правовых коллизий и возрастанию значения методов международного частного права, в том числе применительно к корпорациям любых форм.

Вывод о том, что переход к каждому из выявленных этапов стимулируется технологическими изменениями, побуждает нас предположить, что технологические решения станут фактором успеха в адаптации правового (во всех возможных интерпретациях) регулирования к задачам современного этапа. Сроки выделенных этапов сокращаются: первый этап занял около 300 лет, второй – около 100, третий – всего 20 лет, четвертому – около 10 лет. Это означает, что мы уже скоро увидим отражение цифровой трансформации в структуре корпораций. Насколько бум, связанный с появлением больших языковых моделей, будет означать пятый этап и переход к новым формам корпораций, покажет время.

Список литературы

Абашидзе А.Х., Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов Международной конференции ESIL // *RUDN Journal of Law*. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 508–527. – DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527.

Аристова Е.А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. – Москва : Инфотропик Медиа, 2014. – 248 с.

Арнаутов Д.Р. Будущее акций с разным объемом прав в России // *Закон*. – 2020. – № 11. – С. 186–199.

Вилкова Н.Г. Типовые контракты в XXI веке: настоящее и будущее // *Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы. Liber Amicorum в честь 70-летия А.С. Комарова* / сост. и науч. ред. Н.Г. Маркалова, А.И. Муранов. – Москва : Статут, 2019. – С. 162–172.

Гидирим В. Основы международного корпоративного налогообложения. – Москва : Литрес, 2019. – 2271 с.

Голикова Ю.А. Транснациональные корпорации: определение сущности и характеристика деятельности в современных условиях // *Мир экономики и управления*. – 2010. – Т. 10, № 4. – С. 32–39.

Евневич М.А. Консолидированная группа налогоплательщиков как институт холдингового типа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2013. – № 3. – С. 118–128.

Касаткина А.А., Касаткина А.С. Транснациональные корпорации: современный экономико-правовой анализ // *Законодательство и экономика*. – 2013. – № 9. – С. 9–17.

Кириллина В.Н. Обзор исследования «Оценка корпоративного управления в публичных акционерных обществах с участием Российской Феде-

рации, акции которых обращаются на организованном рынке ценных бумаг» // Бизнес. Общество. Власть. – 2018. – № 1 (27). – С. 7–62.

Куликов Р.А. Эволюция правовой природы и место транснациональной корпорации в системе международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 32 с.

Лаптев В.А., Чуча С.Ю., Фейзрахманова Д.Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 229–244. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244.

Лунц Л.А. Многонациональные предприятия капиталистических государств в аспекте международного частного права // Советское государство и право. – 1976. – № 5. – С. 122–129.

Магданов П.В. История возникновения корпораций до начала XX в. // ARS ADMINISTRANDI. – 2012. – № 4. – С. 15–32.

Новикова О.В. Стандартизация сделок M&A в США и Европе: эмпирические исследования и концептуальный анализ // Lex Russica. – 2021a. – № 9 (178). – С. 131–143. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.131-143.

Новикова О.В. Стандартизация условий венчурных сделок в США и формирование Lex Corporatoria // Актуальные проблемы права и экономики в ракурсе междисциплинарных научных исследований как формы международного сотрудничества / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2022. – С. 293–305.

Новикова О.В. Трансформация корпоративного права: квазикорпоративные и квазипубличные структуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 181–199. DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-181-199.

Новикова О.В. Условия краудинвестиционных сделок и формирование *lex corporatoria* // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2021b. – № 3 (23). – С. 23–32.

Поляков Р.К. Эволюция транснациональных компаний: перспективы в эпоху «сетевой глобализации» // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – № 1. – С. 37–54.

Степанов Д.И. Проблемные вопросы корпоративного законодательства о группах компаний и холдингах // Закон. – 2016. – № 5. – С. 67–86.

Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношения России с Англией. 1553–1593. – Санкт-Петербург : Типография и хромофотография А. Траншеля, 1875. – 562 с.

Чеховская С.А. «Мягкое» корпоративное право: постановка проблемы // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 8–12.

Armour J., Eidenmüller H. Self-Driving Corporations? // Harvard Business Law Review. – 2020. – N 10. – P. 87–116. – DOI: 10.2139/ssrn.3442447.

Canfield M. Banana Brokers: Communicative Labor, Translocal Translation, and Transnational Law // Public Culture. – 2019. – Vol. 31, N 1. – P. 69–92. – DOI: 10.1215/08992363-7181844.

Coates J.C. SPAC Law and Myths. – 2022. – 52 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4022809.

Curtin P. D. Cross-cultural Trade in World History. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 279 p.

Devereux M.P., Vella J. Debate: Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform // Intertax. – 2018. – Vol. 46, N 6/7. – P. 550–559. – DOI: 10.54648/taxi2018056.

Fenwick M., McCahery J.A., Vermeulen E.P.M. The End of “Corporate” Governance: Hello “Platform” Governance // European Business Organization Law Review. – 2018. – Vol. 20, N 1. – P. 171–199. – DOI: 10.1007/s40804-019-00137-z.

Gelderblom O., De Jong A., Jonker J. The formative years of the modern corporation: The Dutch East India Company VOC, 1602–1623 // *Journal of Economic History*. – 2013. – Vol. 73, N 4. – P. 1050–1076.

Gomez A. Is DAO the New Form of a Corporation? // *Brief*. – 2022. – Vol. 49, N 2. – P. 11–14. – DOI: 10.3316/informit.20220606068179.

Groups of Companies: A Comparative Law Overview / Ed. by R.M. Manovil. – Springer International Publishing, 2020. – 701 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-36697-1.

Harvey C.E. The Rio Tinto Company: An Economic History of a Leading International Mining Concern, 1873–1954. – Penzance, Cornwall : Alison Hodge, 1981. – 390 p.

Ko U. A Seafaring Empire // *Mergers, Acquisitions and Global Empires: Tolerance, Diversity and the Success of M&A*. – New York : Routledge, 2013. – P. 39–64.

Korten D. When Corporations Rule the World. – London : Earthscan, 1995. – 374 p. – DOI: 10.1002/hrdq.3920070409.

Kurganova L. Unblurring the Lines: Correcting for Regulatory Failure in the SPAC Space. – 2022. – 70 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4081242.

Lustig D. Corporate Regulation in International Law: A History of Failure? – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 256 p.

Micklethwait J., Wooldridge A. The Company: A Short History of a Revolu-

tionary Idea. – New York : Modern Library, 2003. – 272 p.

Spamann H., Guo H. The SPAC Trap: How SPACs Disable Indirect Investor Protection // *Yale Journal on Regulation*. – 2022. – Vol. 40, N 75. – 10 pp. – DOI: 10.2139/ssrn.4135558.

Technology and Corporate Law: How Innovation Shapes Corporate Activity / Ed. by A. Goldwin, P.W. Lee. – Edward Elgar Publishing, 2021. – 368 p.

The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach / Kraakman R. [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 352 p.

The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Jessup's Bold Proposal / Ed. by P. Zumbansen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 536 p.

Turnbull S. Can Digital Technology Make Self-Listed Firms More Efficient? – 2022. – 14 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4020819.

Uncovering Offshore Financial Centers: Conduits and Sinks in the Global Corporate Ownership Network / Garcia-Bernando J. [et al.] // *Scientific Reports*. – 2017. – N 7 (6246). – P. 1–10. – DOI: 10.1038/s41598-017-06322-9.

UNCTAD. World Investment Report 2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. – Geneva : UN, 2005. – Xxxii, 334 p.

International and Internal Law

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.05

The Form of the Multinational Enterprises: The Evolution in the Context of the Functional Analysis of Law

Olga V. NOVIKOVA

PhD (Law), Associate Professor of the School of Legal Regulation of Business of the
Faculty of Law

National Research University “Higher School of Economics”

Bolshoi Tryokhsvyatitsky Lane, 3, Moscow, Russian Federation, 109028

E-mail: mailandlaw@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0546-6059

CITATION: Novikova O.V. (2024). The Form of the Multinational Enterprises: The
Evolution in the Context of the Functional Analysis of Law. *Outlines of Global
Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 103–120 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.05

Received: 05.08.2023.

Revised: 20.12.2023.

ABSTRACT. *In this article, we identify two recent stages in the evolution of the legal form of multinational enterprises (MNEs): the rise of offshore empires by the late 20th century and the emergence of neo-MNEs in the past decade. We examine the gradual shift in the parameters linked to the economic substance unity of MNEs (Part 1) and those associated with their legal multiplicity (Part 2), within the context of the law’s functional analysis. Our findings have revealed that each MNE’s form developmental stage corresponds to changes in all the selected parameters. Furthermore, we note significant changes in the relationship between the MNE’s legal form and its economic substance. This has led us to conclude that the firm’s size is not a necessary characteristic of the MNEs’ form, but serves as a crucial additional criterion for defining the scope of regulatory measures. Simultaneously, optimization of regulatory burdens including the growing importance*

of sanction compliance is a key factor of forming the MNEs. The differences between new and old MNEs’ forms are primarily the result of technological transformations, reflecting not only a mismatch but also a fluidity in the economic and legal boundaries of MNEs (Part 3). In conclusion, a comprehensive, cross-sectoral approach is required for the legal form of MNEs. Understanding the specifics of neo-MNEs broadens the search scope for new conceptual solutions. States initiate experimental legal regimes, while entrepreneurs develop quasi-public and quasi-corporate structures based on new technologies and quasi-law (standards, customs, soft law). This approach eventually prompts a reevaluation of the normativity concept.

KEYWORDS: transnational corporations, multinational enterprises (MNE), corporate law, law-and-economics, digitalization, de-offshorization.

References

- Abashidze A.Kh., Gulyaeva E.E., Tricoz E.N. (2022). Technique and Practice of International Rulemaking: Review of ESIL International Conference Materials. *RUDN Journal of Law*. Vol. 26, no. 2, pp. 508–527 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527.
- Aristova E.A. (2014). *Liability of cross-border corporate groups: theory and practice*. Moscow: Infotropic Media, 248 pp. (in Russian).
- Armour J., Eidenmüller H. (2020). Self-Driving Corporations? *Harvard Business Law Review*. No. 10, pp. 87–116. DOI: 10.2139/ssrn.3442447.
- Arnautov D.R. (2020). The future of shares with different volume of rights in Russia. *Law*. No. 11, pp. 186–199 (in Russian).
- Canfield M. (2019). Banana Brokers: Communicative Labor, Translocal Translation and Transnational Law. *Public Culture*. Vol. 31, no. 1, pp. 69–92. DOI: 10.1215/08992363-7181844.
- Chekhovskaya S.A. (2012). “Soft” corporate law: statement of the problem. *Entrepreneurial Law*. No. 4, pp. 8–12 (in Russian).
- Coates J.C. (2022). *SPAC Law and Myths*. 52 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4022809.
- Curtin P.D. (1984). *Cross-cultural trade in world history*. Cambridge University Press, 279 pp.
- Devereux M.P., Vella J. (2018). Debate: Implications of Digitalization for International Corporate Tax Reform. *Intertax*. Vol. 46, no. 6/7, pp. 550–559. DOI: 10.54648/taxi2018056.
- Evnevich M.A. (2013). Consolidated group of taxpayers as a holding-type institution. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 3, pp. 118–128 (in Russian).
- Fenwick M., McCahery J.A., Vermeulen E.P.M. (2018). The End of “Corporate” Governance: Hello “Platform” Governance. *European Business Organization Law Review*. Vol. 20, no. 1, pp. 171–199. DOI: 10.1007/s40804-019-00137-z.
- Gelderblom O., De Jong A., Jonker J. (2013). The formative years of the modern corporation: The Dutch East India Company VOC, 1602–1623. *Journal of Economic History*. Vol. 73, no. 4, pp. 1050–1076.
- Gidirim V. (2019). *Fundamentals of international corporate taxation*. Moscow: Litres, 2271 pp. (in Russian).
- Golikova Y.A. (2010). Transnational corporations: definition of essence and characteristics of activity in modern conditions. *World of Economics and Management*. Vol. 10, no. 4, pp. 32–39 (in Russian).
- Gomez A. (2022). Is DAO the new form of a corporation? *Brief*. Vol. 49, no. 2, pp. 11–14. DOI: 10.3316/informat.20220606068179.
- Groups... (2020). Manovil R.M. (ed.) *Groups of Companies: A Comparative Law Overview*. Springer International Publishing, 701 pp. DOI: 10.1007/978-3-030-36697-1.
- Harvey C.E. (1981). *The Rio Tinto Company: an economic history of a leading international mining concern, 1873–1954*. Penzance, Cornwall: Alison Hodge, 390 pp.
- Kasatkina A.A., Kasatkina A.S. (2013). Transnational corporations: contemporary economic and legal analysis. *Zakonodatelstvo i Ekonomika*. No. 9, pp. 9–17 (in Russian).
- Kirillina V.N. (2018). Review of the study “Assessment of corporate governance in public joint stock companies with participation of the Russian Federation, shares of which circulate in the organized securities market”. *Business, Society, Power*. No. 1 (27), pp. 7–62 (in Russian).
- Ko U. (2013). A Seafaring Empire. In: *Mergers, Acquisitions and Global Empires: Tolerance, Diversity and the Success of M&A*. New York: Routledge, pp. 39–64.

Korten D. (1995). *When Corporations Rule the World*. London: Earthscan, 374 pp. DOI: 10.1002/hrdq.3920070409.

Kulikov R.A. (2006). *The evolution of the legal nature and the place of a transnational corporation in the system of private international law*. PhD (Law) thesis. Moscow, 32 pp. (in Russian).

Kurganova L. (2022). Unblurring the Lines: Correcting for Regulatory Failure in the SPAC Space. 70 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4081242.

Laptev V.A., Chucha S.Y., Feyzrakmanova D.R. (2022). Digital Transformation of Modern Corporation Management Tools: The Current State and Development Paths. *Law Enforcement Review*. Vol. 6, no. 1, pp. 229–244 (in Russian). DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244.

Luntz L.A. (1976). Multinational enterprises of capitalist states in the aspect of international private law. *Soviet State and Law*. No. 5, pp. 122–129 (in Russian).

Lustig D. (2020). *Corporate Regulation in International Law: A History of Failure?* Oxford: Oxford University Press, 256 pp.

Magdanov P.V. (2012). The history of corporations before the beginning of the XX century. *ARS ADMINISTRANDI*. No. 4, pp. 15–32 (in Russian).

Micklethwait J., Wooldridge A. (2003). *The company: a short history of a revolutionary idea*. New York: Modern Library, 272 pp.

Novikova O.V. (2021a). Standardization of M&A Transactions in the USA and Europe: Empirical Research and Conceptual Analysis. *Lex Russica*. No. 9 (178), pp. 131–143 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.131-143.

Novikova O.V. (2021b). Terms of crowdfunding transactions and the formation of the lex corporatoria // *Journal of Business and Corporate Law*. No. 3 (23), pp. 23–32 (in Russian).

Novikova O.V. (2022). Standardization of conditions of venture transactions in the USA and formation of Lex Corpo-

ratoria. In: Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Actual problems of law and economics in the perspective of interdisciplinary scientific research as a form of international cooperation*. Moscow: Prospect, pp. 293–305 (in Russian).

Novikova O.V. (2023). Transformation of corporate law: quasi-corporate and quasi-public structures. *RUDN Journal of Law*. Vol. 27, no. 1, pp. 181–199 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-181-199.

Polyakov R.K. (2019). The evolution of multinational companies: prospects in the era of “network globalization”. *Russian Journal of Innovation Economics*. No. 1, pp. 37–54 (in Russian).

Spamann H., Guo H. (2022). The SPAC Trap: How SPACs Disable Indirect Investor Protection. *Yale Journal on Regulation*. Vol. 40, no. 75, 10 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4135558.

Stepanov D.I. (2016). Problematic issues of corporate legislation on groups of companies and holdings. *Law*. No. 5, pp. 67–86 (in Russian).

Technology... (2021). Godwin A., Lee P.W. (eds.). *Technology and Corporate Law. How Innovation Shapes Corporate Activity*. Edward Elgar Publishing, 368 pp.

The Anatomy... (2017). Kraakman R. et al. *The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford University Press, 352 pp.

The Many Lives... (2020). Zumbansen P. (ed.) *The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Jesup's Bold Proposal*. Cambridge University Press, 536 pp.

Tolstoy Y.V. (1875). *The first forty years of relations between Russia and England. 1553–1593*. St. Petersburg, 562 pp. (in Russian).

Turnbull S. (2022). Can Digital Technology Make Self-Listed Firms More Efficient? 14 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4020819.

Uncovering... (2017). Garcia-Bernando J. et al. Uncovering offshore financial centers: Conduits and sinks in the global corporate ownership network. *Scientific Reports*. No. 7 (6246), pp. 1–10. DOI: 10.1038/s41598-017-06322-9.

UNCTAD (2005). *World Investment Report 2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D*. Geneva: UN, xxxii + 334 pp.

Vilkova N.G. (2019). Standard contracts in XXI century: present and future. In: Markalova N.G., Muranov A.I. (eds.). *Arbitration and regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches. Liber Amicorum in honor of the 70th anniversary of A.S. Komarov*. Moscow: Statut, pp. 164–165 (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

УДК 327(5-12)

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в.

Сергей Александрович ВЕРХОЛОМОВ

старший преподаватель кафедры истории и культурологии

Комсомольский-на-Амуре государственный университет

проспект Ленина, д. 27, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация, 681013

E-mail: verholomov_s@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2194-8936

ЦИТИРОВАНИЕ: Верхоломов С.А. Трансформация международных отношений в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 121–134. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Статья поступила в редакцию 30.01.2024.

Исправленный текст представлен 26.06.2024.

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает роль международных институтов и государств в преобразовании миропорядка в Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. В работе отмечено, что в конце XX в. господствовала американская модель регионализации, осуществляемая в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Однако в связи с изменением внешнеполитической доктрины США и Азиатским экономическим кризисом 1997–1998 гг. АТЭС в начале 2000-х годов стал уступать формату АСЕАН+, основанному на Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и ее партнерах, среди которых ведущие позиции занимала Япония. С середины 2000-х годов происходит усиление Китая за счет успешно проведенных экономических реформ и использования различных интеграционных площадок, в результате чего КНР начинает продвигать в реги-

оне собственную модель глобализации и регионализации, тем самым бросая вызов американскому порядку не только в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В конце 2000-х годов Вашингтон стремится вернуть утраченные позиции в регионе посредством продвижения интеграционного проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП), что усиливает борьбу между ведущими державами в господстве за регион. Вследствие этого в 2010-е годы АСЕАН и Япония разрабатывают проект Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), а Китай начинает продвигать организацию международного сотрудничества «Один пояс – один путь». В результате трансформации международных отношений, вызванной движением мира от однополярного к многополярному, происходит изменение преобразования геополитической

ситуации в Восточной Азии. США возвращаются к «традиционным» методам конфронтации, усиливая напряженность в регионе и мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), регионализация, Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), интеграция, инициатива «Пояс и путь», ВТО, международные отношения.

В конце 1980-х годов на фоне высоких темпов интеграции в Европе (ЕС) и в Северной Америке (НАФТА) Азиатский регион выпадает из общих тенденций регионализации в мире. Восточноазиатские страны были обеспокоены дисбалансом в мировом развитии и продвижением американского и европейского регионализма со стороны США, таящих в себе угрозу экономической самостоятельности Восточной Азии. С целью укрепления общерегионального торгового и инвестиционного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе премьер-министр Австралии Боб Хоук (1983–1991) предложил создать азиатскую версию организации экономического сотрудничества.

В 1989 г. в Канберре страны Азиатско-Тихоокеанского региона собрались для обсуждения вопросов либерализации торговли и капиталовложений. Принятые на форуме решения легли в основу образования новой региональной организации – АТЭС, но принципы трансрегионального сотрудничества были разработаны и закреплены позже. В Богорской декларации (1994), Осокской програм-

ме (декларации) (1995), Манильских соглашениях (1996) определяется, что работа АТЭС основывается на односторонней либерализации, упрощении процедуры торговли и движения капиталов, укреплении сотрудничества в сфере высоких технологий между государствами АТР [Hsieh, 2013, p. 130].

В 1997 г. страны АТР подписали Ванкуверскую декларацию. В рамках данного документа ведущая роль в развитии интеграционных процессов в АТР отводилась Всемирной торговой организации (ВТО) и Международному валютному фонду (МВФ). Либерализация торговли должна была осуществляться на добровольной основе, за счет подписания многосторонних соглашений и развития модели многосторонней зоны свободной торговли¹. Приняв такое решение, страны-участники региональной организации лишили организацию правосубъектности, создав режим «слабый АТЭС – сильный ВТО», что открыло дорогу альтернативным интеграционным проектам [Vinod, Min, 2005], но США ее принимают не с целью развития азиатских интеграционных проектов, а для укрепления своей гегемонии.

После окончания холодной войны Азия стремилась играть более весомую роль в мировой политике и экономике, что не устраивало Вашингтон. Соединённые Штаты стремились переформатировать экономическую систему таким образом, чтобы торговые и инвестиционные потоки были направлены не из США в Азию, а наоборот, из Азии в США. Помимо этого, американское правительство видело в Японии и Китае угрозу своей гегемонии. Вашингтон посредством военной силы и принуждения не мог гаранти-

1 5th APEC Economic Leaders' Meeting 1997 – The Vancouver Framework for Enhanced Public-Private Partnerships in Infrastructure Development. – URL: <http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDeclarations.aspx?Setting=browseLeadersDeclaration&DocType=%22Leaders%27%20Declaration%22> (дата обращения: 12.09.2023).

ровать свое превосходство, поэтому стал продвигать неолиберальную систему ценностей на международной арене через официальные структуры и организации, такие как ВТО, МВФ, Всемирный банк (ВБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), создавая институциональную структуру своего превосходства.

Странам Юго-Восточной Азии пришлось искать другие варианты сотрудничества, в том числе в рамках рамочного соглашения АСЕАН+3, неофициально начавшей свою работу в 1996 г. Неформальным лидером данного интеграционного проекта стала Япония, выступившая с критикой АТЭС. Токио не нравилось его положение в Восточной Азии, так как после окончания холодной войны он хотел играть более весомую роль в регионе. США всячески пресекал инициативу Японии в развитии регионализма в Азии, именно по этой причине Вашингтон поддерживал австралийский интеграционный проект. К тому же Японии не устраивало соглашение по сельскому хозяйству в рамках АТЭС. Развитые страны имели возможность защищать свои национальные отрасли промышленности от иностранной конкуренции. Свободная торговля, проводимая в рамках ВТО и АТЭС, способствовала тому, что выживали наиболее конкурентоспособные. А это могли сделать лишь крупные поставщики сельскохозяйственной продукции – концерны из США и Европы, субсидируемые государством. Поэтому мелкие производители не могли конкурировать с крупными концернами [Альтфатер, 2008]. Реформы на Филиппинах, проводимые под эгидой МВФ и ВТО, трансформи-

ровали самодостаточную сельскохозяйственную экономику страны в экономику, зависимую от импорта.

В 1997 г. на втором саммите АСЕАН+3 в Куала-Лумпуре (Малайзия) страны Юго-Восточной Азии приняли решение укреплять контакты в рамках азиатского проекта, включающего несколько направлений. Первое направление – развитие сотрудничества стран АСЕАН в бассейне реки Меконг (строительство железнодорожного сообщения из Сингапура в китайский Куньмин). Второе – расширение торговли товарами и услугами в регионе за счет снижения протекционистских пошлин. Третье – изучение последствий глобализации, проработка вопросов преодоления последствий Азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг.²

И пока в рамках АТЭС в 1999 г. в Окленде (Новая Зеландия) обсуждались вопросы преодоления Азиатского экономического кризиса за счет усиления контроля над финансовым корпоративным и государственным секторами экономики, в Маниле прошел третий саммит (первый официальный с участием стран Северо-Восточной Азии – Китая, Республики Корея, Японии) АСЕАН+3. На нем страны Восточной Азии более продуктивно подошли к решению основных вопросов, в том числе в торговой, валютно-финансовой, социальной, научно-технической, культурной и информационной сферах. Были предложены различные площадки для укрепления сотрудничества между странами Восточной Азии: Большой Меконг, Восточноазиатский деловой совет, отраслевые деловые форумы. Участники договорились о формировании международной финан-

2 2nd APT Summit, 1997. Press Statement of the 2nd ASEAN Informal Meeting of Heads of State/Government of the Member States of ASEAN Kuala Lumpur, Malaysia, 15 December 1997. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/press-statement-of-the-2nd-asean-informal-meeting-of-heads-of-state-government-of-the-member-states-of-asean-kuala-lumpur-malaysia-15-december-1997/> (дата обращения: 12.08.2023).

совой архитектуры и совершенствовании механизмов финансовой помощи в условиях экономических кризисов в Восточной Азии в рамках АСЕАН+3³.

Манила показала, что страны Восточной Азии готовы и могут самостоятельно решать вопросы разного характера. На следующий год министры финансов АСЕАН+3 собрались в городе Чиангмай «для заключения серии двусторонних своп-соглашений. Смысл каждого из них – в договоренностях между центральными банками двух стран о возможном обмене (англ. – *swap*) национальной валюты на иностранную. Операции этого рода были предназначены для удержания курса национальной валюты либо решения краткосрочных проблем с ликвидностью при расчетах между странами региона» [Амиров, 2010, с. 51]. Чиангмайская инициатива не получила поддержки со стороны США и МВФ, так как, по мнению министра финансов США Лоуренса Саммерса и его заместителя Тимоти Гайтнера, региональный фонд смог бы подорвать деятельность западных международных институтов, но азиатские страны продолжили укреплять отношения в рамках сотрудничества АСЕАН+ [Ciorciari, 2011, p. 928].

В 2001 г. в Шанхае США попытались реанимировать АТЭС, приняв несколько важных решений. Сроки достижения целей Богорских соглашений для развитых и развивающихся стран были разделены. Участники конференции поддержали Чиангмайскую инициативу и Манильскую группу, но их реализация должна была проходить под контролем МВФ. Было принято решение развивать многостороннюю

торговую систему через реализацию электронных технических сертификатов, дающих право свободно перемещать товары и услуги в АТР⁴. В очередной раз Соединённые Штаты показали свою позицию по вопросу о развитии регионализма в Восточной Азии, где, по их мнению, он должен формироваться через сложившиеся международные организации ВТО и МВФ.

С изменением внешнеполитической доктрины США (на первый план выходит Ближний Восток) Восточная Азия перестает играть ведущую роль в регионе, поэтому АТЭС превращается в переговорную бизнес-площадку. К тому же Вашингтон был уверен, что он создал порядок, поддерживаемый многочисленными организациями и союзниками, но в итоге в восточно-азиатском регионе сформировался «политический вакуум», которым решила воспользоваться Япония, стремившаяся создать собственную международную систему в регионе.

Японское правительство хотело взять реванш за проигрыш США в борьбе за лидерство в восточно-азиатском регионализме, о чем свидетельствуют официальные документы⁵. На первом месте стояли не союзнические отношения и обязательства перед США, а азиатский регион с его проблемами и перспективами. Токио стремился восстановить международную репутацию, используя многочисленные ресурсы. Япония посредством конструирования восточноазиатского регионализма стремилась решить и свои экономические проблемы. После Азиатского экономического кризиса в Японии наступил период рецессии. Поэтому вос-

3 3rd APT Summit – Joint Statement on East Asia Cooperation, 28 November 1999. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/joint-statement-on-east-asia-cooperation-28-november-1999/> (дата обращения: 17.08.2023).

4 9th APEC Economic Leaders' Meeting 2001. – URL: <http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDclarations.aspx?Setting=browseLeadersDclaration&Doctype=%22Leaders%27%20Declaration%22> (дата обращения: 17.09.2023).

5 Diplomatic Bluebook 2000–2006. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html> (дата обращения: 20.09.2023).

точноазиатский регионализм рассматривался Токио как средство для проникновения и укрепления позиций японских ТНК компаний и их товаров на рынок развивающихся стран Азии [Oba, 2022, p. 4].

В 2002 г. между АСЕАН и Японией была подписана декларация о всеобъемлющем экономическом партнерстве. Согласно подписанному документу, Токио и страны ЮВА укрепляли отношения в различных областях (энергетике, бизнесе, транспорте и т. д.), снижали торговые пошлины, что должно было привести к росту экспорта из Японии в АСЕАН (20,022 млрд долларов, что эквивалентно 27%), из АСЕАН в Японию (20,63 млрд долларов, соответствует 44,2%)⁶.

В 2002 г. Япония стала инициатором обсуждения проекта продовольственной безопасности в регионе. Итогом работы второго совещания министров сельского и лесного хозяйства стран АСЕАН и министров сельского хозяйства Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея (AMAF+3) стал запуск пилотного проекта «Восточноазиатский чрезвычайный рисовый резерв»⁷. Работа в данном направлении еще больше укрепляла позиции Японии в регионе, так как продовольственная экспансия Запада подрывала традиционный уклад жизни государств восточноазиатского региона, а вместе с ним и экономический суверенитет.

В 2003 г. между странами ЮВА и Японией была подписана Токийская декларация. В ней стороны обозначили основные меры по укреплению партнерства Японии и АСЕАН в новом ты-

сячелетии. Согласно этому документу сотрудничество между Японией и государствами – членами Юго-Восточной Азии (ЮВА) должно было развиваться за счет укрепления всестороннего экономического партнерства в финансовой и валютной сферах, усиления взаимодействия в области безопасности (в борьбе с международным терроризмом), содействия развитию человеческих ресурсов, культурного сотрудничества и т. д.⁸

Мероприятия, проводимые Японией в регионе, способствовали продвижению идей азиатского экономического сообщества (Балийский саммит 2003 г.) и восточноазиатской политической идентичности (Куала-Лумпурский саммит 2005 г.) среди участников АСЕАН+3. Однако уже в 2006 г. Япония выступила с инициативой о приглашении новых участников (Австралии, Новой Зеландии, Индии) на переговоры по обсуждению плана развития восточноазиатского сообщества. Причина изменения модели поведения Токио на международной арене была вызвана усилением позиций КНР в Восточной Азии в середине 2000-х годов. Япония осознала, что в восточноазиатской группе государств уже доминировал Китай, и для решения этой проблемы следовало привлечь другие страны с целью снижения влияния Пекина в регионе. Пока Япония искала возможные варианты улучшения своих позиций в Восточной Азии, Китай постепенно перехватывал инициативу за счет реализации внешнеполитической доктрины, которая базировалась на следующих постулатах.

6 Diplomatic Bluebook 2003. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2003/index.html> (дата обращения: 12.09.2023).

7 2nd AMAF+3, 2002. – URL: <https://aseanplusthree.asean.org/joint-press-statement-of-the-second-meeting-of-the-asean-ministers-of-agriculture-and-forestry-and-the-ministers-of-agriculture-of-the-peoples-republic-of-china-japan-and-the-republic-of-korea-amaf/> (дата обращения: 13.09.2023).

8 Diplomatic Bluebook 2005. – URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2005/index.html> (дата обращения: 14.08.2023).

Во-первых, внешняя политика Китая основана на многостороннем подходе, где переговоры и заключение договорных отношений осуществляются не только по принципу АСЕАН+, но и с каждым отдельным государством. Пекин использует различные площадки для укрепления сотрудничества со странами ЮВА и СВА, поэтому Китай участвует практически во всех интеграционных проектах: АТЭС, АСЕАН+, ВАС и т.д. Именно об этом впоследствии писал министр обороны США Э. Картер, отмечая, что Китай давно извлекает выгоду из региональных принципов и систем, над установлением и поддержанием которых работали другие страны, включая Соединённые Штаты. Пекин иногда играет по своим правилам и подрывает эти принципы [Carter, 2016].

Во-вторых, Пекин использует недостатки и преимущества международных и региональных площадок в своих целях. Китай понимает, что «путь АСЕАН» с его упором на невмешательство в суверенитет прекрасно вписывается в подход КНР во внешней политике. Страны ЮВА не могут разработать единые механизмы, обязывающие к их исполнению, что облегчает работу Китая на международной арене по усилению своего влияния в регионе.

В-третьих, большую роль в продвижении Китая на международной арене сыграли структуры ВТО. Благодаря тому, что Пекин в 2001 г. вступил в ВТО, в 2002 г. удалось заключить соглашение об экономическом сотрудничестве АСЕАН и Китая. Согласно подписанному документу в течение 10 лет (2003–2013) между странами АСЕАН и КНР должна была произойти постепенная отмена тарифных и нетарифных барьеров, осуществлена прогрессивная либерализация торговли услугами и инвестициями. Для обеспечения соглашения правовыми инструментами

АСЕАН и Китай включили серию договоров. В 2004 г. было подписано соглашение о торговле товарами, в 2007 г. – соглашение о торговле услугами, в 2009 г. – Инвестиционное соглашение, а 1 января 2010 г. вступило в силу соглашение о создании свободной зоны торговли между Китаем и АСЕАН (ACFTA) [ASEAN-China..., 2012, р. 12]. Всё это привело к тому, что объем торговли между Пекином и странами ЮВА вырос с 8 млрд в 1991 г. до 472,2 млрд долларов в 2015 г., что сделало Китай крупнейшим торговым партнером АСЕАН, а АСЕАН – третьим по величине партнером для Китая [Zhang, Wang, 2016].

В-четвертых, большую роль в развитии отношений между Китаем и государствами Юго-Восточной Азии сыграла полунеофициальная дипломатия. Китай выстраивал отношения с соседями не только через официальные каналы (министерства, торговые представительства, на уровне официальных политических элит и т.д.), но и через многочисленную диаспору китайцев, проживающих (или имеющих бизнес) на территории государств АСЕАН.

В-пятых, правительство США при президенте Дж. Буше-младшем не уделяло внимания укреплению связей со странами Юго-Восточной Азии. Вашингтон отказался принимать участие в Восточноазиатском саммите в 2005 г., пропустил встречу АРФ (асеановский форум по безопасности) в 2005–2007 гг., отложил саммит АСЕАН – США в 2007 г. Политика США в регионе отразилась и на модели поведения западных компаний. Американские корпорации отказывались работать в странах и городах, где было невыгодно и небезопасно. Пекин же после проведенных структурных реформ в экономике и создания крупных полугосударственных корпораций наоборот наращивал свое экономическое присутствие в странах АСЕАН. Такая политика создавала устойчивые

экономические связи между странами, а также укрепляла имидж Китая в Восточной Азии.

Немаловажную роль в укреплении международного авторитета КНР сыграла политика Китая по реорганизации экономики, которая привела к структурным изменениям. В 1997 г. лидер КНР Цзянь Цзиминь, выступая на XV съезде партии, резюмировал новую политику лозунгом «хватаясь за большое и отпуская малое». Программа руководства партии сводилась к избавлению от тысяч мелких и неэффективных предприятий и созданию вместо них промышленных гигантов. К январю 1998 г. правительство выбрало первую партию из 512 предприятий, предназначенных для расширения в конгломераты, которые получали привилегии в виде льготных кредитов, фондов развития и других форм государственной поддержки. Благодаря такой политике появились промышленные гиганты – *China Telecom* (1997), *PetroChina* (2001), *China Unicom* (2001), *Sinopec* (2001) и т.д. В результате слияний и поглощений было уволено 13 млн человек. [Dikötter, 2022, p. 212–213]. При этом руководство Китая приняло решение перенести часть производства в страны АСЕАН, в том числе с целью снижения издержек производства и в связи с ростом заработной платы китайских рабочих, поскольку страны АСЕАН специализировались на производстве более технологически простой продукции с более низкой добавленной стоимостью [Целищев, 2012, с. 30]. Это позволило катализировать процесс формирования рассеянного фабричного производства в Восточной Азии, где отдельные промышленные узлы международного разделения были представлены в государствах Юго-Восточной

Азии, а Китай превращался в мировой конвейер. А вместе с этим ту политику, которая попыталась организовать Япония, реализовывал Пекин, в результате чего инициативу по построению регионализма перехватил Китай.

Ситуация в регионе стала меняться в конце 2000-х годов, когда США осознали, что с течением времени они потеряли существенные позиции в Восточной Азии. Гегемонистские амбиции Китая в регионе, поддерживаемые сотрудничеством с АСЕАН+3, бросили вызов американскому миропорядку. В 2009 г. американский президент Б. Обама в Токио заявил о том, что США должны увеличить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С этой целью Вашингтон провел саммит АСЕАН – США (2009), министерскую встречу США – Нижний Меконг (2009), заключили рамочное соглашение с восточно-азиатскими странами, что положило начало вступлению Вашингтона в работу Восточноазиатских саммитов (ВАС).

Администрация Б. Обамы повысила свой интерес к многочисленным и многосторонним институтам в Восточной Азии. Вместе с этим США имели отличный от стран АСЕАН подход к сложившимся международным институтам. АСЕАН+ делал упор на неформальность, консенсус, взаимную поддержку, поэтому он получил название «управляемый процесс». В США внешнеполитическая стратегия основывалась на достижении конкретных, прагматичных целей. Не зря госсекретарь США Х. Клинтон заявила в 2010 г., что «деятельность региональных групп должна быть мотивирована конкретными, практическими соображениями. Важнее иметь организации, которые приносят результаты, а не просто создавать новые организации»⁹.

9 Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities, by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Honolulu, Hawaii, 12 January 2010. – URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.html> (дата обращения: 17.02.2023).

В целях реанимации АТЭС, структур ВТО и своих позиций в Восточной Азии США активно начали продвигать Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТТП). Соглашение было подписано в 2006 г. между Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром. В 2008 г. США присоединились к переговорам об инвестициях и финансовых услугах. В 2010 г. администрация Б. Обамы взяла на себя обязательство руководить переговорным процессом. На саммите АТЭС в 2011 г. участники ТТП достигли соглашений, которые определили специфику организации.

Транстихоокеанское партнерство – это открытая зона свободной торговли, акцентирующая внимание не на участниках соглашения, а на создании платформы для либерализации торговли между крупнейшими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Переговорная площадка ТТП должна была способствовать развитию АТЭС, на основе которой будет создана американская зона свободной торговли в Восточной Азии¹⁰. С началом работы ТТП и активизации работы АТЭС многие страны АСЕАН стали искать сотрудничества с США. Они были взволнованы ростом могущества Китая в регионе, который использовал различные интеграционные площадки в Восточной Азии для лоббирования своих интересов. С 2008 по 2013 г. соглашение подписали Вьетнам, Сингапур, Бруней, Малайзия, Япония, объявили о заинтересованности проектом Филиппины,

Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Индонезия.

Дальнейшая разработка мероприятий по реализации плана работы ТТП столкнулась с проблемой внутренней сплоченности АСЕАН. Государства Юго-Восточной Азии, не присоединившиеся к Транстихоокеанскому партнерству, были обеспокоены негативными последствиями, с которыми может столкнуться их промышленность после вступления в силу соглашения. Министр торговли Индонезии Гита Вирджаван заявил, что в среднесрочной перспективе Джакарта сможет пересмотреть свое участие в ТТП, пока не будет определена готовность отечественной промышленности конкурировать на равных с другими участниками соглашения¹¹. Министр иностранных дел Таиланда Сурапонг Товичакчайкул выразил готовность присоединиться к договору после изучения всех условий и деталей соглашения, а также потенциальных рисков, которые несет проект¹². Министр торговли Филиппин Грегори Доминго заявил, что вступление в силу соглашения требует от Филиппин проведения политических реформ, в том числе снижения уровня государственного регулирования, что несомненно несет риски для промышленности страны¹³.

Опасения азиатских стран базировались не на пустых слухах и субъективных мнениях. За время подписания Ванкуверской декларации, открывающей дорогу альтернативным интеграционным проектам, количество преференциальных торговых согла-

10 19th APEC Economic Leaders' Meeting. – Honolulu, Hawaii, USA, November 12–13, 2011. – URL: http://mddb.apec.org/Pages/BrowseLeadersDeclarations.aspx?Settin_g=browseLeadersDeclaration&DocType=%22Leaders%27%20Declaration%22 (дата обращения: 14.08.2023).

11 Jakarta Post. – 2011. – 26 June. – URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2011/06/26> (дата обращения: 13.07.2022).

12 An option as the TPP // Nihon Keizai Shimbun. – 2011. – 29 January. – URL: <https://www.rieti.go.jp/en/china/11031502.html> (дата обращения: 14.08.2023).

13 Govt to extend EO to keep zero tariffs on wheat imports. – URL: <https://piadispatch.blogspot.com/2010/09/> (дата обращения: 08.09.2022).

шений увеличилось с 1 в 2000 г. до 45 в 2009-м, что значительно усложняло процесс контроля США над регионом, так как торговые соглашения между странами Восточной Азии выходили за рамки АТЭС и ВТО. Поэтому ТТП является новейшим воплощением Азиатско-Тихоокеанского соглашения о свободной торговле, первоначально предусмотренного четверть века назад во время создания форума АТЭС. Транстихоокеанское партнерство задумано как политический сигнал, символизирующий о «возвращении» США в Азию, а вместе с этим о восстановлении структуры экономического принуждения через институализацию многосторонних торговых договоров в формате ТТП, что устраивало прежде всего США [Camroux, 2015, p. 109].

В связи с этим, а также с целью сохранения и укрепления своего влияния в Восточной Азии Япония и Китай создают альтернативные варианты сотрудничества.

По инициативе Японии в 2012 г. в Камбодже было принято решение о начале реализации соглашения о Зоне свободной торговли +, которое постепенно привлекло внимание других участников Азиатского региона, что в итоге привело к подписанию Соглашения о всестороннем региональном экономическом партнерстве. В целом степень либерализации в рамках ВРЭП не такая глубокая, как в ТТП, но с точки зрения экономического масштаба она намного больше. На 15 стран, входящих в региональное партнерство, приходилось 29% мирового ВВП, 25% мировой торговли и население 2,3 млрд человек, в то время как на 11 стран, входящих в Транстихоокеанское партнерство, приходилось 13% мирового ВВП, 14% мировой торговли и население 507,7 млн человек. Кроме того, ожидалось, что ВРЭП придаст новый импульс внутрирегиональной торгов-

ле и укрепит производственно-сбытовые цепочки между странами «плюс три». Тем не менее следует отметить, что многосторонние региональные площадки и институты, сложившиеся в Восточной Азии под руководством АСЕАН – ВАС, совещание министров обороны АСЕАН, АРФ и т.д. не смогли бы справиться с задачей сохранения порядка в связи с перераспределением власти в восточноазиатском регионе [Pant, Joshi, 2016, p. 106].

В 2013 г. Китай начал работу над инициативой «Пояс и путь» (ИПП). Пекин стремился создать собственную многостороннюю структуру международной торговли в Восточной Азии, так как хотел выйти из-под опеки США. Именно по этой причине Пекин отказывался присоединиться к ТТП. Изначально в центре его внимания были Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Южная Азия и Южная часть Тихого океана, но с течением времени приоритеты Пекина между этими субрегионами и внутри них менялись. Первоначальный акцент на проектах в Центральной Азии был быстро вытеснен программами в Южной и Юго-Восточной Азии.

В Юго-Восточной Азии официальные проекты ИПП были сосредоточены преимущественно в Камбодже, Индонезии, Лаосе, Филиппинах и Вьетнаме. Пик китайских инвестиций в Юго-Восточную Азию пришелся на 2017 г., когда в субрегионе было запущено почти в 6 раз больше проектов по сравнению с 2013 г. В период с 2013 по 2015 г. большинство проектов ИПП касались транспортной и энергетической инфраструктуры. С 2016 г. они были диверсифицированы и включали особые экономические зоны и торговые соглашения со странами-получателями [Asia-Pacific..., 2023, p. 92–93]. Политика Китая отразилась на дипломатических предпочтениях стран АСЕАН, тем самым усилив борьбу

за регион между ведущими государствами США, Китая, Японии.

С приходом к власти Д. Трампа США объявили о выходе из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Решение американского президента не присоединиться к ТПП не стало неожиданностью. Во время своей предвыборной кампании он выступал против международных торговых сделок, обвиняя их в потере рабочих мест и разрушении национальной промышленности¹⁴. Если же посмотреть на проблему с другой стороны, то можно найти и ряд других причин, которые побуждали Д. Трампа выйти из соглашения.

Б. Обама вступил в переговорный процесс о присоединении США к Транстихоокеанскому партнерству с целью экономического сдерживания Китая на просторах Восточной Азии. Но Вашингтон так и не сумел укрепить свои позиции в торговле со странами Юго-Восточной Азии.

Д. Трамп полагал, что соглашение ТТП принесло бы больше пользы Китаю, нежели США. По мнению американского президента, Пекин действовал более агрессивно на различных площадках и организациях, используя двухсторонние и многосторонние соглашения для укрепления своих позиций. Американский президент выбрал путь торговой войны с Поднебесной, направленной на борьбу с прямыми инвестициями и высокотехнологичными товарами из Китая¹⁵.

США боялись повторения ситуации 2001 г., когда Китай вступил в ВТО и вместо укрепления позиций американских компаний на азиатском рынке произошел обратный процесс. Китайское правительство оказывало всесто-

ронную помощь своим предприятиям в виде субсидий и госзаказов, что давало им неоспоримое конкурентное преимущество на мировом рынке [Chow, Sheldon, McGuire, 2018, p. 60].

Для борьбы с Китаем США разработали стратегию, получившую название «Вовлеченность 2.0.». [The struggle..., 2020, p. 50]. Она включала в себя несколько пунктов:

1. Разработка Индо-Тихоокеанской стратегии, в которой Китай был объявлен главным соперником, а мир разделен на тех, кто поддерживает свободный Индо-Тихоокеанский регион с США, и Китай с программой «Пояс и путь».

2. Расширение экономического присутствия США в мире – партнерство умных городов США и АСЕАН, продвижение двухсторонних и многосторонних торговых переговоров в Азии (включая ВРЭП).

3. Укрепление позиций союзников и партнеров Соединённых Штатов в регионе. Для этого необходимо было использовать любые противоречия (Южно-Китайское море, ядерная программа Северной Кореи, тайваньская проблема и т. д.) в Восточной Азии.

4. Укрепление американских политических и экономических институтов. Для снижения уязвимости как внутри страны, так и за рубежом Вашингтон скорректировал информационные образовательные и научные программы.

5. Определение взаимных интересов США и Китая на международной арене для снижения градуса международной напряженности.

С приходом к власти Дж. Байдена для противодействия китайской экономической и цифровой экспансии США

14 Trump withdraws from Trans-Pacific Partnership amid flurry of orders. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jan/23/donald-trump-first-orders-trans-pacific-partnership-tpa> (дата обращения: 12.11.2023).

15 Trump's China strategy is the most radical in decades – and it's failing. – URL: <https://www.vox.com/world/2018/9/18/17790600/us-china-trade-war-trump-tariffs-taiwan> (дата обращения: 21.11.2023).

инициировали создание новых международных организаций, что соответствовало политике противостояния. Во-первых, начала работу инициатива по развитию инфраструктурных проектов для стран с низким и средним уровнем дохода, являющаяся альтернативой «Пояса и пути», получившая название «Построим лучший мир» (B3W). Во-вторых, в 2019 г. был запущен совместный проект США, Японии и Австралии «Сеть голубых точек» (BDN), получивший развитие в рамках инициативы «Партнерство в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций» (PG2). В-третьих, Дж. Байден в 2022 г. выступил с инициативой создания Индо-Тихоокеанской экономической системы (IPEF), которая противодействовала бы росту китайского влияния в регионе. В-четвертых, США придают большое значение экономическому форуму АТЭС и региональной организации АСЕАН в будущем для укрепления своего влияния в Восточной Азии¹⁶.

В результате геополитического сдвига, вызванного сменой американской внешнеполитической доктрины, усилением Японии, АСЕАН и Китая, в регионе происходит трансформация международных отношений. Американская модель регионализации постепенно заменяется на японо-асиановскую и китайскую. При этом Пекин с конца 2000-х годов бросает вызов сложившемуся в Восточной Азии миропорядку. Поэтому американское правительство совершило разворот во внешней политике в Азию (Б. Обама), пошло по пути открытого соревнования и конкуренции (Д. Трамп) и политики противостояния с КНР (Д. Байден), используя экономические и внешнеполитические инструменты.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, в будущем процесс развития международных организаций, интеграционных площадок, региональных проектов будет не столь разнообразен, не регламентирован и не институализирован. Многие стороны займут выжидательную позицию, так как, помимо США и Китая, в борьбу за Восточную Азию вступают и другие ведущие игроки (Индия, Россия, Великобритания). К тому же на обстановку в регионе будут оказывать влияние многочисленные международные организации (ВТО, МВФ, ВБ, ООН, QUAD, AUKUS, ИПП), а также смещение фокуса противостояния в сферу высоких технологий.

Список литературы

Альтфатер Э. Продовольственный кризис // Скепсис. – 2008. – URL: http://scepsis.net/library/id_2042.html (дата обращения: 12.10.2016).

Амиров В.Б. Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 49–55.

Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. – Москва : ИМЭМО РАН, 2012. – 118 с.

ASEAN-China free trade area. Challenges, opportunities and the road ahead / ed. by K.E. Flick, K.M. Kumburi. – Singapore : Nanyang Technological University, 2012. – 133 p.

Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends. – London : International Institute for Strategic Studies (IISS), 2023. – 165 p.

Camroux D. Regionalism in Asia as disguised multilateralism: a critical analysis of the East Asia summit and the Trans-Paci-

16 National security strategy of the United States. – Washington: The White House, 2022. – 47 p.

fic Partnership // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. – 2015. – Vol. 47, N 1. – P. 97–115. – DOI: 10.1080/03932729.2012.655010.

Carter A. The Rebalance and Asia-Pacific security: building a principled security network // *Foreign Affairs*. – 2016. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/rebalance-and-asia-pacific-security> (дата обращения: 13.10.2022).

Chow C., Sheldon I., McGuire W. How the United States withdrawal from the Trans-Pacific partnership benefits China // *Journal of Law & Public Affairs*. – 2018. – Vol. 4, N 1. – P. 37–80. – DOI: 10.2139/ssrn.3228007.

Ciorciari J.D. Chiang Mai initiative multilateralization: international politics and institution-building in Asia // *Asian Survey*. – 2011. – Vol. 51, N. 5. – P. 926–952. – DOI: 10.1525/as.2011.51.5.926.

Dikötter F. China after Mao. The rise of a superpower. – London : Bloomsbury, 2022. – 396 p.

Hsieh P.L. Reassessing APEC's role as a trans-regional economic architecture:

legal and policy dimensions // *Journal of International Economic Law*. – 2013. – Vol. 16, N 1. – P. 119–158. – DOI: 10.2139/ssrn.2101759.

Oba M. Japan and the regional comprehensive economic partnership (RCEP) // *ERIA. Discussion Paper Series*. – 2022. – N 461. – P. 1–31.

Pant H.V., Joshi Y. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 163 p.

The struggle for power U.S. – China relation in the 21st century / ed. by L. Bitounis, J. Price. – Washington : Aspen institute, 2020. – 173 p.

Vinod K.A., Min G.K. The evolution of APEC and ASEM: implication of the new East Asian bilateralism // *European Journal of East Asian Studies*. – 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 233–262.

Zhang Y., Wang Y. ASEAN in China's grand strategy. – Beijing : Chinese Academy of Social Sciences, 2016. – 18 p. – URL: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.9_Zhang_and_Wang_final.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

The Transformation of International Relations in East Asia at the End of the XX – Early XXI Centuries

Sergey A. VERKHOLOMOV

Senior Lecturer, History and Cultural Study Department

Komsomolsk-na-Amure State University

Lenin Street, 27, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation, 681013

E-mail: verholomov_s@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2194-8936

CITATION: Verkhomolov S.A. (2024). The Transformation of International Relations in East Asia at the End of the XX – Early XXI Centuries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 121–134 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.02.06

Received: 30.01.2024.

Revised: 26.06.2024.

ABSTRACT. *The author examines the role of various institutions and countries in the transformation of the world order in East Asia during the period of the late XX – early XXI centuries. The work notes that at the end of the XX century, the American model of the regionalization process, carried out within the framework of Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), dominated. However, due to the changes in the US foreign policy doctrine and the Asian economic crisis of 1997–1998, APEC, in the early 2000s, began to give way to ASEAN+, where Japan occupied the leading position. Since the mid-2000s, China has been strengthening due to successfully carried out economic reforms and the use of various integration platforms. As a result, China began to promote its own model of globalization and regionalization in the region, which challenged the American order not only in East Asia, but also in the Asia-Pacific region. In the late 2000s, Washington sought to regain lost positions in the region*

by promoting the Trans-Pacific Partnership integration project, which intensified the struggle between the leading powers for dominance in the region. As a result, in the 2010s, ASEAN+ and Japan are developing the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) project, China is beginning to promote the Belt and Road international cooperation organization. As a result of the transformation of international relations caused by the movement of the world from unipolar to multipolar, there is a change in the transformation of the geopolitical situation in East Asia. The United States returned to the «traditional» methods of confrontation, increasing tension in the region and the world.

KEYWORDS: ASEAN, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Trans-Pacific Partnership (TPP), regionalization, Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), integration, Belt and Road, WTO, international relations.

References

- Altfather E. (2008). The food crisis. *Skepticism*. Available at: http://scepsis.net/library/id_2042.html, accessed 12.10.2016.
- Amirov V.B. (2010). The origins and evolution of the Chiang Mai Initiative. *International Affairs*. No. 10, pp. 49–55 (in Russian).
- ASEAN-China... (2012). Flick K.E., Kemburi (eds.). *ASEAN-China free trade area. Challenges, opportunities and the road ahead*. Singapore: Nanyang Technological University, 133 pp.
- Asia-Pacific ... (2023). *Asia-Pacific regional security assessment 2023. Key developments and trends*. London: International Institute for Strategic Studies (IISS), 165 pp.
- Camroux D. (2015). Regionalism in Asia as disguised multilateralism: a critical analysis of the East Asia summit and the Trans-Pacific Partnership. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. Vol. 47, no. 1, pp. 97–115. DOI: 10.1080/03932729.2012.655010.
- Carter A. (2016). The Rebalance and Asia-Pacific security: building a principled security network. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/rebalance-and-asia-pacific-security>, accessed 13.10.2022.
- Chow C., Sheldon I., McGuire W. (2018). How the United States withdrawal from the Trans-Pacific partnership benefits China. *Journal of Law & Public Affairs*. Vol. 4, no. 1, pp. 37–80. DOI: 10.2139/ssrn.3228007.
- Ciorciari J.D. (2011). Chiang Mai initiative multilateralization: international politics and institution-building in Asia. *Asian Survey*. Vol. 51, no. 5, pp. 926–952. DOI: 10.1525/as.2011.51.5.926.
- Dikötter F. (2022). *China after Mao. The rise of a superpower*. London: Bloomsbury, 396 pp.
- Hsieh P.L. (2013). Reassessing APEC's role as a trans-regional economic architecture: legal and policy dimensions. *Journal of International Economic Law*. Vol. 16, no. 1, pp. 119–158. DOI: 10.2139/ssrn.2101759.
- Oba M. (2022). Japan and the regional comprehensive economic partnership (RCEP). *ERIA. Discussion Paper Series*. No. 461, pp. 1–31.
- Pant H.V., Joshi Y. (2016). *The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power*. London: Palgrave Macmillan, 163 pp.
- The struggle... (2020). Bitounis L., Price J. (eds.). *The struggle for power U.S. – China relation in the 21st century*. Washington: Aspen institute, 173 pp.
- Tselishchev I.S. (2012). *East Asia: a new wave of growth and structural transformation*. Moscow: IMEMO RAS, 118 pp. (in Russian).
- Vinod K.A., Min G.K. (2005). The evolution of APEC and ASEM: implication of the new East Asian bilateralism. *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 4, no. 2, pp. 233–262.
- Zhang Y., Wang Y. (2016). *ASEAN in China's grand strategy*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, 18 pp. Available at: https://www.eria.org/ASEAN_at_50_4A.9_Zhang_and_Wang_final.pdf, accessed 12.10.2023.

УДК 327.7[(510)+(5-191-2)]
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества

Иван Владимирович ВАХРУШИН

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: ivmarin14@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6750-4620

Николай Анатольевич НИКОЛАЕВ

младший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8624-7829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вахрушин И.В., Николаев Н.А. Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 135–152.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Статья поступила в редакцию 22.11.2023.
Исправленный текст представлен 08.02.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются риски институционализации формата диалога «Центральная Азия – Китай» («ЦА – Китай») для солидарности и взаимного политического доверия в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Согласно документам, институционализация направлена на превращение формата «ЦА – Китай» в полноценную между-

народную межправительственную организацию с функциями, которые дублируют действующие, в рамках ШОС. В официальных документах Россия декларирует важность развития ШОС и отводит ей особую роль в реализации политики «поворота на Восток», формировании Большого Евразийского партнерства и развертывании проекта международного транспортного

коридора «Север – Юг». В связи с этим дальнейшая институционализация формата «Центральная Азия – Китай» может создать ограничения для реализации этих российских планов и даже для защиты интересов в Центральной Азии (ЦА). Это обстоятельство на фоне активных попыток Запада и Соединённых Штатов заставить ряд стран ЦА отказаться помогать России обходить санкции, по всей видимости, не найдет понимания в Москве. Это означает, что необходимо искать пути преодоления вероятных ограничений путем углубления диалога с Китаем по вопросам дальнейшего развития ШОС и повышения ее эффективности. Планы институционализации формата «ЦА – Китай» также могут стать причиной усиления противодействия со стороны других крупнейших мировых «игроков»: Соединённых Штатов, Индии, Евросоюза и Японии, – которые в последние годы активно вовлекаются в «центральноазиатские дела», в том числе развивая диалог стран ЦА в формате «1+5».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ШОС, формат «Центральная Азия – Китай», Большое Евразийское партнерство, Россия, «сообщество судьбы человечества», Индия, международный транспортный коридор «Север – Юг», инициатива «Пояс и путь».

Значение ШОС в российской внешней политике постоянно растет. Этому способствует прежде всего стремление России к формированию многополярного мирового устройства, которое закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.¹

В частности, в Концепции утверждается, что продолжается процесс формирования более справедливо-го многополярного мира и, исходя из этого, Россия стремится к укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственных объединений, международных организаций и разнообразных механизмов со своим весомым участием, таких как ШОС, БРИКС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), формат «Россия – Индия – Китай» (РИК) и др.²

Значимость ШОС для Москвы с высокой долей вероятности будет возрастать. Во-первых, в качестве частичной альтернативы существующим элементам системы глобального управления, таким как Группа семи (G7) и Группа двадцати (G20), Мировой валютный фонд, Всемирный банк и т.д. Во-вторых, в качестве механизмов реализации некоторых направлений российской политики «поворота на Восток». И, в-третьих, как неотъемлемого элемента предполагаемого формирования в далеком будущем Большого Евразийского партнерства.

Конечно, структура ШОС не лишена некоторых трудностей в своем развитии. Например, быстрое расширение ШОС за счет стран, географически не относящихся к Центральной Азии, включение в ее состав соперничающих государств, в частности Индии и Пакистана, или отсутствие неоспоримого лидера организации, вероятно, может привести к размыванию фокуса деятельности и формированию противоречий внутри самой ШОС, что в конечном итоге может привести к снижению ее эффективности.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 19.10.2023).

2 Там же.

Вместе с тем представляется, что «болезнь роста» ШОС преодолима в средне- и долгосрочной перспективе за счет углубления и повышения качества политического и торгово-экономического сотрудничества внутри организации благодаря развитию новых технологий, логистики, цифровизации управленческих процессов и т. д.

Потенциал ШОС и планы институционализации формата «Китай – Центральная Азия»

В целом можно констатировать, что Шанхайская организация сотрудничества, по крайней мере на начальном этапе своего существования, продемонстрировала устойчивость и эффективность. Она заработала международный авторитет и признание, а также сохранила потенциал дальнейшего развития. Так, в сентябре 2022 г. заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Розмари Дикарло (с 2018 г.) заявила, что ШОС – «ведущая сила региональной дипломатии в Евразии»³.

По состоянию на середину 2023 г. в состав ШОС входили восемь государств-членов, четыре государства-наблюдателя и девять государств-партнеров по диалогу. Географический охват организации заметно расширился: помимо Центральной Азии, теперь сфера ее интересов включает страны Южной, Восточной, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии.

Общая численность населения государств – членов ШОС по состоянию на конец 2022 г. насчитывала почти 3,3 млрд человек, что составило более

40% населения Земли. Совокупный ВВП превысил 23 трлн долл. – примерно 24% мирового ВВП. Общий объем экспорта товаров – более 4,7 трлн долл., импорта – 3,8 трлн долл., это около 20 и 15% общемировых показателей соответственно⁴. Площадь «восьмерки» ШОС превышает 34 млн кв. км – более 60% совокупной площади стран мира⁵.

Вместе с тем эти, на первый взгляд, весомые показатели, а также прежние успехи ШОС не гарантируют их автоматической конвертации в дальнейшее ее усиление на мировой арене. Для этого потребуются преодолеть ряд трудностей, сформировавшихся в процессе ее расширения.

Представляется, что «шанхайский дух» и принятие каких-либо решений путем достижения консенсуса между всеми государствами – членами ШОС является одновременно и благом, и проклятием организации. Сотрудничество на основе этих принципов зарекомендовало себя достаточно хорошо на первых этапах становления «шанхайской пятерки», когда количество региональных игроков, а также круг вопросов были ограниченными и вероятность достижения компромисса была высока.

Однако после увеличения числа государств – участников организации, расширения ее географии с Центральной Азии до всей Евразии и рассмотрения всё большего круга вопросов достижение компромиссов стало практически невозможным. Эта проблема усугубляется еще и наличием в составе ШОС стран-антагонистов, в частности Индии и Пакистана, а также тем, что вновь принятые государства-члены

3 ООН – Саммиту ШОС в Самарканде: встреча проходит в критически важный момент истории // Сайт Службы новостей ООН. – 2022. – 16 сентября. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/09/1431651> (дата обращения: 20.10.2023).

4 Рассчитано по данным статистической базы данных Конференции ООН по торговле и развитию. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 19.10.2023).

5 Рассчитано по данным базы данных Мирового банка. – URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=AFG> (дата обращения: 19.10.2023).

ставят новые, не характерные для первоначальных целей организации вопрсы.

Для иллюстрации таких противоречий можно задаться рядом гипотетических вопросов. Например, будет ли Пакистан предоставлять какую-либо ценную военную информацию Индии и наоборот в рамках «укрепления безопасности и доверия в регионе»? Удастся ли Пекину и Нью-Дели избежать вероятного противостояния в Южной Азии? Смогут ли Таджикистан, Узбекистан и Афганистан найти компромисс в вопросах совместного использования водных ресурсов реки Амударья? Способны ли афганские власти предотвратить экспорт исламского фундаментализма в страны Центральной Азии, южные регионы России или Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР? Способны ли страны ШОС убедить Тегеран ограничить поставки вооружений ХАМАС, жесткую риторику и угрозы по применению превентивных действий в отношении Израиля, что в свою очередь может привести к еще большому конфликту⁶? Однозначных ответов на эти вопросы нет.

Еще одним, уже традиционным, препятствием на пути углубления сотрудничества в ШОС является несопоставимый экономический потенциал ее членов, что не позволяет сформировать прочную экономическую основу для дальнейшего укрепления связей внутри организации.

В этом аспекте отрицательную роль также сыграли лишь отчасти обоснованные опасения России и централь-

ноазиатских государств по поводу возможной китайской экономической экспансии. В частности, по этой причине не был достигнут компромисс по вопросам создания зоны свободной торговли ШОС, Банка ШОС, Фонда ШОС и других инициатив, где доминирующее влияние Китая было бы неоспоримым (хотя и очевидно, что только Китай может выступать финансовым и инвестиционным донором для региона) [Уянаев, Кулинцев, 2023].

На этом фоне Пекин начал применять уже имеющиеся, а также вновь созданные альтернативные двусторонние торгово-экономические и инвестиционные механизмы сотрудничества со странами Центральной Азии: инициативу «Пояс и путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, форум «Китай + пять центральноазиатских стран (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан)». В силу этой новой тенденции вероятность полноценного возрождения экономической повестки ШОС невелика.

На ключевом политическом треке ШОС – обеспечении стабильности и безопасности – также есть некоторые трудности. С одной стороны, регулярно проводятся совместные антитеррористические учения, работает совместный центр по обмену информацией в сфере противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму. С другой – организация практически никак себя не проявила в событиях в Андижане (Узбекистан) в 2005 г.⁷, в Оше (Киргизия) в 2010 г. или при попытке госпереворота в Казахстане в 2022 г.⁸, а также

6 Добрунов М. Иран заявил об «упреждающих действиях» против Израиля в ближайшие часы // РБК. – 2023. – 17 октября. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2023/652da7b89a79473fc45392f8> (дата обращения: 19.10.2023).

7 Панкратенко И. Уроки «Андижанского расстрела» // Военное обозрение. – 2015. – 1 июня. – URL: <https://topwar.ru/75486-uroki-andizhanskogo-rasstrela.html> (дата обращения: 19.10.2023).

8 На грани, или четыре дня длиною в жизнь. Архивные кадры июньских событий // Спутник Кыргызстан. – 2016. – 10 июня. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20160610/1026402373.html> (дата обращения: 19.10.2023); Громова В. Токаев заявил о попытке госпереворота в Казахстане // РБК. – 2022. – 10 января. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2022/61dbe3519a79471ffb313ebc> (дата обращения: 19.10.2023).

при урегулировании постоянных территориальных конфликтов на киргизско-таджикской границе⁹.

Рано или поздно даст о себе знать и ядерный фактор в обеспечении безопасности в пространстве ШОС. Если в рамках организации заявляется о поддержке устойчивой реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и выполнения Резолюции 2231 Совета Безопасности ООН от 20 июля 2015 г., то сохраняется риск использования ядерных арсеналов в случае вероятной эскалации конфликта между Пакистаном и Индией.

Еще одним препятствием на пути развития ШОС является наличие в регионе объединений, форматов и организаций, которые частично дублируют ее функции в более ограниченном региональном масштабе: ЕАЭС, организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), а также инициативы «Пояс и путь». То есть фактически происходит размывание уставных функций ШОС, их миграция в более эффективные форматы: безопасность – в ОДКБ, экономика – в ЕАЭС и инициативе «Пояс и путь».

Вместе с тем указанные выше проблемы развития совсем не означают снижение значимости ШОС или отсутствие необходимости в ее развитии. Одна из самых важных функций организации – это площадка для обсуждения актуальных проблем и проведения предварительных переговоров между сильнейшими государствами Евразии. Кроме того, ШОС предоставляет незападным странам пусть пока и менее структурированную и весомую, но всё-таки альтернативу диктату развитых стран. Присутствие альтернативы цивилизационного вы-

бора повышает шансы развивающихся стран на прорыв в социально-экономическом развитии. Не менее важно и то, что в рамках ШОС постепенно формируется взаимодействие, хотя и не без очевидных проблем, трех сильнейших евразийских держав: России, Индии и Китая.

С целью повышения эффективности ШОС и ее дальнейшего развития можно рекомендовать следующие шаги.

Во-первых, наложить на ШОС платформу ОДКБ с постепенной синхронизацией нормативных документов и границ обоих объединений. Со временем это позволило бы сформировать, например, военный антитеррористический контингент ШОС быстрого реагирования.

Во-вторых, аналогичная синхронизация могла бы осуществляться со стороны ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», где последняя могла бы выступить потенциальным каркасом будущего экономического интеграционного формата (крупные инфраструктурные проекты), ЕАЭС – главным приводным механизмом (торговля, производство и инвестиции), а сама ШОС – общим фундаментом (нормативные документы, стандарты и т.д.).

В-третьих, для придания большей динамики развитию ШОС целесообразно интенсифицировать сотрудничество и координацию действий в рамках организации между Россией, Индией и Китаем. Эти страны по показателям совокупной комплексной мощи являются сильнейшими государствами Евразии, и объединение их потенциалов в различных областях (экономике, науке, культуре и т.д.) могло бы выступить локомотивом регионального и глобального развития.

9 Хронология конфликтов на киргизско-таджикской границе // ТАСС. – 2022. – 27 января. – URL: <https://tass.ru/info/13548077> (дата обращения: 19.10.2023).

Например, на начальном этапе возможно сформулировать трехсторонние стандарты (нормы, рекомендации) в какой-либо области, а далее подключить к ним и остальных членов ШОС.

Очевидно, что приведенные выше рекомендации являются, скорее, желаемым образом будущего: при реализации любой из них могут возникнуть, на первый взгляд, непреодолимые разногласия и противоречия, которые, однако, с течением времени можно попытаться преодолеть путем диалога.

Другим активным направлением китайской дипломатии стало укрепление и формирование новых неформальных альянсов. Китай продолжает избегать создания новых жестко формализованных структур, предполагающих обязывающий характер решений для Пекина.

Скорее всего, главным направлением здесь станет Центральная Азия вне рамок ШОС. На треке ШОС в настоящее время наблюдается некоторое снижение активности Пекина. Официально Китай продолжает выступать за развитие ШОС (о чем Си Цзиньпин вновь заявил на саммите организации в Нью-Дели в июле 2023 г.), рассматривая ШОС прежде всего в качестве проводника инициативы «Пояс и путь» и основы создания «сообщества судьбы ШОС» и др.¹⁰

Однако на экспертном уровне присутствует определенный скептицизм в отношении жизнеспособности ШОС. Некоторые китайские специалисты по Центральной Азии не видят у этой организации больших перспектив. По их логике, есть один сдерживающий фактор – это Россия, которая в насто-

ящее время сфокусирована на украинском кризисе. Другой фактор – Индия, которая, как полагают в Пекине, занимая антикитайские и проамериканские позиции, может блокировать активность Китая в ШОС, в частности в плане создания здесь зон свободной торговли¹¹. Вместе с тем многие сторонние наблюдатели отмечают важную роль ШОС для экономического укрепления Китая в ЦА [Chao, 2021; Fatima, Ahmad, 2021].

Российские интересы в ШОС

Основные интересы и цели России в ШОС закреплены в ряде уже упоминавшихся выше документов, определяющих российскую внешнюю политику. Например, в Концепции внешней политики говорится о необходимости формирования широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – за счет объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и евразийских объединений с опорой на ЕАЭС, ШОС, китайскую инициативу «Пояс и путь», а также Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹².

Приверженность к этому контуру подтвердил 18 октября 2023 г. в Пекине в своей речи на открытии 3-го форума «Пояса и пути» Президент Российской Федерации В.В. Путин, дополнительно выдвинув партнерам предложения по совместному запуску и развитию международного транспортного коридора «Север – Юг», связывающего российские порты Северного морского пути с логистическими узлами на юге

10 Полный текст выступления Си Цзиньпина на 23-м заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 5 июля. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0705/c31521-20039593.html> (дата обращения: 19.10.2023).

11 История с саммитом ШОС продолжается, Индия снова выступила против Китая, опасения подтвердились = 上合峰会的事还没完，印度对华又出招，隐患已经浮现. 15.07.2023 // Медиа-портал «Соху». – Кит. яз. – URL: https://www.sohu.com/a/700350467_100185094 (дата обращения: 19.10.2023).

12 Концепция внешней политики Российской Федерации.

Евразии, на побережье Индийского и Тихого океанов¹³. В пункте 50 Концепции о приоритетах России в Арктике отмечается, что продолжится налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, такими как Китай и Индия, в том числе в области инфраструктурного развития Североморпути¹⁴. Успешная реализация этих российских предложений заметно укрепит геополитические позиции России в формирующейся Большой Евразии, учитывая, как отмечают ряд российских экспертов, растущий интерес Индии и Ирана к ним [Володин, 2023, с. 25].

В другом документе – в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. – также заявлено о том, что цели российской внешней политики достигаются в том числе углублением многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах ШОС, БРИКС, РИК (Россия, Индия, Китай) и др.¹⁵

Однако у ШОС, в отличие от БРИКС, имеется больше точек соприкосновения с ведущими евразийскими многосторонними организациями – ОДКБ и ЕАЭС. БРИКС ориентируется прежде всего на глобальный масштаб, но потенциал этого формата опирается на крупнейших мировых «игроков». Российское председательство в БРИКС становится историческим и глобальным событием 2024 г. Присоединение Египта, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Эфиопии к БРИКС – очередное доказательство конкурентных преимуществ этого формата перед G7 и G20.

На основе этих документов можно свести российские цели и интересы

в ШОС к более конкретным формулировкам:

- снижение потенциала конфликтности между государствами – членами организации, например предотвращение военных конфликтов из-за территориальных или каких-либо других разногласий;
- поддержка политической стабильности внутри стран ШОС; к этому можно отнести противодействие сепаратизму или незаконному свержению власти путем «цветных революций»;
- борьба с фундаментализмом разного толка, а также с экстремизмом и терроризмом и в целом – сохранение светского характера власти в государствах – членах организации;
- поддержка развития экономик стран ШОС как основы политической, а следовательно, и стратегической стабильности в регионе.

В целом российские практические интересы в ШОС не противоречат основным уставным целям организации, а также полностью соответствуют основным направлениям китайской политики противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму и вмешательству третьих сил во внутренние дела, совпадают с интересами других государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС.

Из этого следует, что широко распространенный тезис о конкуренции России и Китая или Индии и Пакистана между собой в рамках организации верен лишь отчасти: жизненно важные интересы всех стран ШОС, как правило, совпадают.

13 Глава Российского государства выступил на церемонии открытия третьего Международного форума «Один пояс, один путь» // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 18 октября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72528> (дата обращения: 21.10.2023).

14 Концепция внешней политики Российской Федерации.

15 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 19.10.2023).

Конечно, конкуренция за рынки сбыта в странах Центральной Азии на уровне компаний не исключена, однако это не имеет прямого отношения к соперничеству государств [Лукин, Кашин, 2019].

Кроме того, двусторонние разногласия разрешаются в соответствии с договоренностью, которая была достигнута на начальном этапе становления организации: ШОС – это не площадка для разрешения двусторонних споров, а стороны должны руководствоваться исключительно объединяющими моментами¹⁶.

Риски возникновения противоречий по линии Россия – Китай или Индия – Китай возрастают на фоне планов всесторонней институционализации формата «Китай – ЦА» в сфере безопасности и торгово-экономического сотрудничества. Однако относительно высока вероятность возникновения противоречий по линии Китай – Индия. И напротив, у Москвы с Пекином больше шансов и возможностей найти точки соприкосновения. В то же время имеющийся у Нью-Дели и Пекина потенциал возникновения конфронтации по самому широкому кругу вопросов, начиная от торгово-экономических вопросов до спорадически возникающей напряженности в приграничье, может стать поводом для начала индийско-китайской конфронтации в Центральной Азии. Вероятное усиление конфронтационных тенденций между Индией и Китаем в Центральной Азии из-за институционализации формата «C5+1» может привести к снижению доверия остальных государств-членов к ШОС, а также к росту скептицизма по поводу ее эффективности, что не отвечает российским интересам в реги-

оне. Как отмечают российские исследователи, индийско-китайская конфронтация в Центральной Азии может представлять непосредственную угрозу азиатской стратегии России [Галищева, Решикова, 2021].

При условии разграничения возможных взаимных противоречий с Китаем Россия могла бы предпринять превентивные шаги, например, на базе трехстороннего формата РИК или ШОС для предотвращения развития индийско-китайских конфронтационных тенденций в Центральной Азии. Использование потенциала ШОС при осуществлении превентивных мер или в качестве площадки для урегулирования вопросов индийско-китайской конфронтации (в случае возникновения) в Центральной Азии укрепило бы авторитет организации в области обеспечения международной и региональной безопасности.

Распространенное мнение о том, что Россия стремится сделать из ШОС антизападную группу стран, также не совсем верно. Конечно, весьма вероятно, что российские власти приветствовали бы более выраженную антиамериканскую и антиевропейскую консолидированную позицию всех государств – участников ШОС, особенно в отношении российско-украинского кризиса. Однако Москва осознает, что в действительности это невозможно: практически у всех ведущих стран организации есть свои собственные политические и экономические интересы, а также продолжительная история взаимоотношений как с США, так и с ЕС (например, участие в глобальных организациях, большой объем инвестиционных и торгово-экономических связей и т. д.).

16 Магдалинская Ю., Авдеев В. ШОС стала жизнеспособным объединением с обширными планами и большим будущим // Российская газета. – 2022. – 23 декабря. – URL: <https://rg.ru/2022/12/23/strategicheskoe-reshenie.html> (дата обращения: 19.10.2023).

Более того, если бы Россия активно продвигала антизападную повестку в рамках ШОС, то, скорее всего, попала бы под серьезную критику со стороны партнеров, так как ее действия противоречили бы основной идеологической установке организации – принципам «шанхайского духа», в первую очередь «ненаправленности ШОС против других государств и международных организаций»¹⁷, приверженность которой ежегодно подтверждается в декларациях по итогам заседания Совещания глав государств-членов.

Вместе с тем это не исключает твердую российскую позицию, направленную против появления в Центральной Азии каких-либо западных форматов (в особенности НАТО) или размещения американских военных баз. По мнению Москвы, это может привести к серьезной дестабилизации региона, которая не выгодна ни одному из государств – участников организации. Всё это наблюдалось в 2023 г., несмотря на заявления заместителя Генсекретаря ШОС Г.С. Логвинова в сентябре 2022 г. о том, что «пространство организации надежно ограждено от негативного воздействия нынешних глобальных потрясений» и «<...> все геополитические пертурбации обойдут ШОС стороной»¹⁸.

Представляется, что ограниченно антизападный характер ШОС, хотя он нигде не декларируется, а скорее, наоборот, подчеркивается инклюзивный и открытый характер организации, обусловлен не позицией Москвы или Пекина, а политикой самих западных стран во главе с США, которая часто носит дискриминационный и агрессивный характер и способствует тому, что стра-

ны, заинтересованные в сотрудничестве с ШОС, воспринимают ее как альтернативу коллективному Западу.

Институционализация формата «Китай – Центральная Азия»: причины и особенность

На этом фоне развитие отношений в формате «Китай + 5 стран ЦА», поднятых в 2023 г. на высший «саммитовый» уровень, постепенно превращается в рабочую альтернативу ШОС. В мае 2023 г. Пекин объявил о выделении «пятерке» государств около 4 млрд долл. помощи на цели регионального развития.

Участием в этом направлении сотрудничества заинтересовались Пакистан и Афганистан. Тогда же, в мае 2023 г., Китай заявил о предоставлении 60 млрд долл. на развитие железнодорожной инфраструктуры Пакистана и Афганистана, объявляя политическими целями такой инвестиционной политики стабильность ЦА. Другая цель Пекина – добиться от Афганистана прекращения тренировок и подготовки уйгурских террористов, продолжающих базироваться в Восточном Туркестане, на территории Казахстана и Киргизии. В продолжение этого трека в начале июля 2023 г. Китай открыл транспортный коридор, проходящий через Киргизию в Афганистан.

Первый саммит в формате сотрудничества «Китай – Центральная Азия» состоялся 18–19 мая 2023 г. в г. Сиане (КНР). Периодичность проведения таких форумов на высшем уровне установлена один раз в два года. Следующая встреча должна состояться в 2025 г. в Казахстане.

17 Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Сайт Президента Российской Федерации. – 2022. – 6 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 19.10.2023).

18 Выступление заместителя Генерального секретаря ШОС Г.С. Логвинова на международной конференции «Самаркандский саммит ШОС: вклад в региональную и международную безопасность и устойчивое развитие» // Сайт ШОС. – 2022. – 30 сентября. – URL: <http://rus.sectsc.org/news/20220930/914908.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Важность мероприятия подчеркнута Генеральным секретарем ЦК КПК, председателем КНР Си Цзиньпином, который, приветствуя коллег по форуму, заявил, что благодаря новому формату сотрудничества отношения Китая и пяти государств ЦА – участников ШОС вступят в новую эпоху. Он также назвал ЦА центром Евразийского континента, добавив, что Пекин намерен совместно с ЦА построить «сообщество судьбы Центральная Азия – Китай», то есть узкого регионального формата, отдельного от вышеупомянутого «сообщества судьбы ШОС»¹⁹. Отличительной особенностью двух форматов выступает дублирование аналогичных с ШОС принципов в области политики безопасности и внешней политики.

По итогам форума была принята Сианьская декларация, в рамочных параметрах обрисовывающая задачи и цели будущего сотрудничества сторон в сфере экономики, туризма, образования, культурной и языковой политики, региональной безопасности, скоординированного реагирования на угрозы терроризма и сепаратизма. Крайне важно и актуально для лидеров пяти государств-участников, что сотрудничество в новом формате будет также направлено на поддержание стабильности политических систем и недопущение импорта «цветных революций» в государства-участники²⁰.

Вместе с тем новый формат сотрудничества, предложенный Китаем для пяти государств ЦА, не является

уникальным. Сходные форматы взаимодействия со странами ЦА уже на протяжении ряда лет практикуют США («C5+1»), ЕС, Япония («Центральная Азия + Япония»), Республика Корея («Республика Корея + Центральная Азия»), Индия, а также Турция («Организация тюркских государств»). Есть и схожий российский формат: 14 октября 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия – Центральная Азия», посвященный 30-летию установления дипломатических отношений России со странами региона.

Формальным основанием появления диалога формата «5+1» (крупнейший мировой «игрок») является политическая инициатива стран ЦА, закрепленная в подписанном в июле 2022 г. договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в., в котором стороны договариваются координировать внешнеполитический курс в отношениях с третьими сторонами²¹. Документ является результатом диалога и показателем высокого уровня политического доверия между странами ЦА, достигнутым в рамках работ консультационных встреч глав государств Центральной Азии.

Однако отличительной особенностью формата «Центральная Азия – Китай» выступает договоренность сторон осуществлять его всестороннюю институционализацию, в первую очередь путем создания Секретариата, механизмов встреч на уровне председателей правительств, глав министерств и ве-

19 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 19 мая. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 20.10.2023).

20 Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай – Центральная Азия» // Жэньминь Жибао. – 2023. – 19 мая – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021203.html> (дата обращения: 19.10.2023).

21 О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О подписании Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке». Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 июля 2022 г. № 507 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000507> (дата обращения: 19.10.2023).

домств²². Однако по итогам работы схожего формата «Россия – Центральная Азия» стороны не наметили аналогичных планов, ограничившись лишь декларированием готовности продолжать эту практику на регулярной основе²³.

Основные внешние факторы институционализации формата «Центральная Азия – Китай»

В 2022 г. государства Центральной Азии стали объектом мощного политико-информационного давления со стороны «коллективного Запада», главным образом США, для которых тесное торгово-экономическое сотрудничество стран региона с Россией влечет риски обхода антироссийских санкций.

Вашингтон неоднократно декларировал недопустимость параллельного экспорта в Россию подсанкционных товаров под угрозой вторичных санкций. С марта 2022 г. США заметно активизировали контакты с руководителями государств ЦА как в сфере экономики, так и в области военного сотрудничества. А осенью 2022 г. Вашингтон объявил о том, что начинает работу со странами региона по поиску альтернативных маршрутов поставок товаров из ЦА на внешние рынки в обход России и что главная текущая цель американской региональной политики – оторвать экономики стран региона от Москвы²⁴.

При этом отдельным национальным компаниям и предприятиям в странах

ЦА, тесно связанным со своими подсанкционными российскими контрагентами, на переходный период были выданы специальные экспортные лицензии Министерства торговли США, позволяющие не соблюдать санкционный режим в части экспорта/импорта отдельных товарных позиций.

Убедить руководство пяти центральноазиатских государств отказаться от помощи Москве в обходе антироссийских санкций фактически было главной задачей поездки госсекретаря США Энтони Блинкена в Узбекистан и Казахстан в феврале 2023 г.²⁵

На этом фоне стремление Китая придать институционализированный характер своим политико-экономическим контактам с государствами ЦА выглядит как встраивание Пекина в существующий в регионе тренд в целях недопущения вытеснения Китая из ЦА.

Более того, стремление Пекина достичь не только экономического (которое уже есть де-факто), но и политического лидерства в регионе в определенной мере является ответом на растущее проникновение в регион США и ЕС.

Еще одним фактором активизации Пекина в ЦА является его попытка обойти уже сложившиеся и вероятные будущие ограничения в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Некоторые китайские экономические инициативы пробуксовывают из-за опасения других государств – членов ШОС чрезмерного доминирования Китая, а быстрое расширение организа-

22 Полный текст Сианьской декларации...; Перечень договоренностей и инициатив в рамках формата «Китай – Центральная Азия» // Жэньминь Жибао. – 2023. – 19 мая. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021204.html> (дата обращения: 21.10.2023).

23 Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 14 октября. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5857> (дата обращения: 21.10.2023).

24 Treasury and State Department Officials Testify on Sanctions Against Russia // C-SPAN. – 2022. – September 28. – URL: <https://www.c-span.org/video/?523123-1/treasury-state-department-officials-testify-sanctions-russia> (дата обращения: 21.10.2023).

25 Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability // Website of the U.S. Department of State. – 2023. – March 1. – URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-29/> (дата обращения: 21.10.2023).

ции за счет стран, географически не относящихся к ЦА, включение в ее состав соперничающих государств, в частности Индии и Пакистана, или отсутствие неоспоримого лидера организации, вероятно, может привести к размыванию фокуса деятельности и формированию противоречий внутри самой ШОС, что в конечном итоге может привести к снижению ее эффективности.

При этом влияние фактора ШОС переплетается с другим не менее важным фактором – индийским. Связность индийского фактора с ШОС подтверждена в пункте 32 Нью-Делийской декларации по итогам первого саммита «Индия – Центральная Азия»²⁶, который прошел в январе 2022 г. по инициативе индийской стороны.

Суть влияния индийского фактора на политику Китая в Центральной Азии заключается в новой тенденции, намеченной Нью-Дели на первом саммите «Индия – Центральная Азия», на углубление сотрудничества с центральноазиатскими партнерами по широкому кругу проблем, включая взаимодействие по вопросам безопасности, а также частичной институционализации этого формата в вопросах региональной безопасности (Совместная рабочая группа по Афганистану) и торгово-экономического сотрудничества (Совместная рабочая группа по порту Чабахар)²⁷. В этой связи планы институционализации формата «Индия – Центральная Азия» стоит рассматривать как один из ключевых факторов, побудивших Китай активизировать аналогичные и одновременно опережающие шаги с прицелом на создание но-

вой региональной организации «Центральная Азия – Китай».

Например, на последнем саммите ШОС, прошедшем в видеоформате, индийский премьер-министр Нарендра Моди отказался поддержать предложения Пекина относительно инициативы «Пояс и путь», противопоставив китайскому видению ШОС как площадки сотрудничества и интеграции иное: главный акцент организации должен быть сделан на борьбе с терроризмом, в частности с террористическими угрозами из Афганистана²⁸.

Институционализация формата «Центральная Азия – Китай» как новый этап углубления экономического сотрудничества

В то же время формальным объяснением Пекина активности на данном треке выступает всего-навсего «разморозка» своей региональной политики в Центральной Азии после снятия жестких трансграничных карантинных ограничений в период пандемии COVID-19.

Что касается ожиданий государств ЦА – участников ШОС от нового формата в части продвижения собственных экономических интересов, необходимо отметить, что здесь первостепенное значение имеют перспективы наращивания из ЦА экспортных поставок сельхозпродукции, полезных ископаемых и других товаров в КНР. В частности, в 2022 г. Китай более чем на 50% увеличил импорт сельхозпродукции и полезных ископаемых из ЦА, а экс-

26 Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit. – 2022. – January 27. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (дата обращения: 30.01.2024).

27 Ibid.

28 Нью-Делийская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Сайт ШОС. – 2023. – 4 июля. – URL: <http://rus.sectsc.org/political/20230704/948432/NYu-DELIYSKAYA-DEKLARATSIYA-SOVETA-GLAV-GOSUDARSTV-ChLENOV-ShANKHAYSKOY-ORGANIZATsii-SOTRUDNICHESTVA.html> (дата обращения: 21.10.2023).

порт китайской электротехнической продукции в регион вырос на 42%²⁹.

Товарооборот КНР с пятью государствами региона в 2022 г. вырос на 28 млрд долл. – до 70,2 млрд долл.³⁰ При этом потенциал его дальнейшего наращивания далеко не исчерпан, поскольку государства региона являются ключевыми участниками китайской инициативы «Пояс и путь».

Для сравнения: товарооборот ЕС с пятью странами ЦА за прошлый год увеличился с 27 млрд до 47 млрд долл. На третьем месте среди внешнеторговых партнеров ЦА – Россия: за 2022 г. ее товарооборот с государствами региона вырос на 6 млрд – до 42 млрд долл.³¹ Конечно, можно допустить, что и в первом, и во втором случаях свой вклад в это увеличение внес и фактор антироссийских санкций («перенастройка» торговли ЕС и России через третьи страны). Среди ключевых партнеров ЦА пока наименьший товарооборот с государствами региона у США – около 5 млрд долл. по итогам 2022 г.

По данным Министерства коммерции КНР, совокупный объем завершенных инвестиционных проектов Китая в пяти государствах ЦА в 2022 г. составил 63,9 млрд долл.³² Вместе с тем в январе 2023 г. Си Цзиньпин заявил, что Пекин планирует нарастить ежегодный объем инвестиций в регион до 70 млрд долл.

По оценке ЕБРР, экономика ЦА в 2023–2024 гг. продемонстрирует темпы прироста более 5% – в частности вследствие активизации переноса бизнеса из России, повышения качества корпоративного управления в крупных компаниях, наращивания экспорта товаров и оживления торгово-экономических контактов с Китаем³³.

Немаловажно также, что традиционно уважительная риторика Пекина в отношении пяти государств ЦА наиболее комплементарна для руководства этих стран в сравнении с другими сходными форматами, что, несомненно, добавляет привлекательности новому формату.

Мощной заявкой на закрепление Пекина в статусе ключевого финансового донора региона выступает анонсированная Си Цзиньпином в ходе саммита финансовая помощь в беспрецедентном объеме 3,7 млрд долл. (26 млрд юаней)³⁴. В то же время пока нет информации, по какому принципу и на какие проекты будут распределяться дотации из этого пакета помощи, а также каким образом они будут увязаны со значительной финансовой задолженностью государств региона перед Пекином.

19 мая 2023 г. в соответствии с одним из семи подписанных по итогам саммита меморандумов о взаимопонимании по сотрудничеству учрежден

29 Саммит «Центральная Азия – Китай»: Открывается новая глава отношений Китая с Центральной Азией = 中国—中亚峰会 | 专家 : 中国中亚关系将开启新篇章, 13.05.2023 // Агентство «Синьхуа». – 2023. – Кит. яз. – URL: http://www.news.cn/world/2023-05/13/c_1129611940.htm (дата обращения: 21.10.2023).

30 Постникова Е. Почему Россия уступает позиции в Центральной Азии? Китай и Евросоюз одновременно провели мероприятия со странами региона // РБК. – 2023. – 21 мая. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (дата обращения: 21.10.2023).

31 Там же.

32 MOFCOM Regular Press Conference (May 11, 2023) // Website of Ministry of Commerce of People's Republic of China. – 2023. – May 12. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202305/20230503410082.shtml> (дата обращения: 21.10.2023).

33 Usov A. EBRD forecasts strong economic performance in Central Asia // Website of European Bank for Reconstruction and Development. – 2023. – September 27. – URL: <https://www.ebrd.com/news/2023/ebrd-forecasts-strong-economic-performance-in-central-asia.html> (дата обращения: 21.10.2023).

34 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 19 мая. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 20.10.2023).

деловой совет «Центральная Азия – Китай». По заявлениям официального Ташкента, стороны также приступят к разработке стратегии нового экономического диалога, которая предусматривает принятие адресных мер к обеспечению беспрепятственной торговли и наращиванию объемов поставок готовой продукции из пяти центральноазиатских государств в КНР, формированию общего пространства промышленной кооперации с привлечением китайских инвестиций и китайских технологий. Будут запущены различные механизмы на уровне глав министерств и различных профильных ведомств с целью регулярного согласования и координации направлений сотрудничества³⁵.

В среде западных официальных лиц и экспертного сообщества традиционно превалирует позиция о деструктивной роли Китая в регионе – его «ползучей» колонизации с превращением в сырьевой придаток под видом реализации интеграционных проектов и развития равноправного сотрудничества. В западной прессе в преддверии саммита была растиражирована установка, что новый формат сотрудничества главным образом преследует цель выдавить Россию из ЦА [Yau, 2023].

Критические оценки итогов форума в алармистских и антикитайских кругах связаны с подтверждением саммитом договоренностей о строительстве железной дороги Узбекистан – Киргизия – Китай протяженностью 454 км, что последовало за подписанием соответствующего трехстороннего Меморандума о взаимопонимании «на полях» саммита ШОС в Са-

марканде в сентябре 2022 г. Данный проект является одним из ключевых в рамках инициативы «Пояс и путь». По оценкам ряда западных экспертов, указанная транспортная артерия потенциально способна направить значительный объем товаров из Китая в ЕС в обход России³⁶.

При этом не следует однозначно воспринимать новый формат сотрудничества Китая и стран ЦА как более эффективный механизм, чем, например, ШОС. Региональные противоречия будут оказывать негативное влияние и на него. Реализация вышеуказанного проекта железной дороги уже отложена из-за противоречий финансирования: Пекин и (теоретически) Узбекистан могут оплатить постройку своей части железной дороги, а Киргизия – нет. Китай мог бы предоставить кредит под госгарантии, однако президент Киргизии запретил наращивать сумму государственного долга страны.

После введения антироссийских санкций перед экономикой России встал вопрос о минимизации ущерба за счет организации параллельного импорта. В этом направлении сложно переоценить значение для Москвы пяти государств ЦА.

Что касается отношения Москвы к активизации других крупнейших мировых «игроков» в регионе, то для России принципиально, чтобы ее партнеры в ЦА продолжали соблюдать свои обязательства в двусторонних форматах и в рамках интеграционных структур (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ).

В совместном заявлении по итогам визита председателя КНР Си Цзиньпи-

35 Tobin M. China sends a subtle message to Central Asia: Rely on us, not Russia // The Washington Post. – 2023. – May 19. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/05/19/china-central-asia-russia-summit/> (дата обращения: 21.10.2023).

36 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 21 марта. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920?fbclid=IwAR2IxAT7WtyA-D7VYE00PP6TrX8bUeb-Muco9QLAVWbvV4NyWCNrWuhrxADA0> (дата обращения: 21.10.2023).

на в Россию в марте 2023 г. подчеркнуто: «Стороны готовы укреплять взаимную координацию по поддержке стран Центральной Азии в обеспечении их суверенитета и национального развития, не приемлют попытки импорта «цветных революций» и внешнего вмешательства в дела региона»³⁷.

Вместе с тем, по оценкам некоторых аналитиков, в части становления нового формата наиболее чувствительными моментами для Москвы станут институционализация диалога, а также систематизация и расширение сфер сотрудничества Китая со странами ЦА. Вдобавок, как отмечают ряд экспертов, позиции России в регионе постепенно ослабевают, в частности, присутствие российского бизнеса в ЦА подвергается всё большим ограничениям вследствие нарастающего давления коллективного Запада на руководство государств региона³⁸.

Таким образом, заявленный в Сианьской декларации сценарий дальнейшего развития формата «ЦА – Китай» укладывается в логику внешнеполитического курса Си Цзиньпина, согласно которой Пекин должен усиливать китайские позиции в сопредельных с КНР странах. Последние, как подтвердил 24 октября 2023 г. глава МИД КНР Ван И, входят в «авангард мирового исторического процесса продвижения сообщества единой судьбы человечества» – поддерживают китайское видение в глобальном и региональном управлении.

В этой связи запуск процесса создания параллельного с ШОС, но во многом дублирующего его основы формата «ЦА – Китай» отвечает, скорее, нацио-

нальным интересам Пекина по закреплению китайского присутствия в ЦА и отчасти является ответом на активизирующуюся в регионе дипломатию Евросоюза и США.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что дальнейшая всесторонняя институционализация формата «ЦА – Китай» может привести:

- к усилению имеющихся и возникновению новых противоречий внутри ШОС, что, в свою очередь, может послужить причиной возникновения кризиса взаимопонимания между государствами – членами организации; «симптомы» этого кризиса уже наблюдаются сейчас, когда Индия на площадке ШОС открыто бойкотирует китайскую инициативу «Пояс и путь»;

- росту противоречий с крупнейшими мировыми «игроками», активно вовлекающимися в «центральноазиатские дела»: с Соединёнными Штатами, Евросоюзом, Индией и Японией; в связи с этим вполне вероятно расширение американо-китайского противоборства на ЦА;

- возникновению вызова, способного осложнить будущее российско-китайское партнерство; российские позиции в ЦА остаются более крепкими и устойчивыми, чем у Китая, но, согласно официальным документам, Россия придает большое значение дальнейшему развитию ШОС и его роли в формировании Большого Евразийского партнерства, а возникновение дублирующих многосторонних форматов, таких как «ЦА – Китай», может в этом смысле не найти понимания у Москвы.

37 Саммит «Китай – Центральная Азия» стал исключительно важным для России // Военное обозрение. – 2023. – 23 мая. – URL: <https://topwar.ru/217495-sammit-kitaj-centralnaja-azija-stal-iskljuchitelno-vazhnym-dlja-rossii.html> (дата обращения: 21.10.2023).

38 Постникова Е. Евросоюз пообещал не вводить санкции против Центральной Азии. Какие еще обещания звучали на втором саммите пятёрки стран региона и Евросоюза // РБК. – 2023. – 2 июня. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/6479ef339a7947fe85d2248b> (дата обращения: 21.10.2023).

Список литературы

Володин А.Г. «Треугольник» Москва – Дели – Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. – Т. 15, № 6. – С. 6–27. – DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.

Галищева Н., Решикова М. Индийско-китайские отношения. Борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 104–122. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.

Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. – Т. 10, № 2. – С. 135–151. – DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.

Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В. ШОС: Проблемы и возможные пути их реше-

ния // Аналитические записки ИККА РАН. – 2023. – Вып. 3. – С. 25–31. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026.

Chao W.-Ch. The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance // The Chinese Economy. – 2021. – Vol. 55, N 4. – P. 293–302. – DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Fatima B., Ahmad R.E. China's New Great Game in Central Asia: Its Interest and Development // Journal of Development and Social Sciences. – 2021. – Vol. 2, N. 4. – P. 498–509.

Yau N. China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway. – The Foreign Policy Research Institute, 2023. – URL: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/> (дата обращения: 21.10.2023).

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization

Ivan V. VAKHRUSHIN

PhD (Econ.), Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: ivmarin14@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6750-4620

Nikolai A. NIKOLAEV

Junior Research Fellow

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8624-7829

CITATION: Vakhrushin I.V., Nikolaev N.A. (2024). Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 135–152 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Received: 22.11.2023.

Revised: 08.02.2024.

ABSTRACT. *The article considers the risks of institutionalizing the format of the Central Asia-China dialogue («C+C5») for solidarity and mutual political trust within the Shanghai Cooperation Organization (SCO). According to the documents, institutionalization is aimed at transforming the «C+C5» format into a full-fledged international intergovernmental organization with functions that duplicate the existing ones within the SCO. In the current official documents, Russia declares the importance of SCO development and assigns it a special role in the implementation of*

the «Turn to the East» Policy, the development of the «Greater Eurasian Partnership», and the deployment of the project of «the North-South International Transport Corridor». In this regard, further institutionalization of the «C+C5» format may create restrictions for the realization of these Russian plans and even for the protection of interests in the Central Asian region (CAR). This circumstance, coupled with the active attempts of the West and the United States to force a number of CAR countries to refuse Russia's assistance in circumventing the sanctions regime is unlikely to be

understood in Moscow. This means that it is necessary to think about the ways to overcome the likely limitations by deepening the dialogue with China on the issues of further development of the SCO and increasing its effectiveness. The plans to institutionalize the «C+C5» format may also cause increased opposition from other major global «players» such as the United States, India, the EU and Japan, which have been actively involved in Central Asian Affairs in recent years, developing formats for dialogue between «1 + C5» (CAR countries).

KEYWORDS: *the Shanghai Cooperation Organization (the SCO), the format of Central Asia-China, the Greater Eurasian Partnership, Russia, Community of Common Destiny, India, the North-South International Transport Corridor, the Belt and Road Initiative.*

References

- Chao W.-Ch. (2021). The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance. *The Chinese Economy*. Vol. 55, no. 4, pp. 293–302. DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.
- Fatima B., Ahmad R.E. (2021). China's New Great Game in Central Asia: Its Interest and Development. *Journal of Development and Social Sciences*. Vol. 2, no. 4, pp. 498–509.
- Galistcheva N., Reshchikova M. (2021). India-China Relations. Struggle between the Tiger and the Dragon for a place in the Sun. *International Trends*. Vol. 19, no. 4, pp. 104–122 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.
- Lukin A.V., Kashin V.B. (2019). Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region. *Comparative Politics Russia*. Vol. 10, no. 2, pp. 135–151 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.
- Uyanaev S.V., Kulintsev Yu.V. (2023). SCO: Problems and Possible Solutions. *Analytical Notes of Institute of China and Modern Asia RAS*. Issue 3, pp. 25–31 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026.
- Volodin A.G. (2022). Moscow – Delhi – Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy. *Outlines Of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 6, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.
- Yau N. (2023). *China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway*. The Foreign Policy Research Institute. Available at: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/>, accessed 21.10.2023.

Проблемы Старого Света

УДК 338.48(4)

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.08

Этноэкономика Европы: турецкий сегмент

Алина Игоревна СБИТНЕВА

научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9196-9348

ЦИТИРОВАНИЕ: Сбитнева А.И. Этноэкономика Европы: турецкий сегмент // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 153–167.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.08

Статья поступила в редакцию 14.12.2023.
Исправленный текст представлен 25.06.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций» в МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению этнического фактора европейской экономики. Со времен миграции турок в Европу в 1960-х годах в регионе сформировался особый сегмент предпринимательства, существенную долю которого заняли представители турецкой диаспоры. Активному развитию турецкого бизнеса на европейском пространстве способствуют несколько факторов, в том числе социальный. Кроме того, на становление и процветание турецкого этнопредпринимательства в Европе оказывает влияние высокая развитость семейно-клановых отношений, а также наличие разного рода вспомогательных механизмов в виде профсоюзов и бизнес-ассоциаций. В контексте мелкого и среднего предпринимательства ключевое внимание

уделяется развитию индустрии турецкого фастфуда, связанной с организацией точек питания, гостиничному бизнесу, сфере услуг широкого профиля, а также туристических и логистических услуг. Крупный сетевой бизнес и ТНК Турецкой Республики в большинстве случаев заняты в таких сферах, как ресторанный бизнес, гостиничный бизнес, в том числе предполагающий строительство отелей, распространение розничных торговых сетей и турецких брендов. Относительно новым быстро развивающимся направлением турецкого этнобизнеса является также исламский банкинг. Автор приходит к выводу о том, что турецкая миграция существенно изменила природу европейского бизнеса. Однако, несмотря на широкую представленность турец-

ких предпринимателей в Европе, не все из них достигают желаемого успеха – нередко сталкиваются с разного рода дискриминационной политикой европейских властей, ограничивающих их деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Турция, Европа, миграция, предпринимательство, этнобизнес, ТНК.

Современная Турецкая Республика представляет собой феномен государства, обладающего весьма слабой экономикой, но известного всему миру своим предпринимательским потенциалом, который получил особый импульс к развитию в пределах европейского пространства. В середине XX в. Европа стала центром притяжения для турецких мигрантов: многие выходцы из Турции успешно осуществили переход из класса наемных трудовых мигрантов в класс предпринимателей, работающих на себя и создающих новые рабочие места. Сегодня малый и средний турецкий бизнес является неотъемлемой частью европейской экономики.

Европейское пространство планомерно становится площадкой для реализации бизнеса, существенную часть которого занимают турецкие предприниматели из числа мигрантов разных поколений. Очаги возникают преимущественно в городах и крупных агломерациях стран с наиболее высокой плотностью турецкого населения, например в Германии, Нидерландах, Швейцарии, Румынии [Immigrant En-

trepreneurship..., 2021]. На протяжении многих лет европейские страны оставались основными инвесторами в турецкую экономику. В 2021 г. Турция стала 5-м по популярности направлением прямых иностранных инвестиций (ПИИ)¹. Анкара также остается 7-м по величине торговым партнером ЕС: на ее долю в 2022 г. пришлось 3,3% общего мирового объема товарооборота ЕС². Миграционные потоки со временем начали провоцировать обратный процесс, в результате которого Турция через граждан-мигрантов прочно закрепилась в европейском бизнес-сегменте и экономике в целом. Институт статистики Турции (TÜİK) сообщает, что в 2022 г. на европейские страны приходилось 49,3% экспорта малых и средних турецких предприятий³.

Причины развития турецкого бизнеса в Европе

При исследовании развития бизнеса турецких мигрантов в Европе необходимо обратить внимание на ряд факторов, главным из которых является **социальный**. Прибывшие в качестве наемной рабочей силы в 1960-х годах по межгосударственным договорам турецкие рабочие преследовали цель трудоустройства и получения прибыли. И если подобный сценарий подходил гражданам Турции, которые рассматривали «европейский этап» как временное явление и ассоциировали свое будущее с исторической родиной, то турки, по личным причинам решившиеся на иммиграцию, в среднесроч-

1 Foreign Direct Investment Strategy of Turkey // Presidency of the Republic of Turkey Investment Office. – 2020. – URL: <https://www.invest.gov.tr/en/library/publications/lists/investpublications/turkiye-foreign-direct-investment-strategy-2021-2023.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

2 EU trade relations with Türkiye // European Commission. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/turkiye_en (дата обращения: 17.09.2023).

3 Статистика малых и средних предприятий. Küçük ve Orta Büyüklükteki Girişim İstatistikleri 2022 // Türkiye İstatistik Kurumu. – 2023. – 22 Aralık. – Турец. яз. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Kucuk-ve-Orta-Buyuklukteki-Girisim-Istatistikleri-2022-49438> (дата обращения: 09.07.2024).

ной перспективе стремились повысить социальный статус и приобрести недвижимость, что требовало иного уровня дохода.

Несмотря на этатизм в Турции, малые и микропредприятия являются ее важной стабилизирующей частью [Elveren, Kar, 2005, p. 18]. На них занято более 75% населения [Ozar, 2003]. Такой акцент на частный бизнес коррелирует с подходом ЕС, когда малым и средним предприятиям придается значение ключевого источника рабочих мест. Реализация бизнес-инициатив, невзирая на необходимость регистрации предприятий в соответствии с европейским законодательством и другие правовые сложности, видится для многих граждан Турции более логичным процессом, чем работа на иностранных работодателей.

Стремление работать не по найму и приобрести экономическую независимость стало одним из катализаторов развития этнобизнеса в Европе. Турецкие мигранты начали инвестировать накопления в развитие мелкого предпринимательства: открытие мастерских, организацию разного рода перевозок (такси и т. п.) и иной деятельности в сфере услуг. Однако не все начинания увенчались успехом по причине низкой конкурентоспособности на европейском рынке, где существовали уже зарекомендовавшие себя фирмы.

Исследователи отмечают, что это негативным образом сказалось на европейском рынке: бизнес-инициативы мигрантов не привели к вытеснению наиболее неэффективных из них, но спровоцировали прибавление к ним «маргинального» бизнеса, владельцы которого обречены на постоянные долги или банкротство [Turkey, Migration and the EU..., 2012, p. 147]. При этом важным фактором, способствующим росту предпринимательства среди мигрантов на территории Европы, явля-

ется свободное владение языком принимающей страны [Immigrant Entrepreneurship..., 2021, p. 16].

Другой причиной, объясняющей приверженность турок к этническому предпринимательству, является **высокая развитость семейно-клановых отношений** [Иванова, 2018]. Турецкий социум является восточным типом общества, ориентированным на коллектив, а не отдельную личность. Особую роль в нем играют личные и родственные связи, а семейный бизнес [Baycan, 2013], как правило, передающийся по наследству, является обычной практикой. Представителям Турции свойственно чувство приобщенности к согражданам, поэтому, открывая бизнес, турок может рассчитывать на поддержку своих родственников и соотечественников.

В 1966 г. турки в Германии стали создавать профсоюзы с целью совместного инвестирования в проекты. Несмотря на то, что большая часть из них вкладывала сбережения в слабо развитые отрасли промышленности и регионы Турции, преследуя цель обеспечить членов таких организаций рабочими местами по их возвращении, граждане Турции из числа принявших решение об иммиграции со временем начали также инвестировать в европейские турецкие проекты. Исследователи отмечают, что турецкие мигранты предпочитают денежным переводам на родину вклады в локальный бизнес в стране пребывания, что способствует его процветанию [Turkey, Migration and the EU..., 2012, p. 147–150].

На развитие таких семейно-клановых отношений в Германии в равной степени повлияли изменения в местном законодательстве, в частности принятый в 2004 г. «Закон о проживании, экономической деятельности и интеграции иностранцев на феде-

ральной территории»⁴, регламентирующий в том числе вопрос воссоединения семей. В этом контексте важным представляется тот факт, что, в отличие от мигрантов и иммигрантов иных национальностей, представители Турции достаточно редко вступают в межэтнические браки и, пользуясь правом на воссоединение семьи, привлекают в страны пребывания своих супругов, детей и т.д., тем самым сохраняя сбалансированное соотношение турецких мужчин и женщин [Niu, Fan, 2016, p. 60], что в конечном итоге приводит к включению последних в процесс семейного предпринимательства, а в некоторых случаях и к открытию ими собственного бизнеса.

Известно, например, что трудоспособные женщины-мигранты из Турции весьма востребованны в Нидерландах. В большинстве случаев бизнес мигрировавших турчанок имеют «гендерную» специфику и представляет собой салоны красоты, магазины женской одежды и т.п. При этом турецкие женщины-мигранты во втором поколении закономерно чаще работают в более разнообразных секторах: в области бухгалтерского учета, консалтинга или маркетинга, что объясняется их более высоким уровнем образования и интеграции в европейское общество [Kacar, Essers, 2019, p. 716].

В этом смысле живущие в Европе светские турецкие семьи существенным образом отличаются от семей мусульманских диаспор, в том числе арабских, для многих из которых важно иметь уважаемую с точки зрения религии работу, которая будет соответствовать нормам шариата. К примеру, в 2016 г. в Испании, имеющей одну из наиболее густонаселенных арабских диаспор, доля женщин, намеревавшихся открыть

собственный бизнес, составляла лишь 10% [Arab Women..., 2017, p. 7].

Испанские исследователи отмечают, что причиной низкого участия женщин в предпринимательстве в данной стране является важность так называемых неформальных факторов, таких как социальные нормы и социальный имидж предпринимателя [Arab Women..., 2017, p. 10]. В этом контексте стоит отметить, что арабские женщины в Испании, ввиду стереотипных общественных представлений о восточном укладе жизни и существующем в арабоязычных семьях патриархате, чаще, чем представительницы Турецкой Республики, сталкиваются с барьерами при открытии собственного бизнеса или реализации иных проектов [Arab Women..., 2017, p. 23].

Еще одной причиной быстрого и продолжительного подъема турецкого бизнеса в Европе стали **профсоюзы** и **бизнес-ассоциации** государственного и негосударственного характера, призванные наладить взаимодействие бизнес-кругов Турции и Европы, а также оказать турецким предпринимателям поддержку в реализации их бизнес-инициатив. Наиболее известными среди них остаются Европейская ассоциация турецких бизнесменов и промышленников (ATİAD), Всемирный фонд турецких бизнесменов (DÜTİV), Ассоциация турецких промышленников и бизнесменов (TÜSİAD) и ряд других. Кроме того, важным является проект под названием **Turquality**, который оказывает поддержку турецким фирмам, имеющим потенциал стать глобальными игроками и продвигающим собственные бренды на международных рынках.

Внимания также заслуживают разного рода европейские инициативы,

4 Residence Act // Federal Ministry of Justice. – 2004. – July 30. – URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/EN/gettestexte/AufenthG_en.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (дата обращения: 09.07.2024).

направленные на поддержку начинающих предпринимателей, в том числе из числа представителей этнического бизнеса. Так, например, Агентство развития Анкары и Министерство промышленности и технологий Турции призывают соотечественников активно участвовать в европейской обменной программе **«Erasmus для молодых предпринимателей»**, осуществляемой при поддержке консорциума *GYMNASIUM PLUS*, созданного при участии Италии, Бельгии, Испании, Германии, Словении и Турции⁵.

Мелкое и среднее предпринимательство

Основываясь на исследованиях, анализирующих проблему предпринимательства среди мигрантов, проживающих в Европе, можно сделать вывод о том, что большая часть из них работает не по найму и предпочитает направлять финансы в развитие местного бизнеса, а не в страну происхождения. Европейско-турецкая ассоциация бизнесменов (*BTEU*) отмечает, что за последние 30 лет на счету турецких работодателей Германии числилось более 75 тыс. рабочих мест, а число турецких предпринимателей там ежегодно увеличивается на 10%⁶. К началу 2000-х годов в одной только Германии насчитывалось более 50 тыс. бизнесменов турецкого происхождения, которые являлись работодателями для более 250 тыс. человек, а микроперепись 2007 г. показала, что большую часть лиц из числа иностранных предпринимателей с миграционным прошлым представляют турки [Turkey, Migration and the EU..., 2012, p. 150].

Со времен экономической миграции турок в страны Европы в 1960-х годах [Küçükşan, 2007] парадигма «работник – работодатель» кардинально изменилась: если раньше представители Турции могли рассчитывать максимум на поиск рабочего места в стране пребывания, то теперь турки сами осуществляют найм работников в собственные компании. В трудах исследователей 2000-х годов фигурировала следующая статистика по Берлину: около 5 тыс. турецких предприятий, осуществлявших деятельность в 90 различных сферах, обеспечивали рабочими местами около 20 тыс. человек [Kaya, Kentel, 2005, p. 3]. В 2010-х годах 26% турецких предприятий занимались розничной торговлей продуктами питания; 22% работали в сфере услуг (транспортно-логистических, медицинских, юридических и т.д.); 20% представляли ресторанный бизнес и 11% – разного рода ремесло [Игошева, 2020].

Вместе с тем стоит отметить, что в регионах компактного проживания мигрантов в некоторых странах сложились целые этнические бизнес-кварталы. Одним из таких, к примеру, является коммуна Сен-Дени во Франции, которую называют «маленькая Турция». В 1980-х годах район был заселен турками и со временем стал известен как центр производства и пошива одежды ввиду большого сосредоточения там турецких текстильных мастерских. При этом, несмотря на закрепление за Сен-Дени статуса «турецкого» района, сегодня, помимо мелких предпринимателей из Турции, там также широко представлены торговцы из Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки [Güler, 2019, p. 93–94].

5 Европейская программа обмена для молодых предпринимателей. Genç Girişimciler için Avrupa Değişim Programı // Ankara Kalkınma Ajansı. – 2023. – 2 Kasım. – Турец. яз. – URL: <https://ankaraka.org.tr/genc-girisimciler-icin-avrupa-degisim-programi> (дата обращения: 21.05.2024).

6 Европейско-турецкая ассоциация бизнесменов. Услуги. Avrupalı-Türk İşadamları Birliği. Hizmetler // BTEU. – Турец. яз. – URL: <https://www.bteu.de/index/hizmetler.htm> (дата обращения: 21.09.2023).

Ввиду культурных особенностей страны и развитой в Турции «гастро-дипломатии» бизнес, предоставляющий услуги в области питания, стал визитной карточкой турецких мигрантов на территории Европы. В лидеры вышла **индустрия турецкого фаст-фуда**, связанная с организацией точек по продаже донер-кебаба, годовой оборот которой достигает 3,5–4 млрд евро⁷. Издание *Yeni Şafak* в 2022 г. отмечало, что 35 лет назад Германия ограничивалась 15 донер-буфетами и 3 фабриками по их производству, а сегодня количество производств выросло до 430. При этом трудятся там не только турки, но и коренные немцы⁸.

В 2015 г. во Франции, Бельгии и Нидерландах было расположено 70 фабрик по производству донера. Еще 36 насчитывалось в Польше, где доля турецких производителей составляет около 90%. Важными рынками являются скандинавские страны и Великобритания, где такой бизнес в основном сосредоточен в руках приезжих турок-киприотов⁹. Турецкое этнопредпринимательство, таким образом, планомерно выходит на новый этап, когда турки-мигранты стремятся выйти на турецкий рынок через Европу, а не наоборот. Стоит отметить, что для поддержки данного сектора предпринимательства с 2019 г. в Турции существует Ассоциация производи-

телей донера (*DÜBİDER*), которая в числе своих задач видит также развитие зарубежной деятельности и открытие разного рода фондов для поддержки производителей на местах¹⁰.

Менее распространенной, но достаточно популярной среди мигрантов деятельностью является **организация гостиничного бизнеса**. Данная ниша занята турецкой общиной во многих городах Европы¹¹. Существенная доля турецких мигрантов занята в области оказания **услуг широкого профиля**. Так, успешной на европейском рынке стала клининговая компания *Forever Clean*, которая в 2009 г. открыла офисы в Стамбуле и Анкаре¹². Ее отличительной чертой стала социальная ориентированность на женщин-мигрантов¹³.

Другим популярным направлением является **предоставление туристических и логистических услуг**. Базирующаяся в Германии семейная компания *Tunc Trans*, входящая в *Tunc Group*, является ярким представителем турецкого бизнеса в области перевозок. Компания специализируется на распространении косметических товаров, продуктов питания и аренде автобусов класса «люкс». Совладелица компании Р. Тунч, в свою очередь, известна как первая женщина, имеющая лицензию на обучение водителей грузовиков и автобусов в Европе¹⁴.

7 Конкуренция производителей кебабов в Европе по воскресеньям. Avrupa pazarında büyük döner kavgası // Dünya. – 2016. – 1 Mayıs. – Турец. яз. – URL: <https://www.dunya.com/ekonomi/avrupa-pazarinda-buyuk-doner-kavgasi-haberi-315477> (дата обращения: 21.09.2023).

8 Кебаб номер один в Европе. Döner Avrupa'da 1 numara // YeniŞafak. – 2022. – 18 Nisan. – Турец. яз. – URL: <https://www.yenisafak.com/hayat/doner-avrupada-1-numara-3795580> (дата обращения: 21.09.2023).

9 Кебаб в Европе. Avrupa'da döner // Beef an Fish. – 2015. – 15 Eylül. – Турец. яз. – URL: <https://beefandfish.com/beef-fish/avrupada-doner.html> (дата обращения: 21.09.2023).

10 Устав ассоциации. Dernek Tüzüğü // Döner Üreticileri Birliği Derneği. – URL: <https://www.dubider.org.tr/dernek-tuzugu/> (дата обращения: 20.05.2024).

11 Во Франции успешный турецкий бизнесмен Чингиз Йылмаз из Сиваса управляет собственным отелем. Fransa'da başarılı türk iş adamı Sivaslı Cengiz Yılmaz kendi otelini işletiyor // Hodri Meydan. – 2018. – 4 Aralık. – Турец. яз. – URL: <https://hodrimeydan.net/2018/12/04/fransada-basarili-turk-is-adami-sivasli-cengiz-yilmaz-kendi-otelini-isletiyor/> (дата обращения: 21.09.2023).

12 About us // Forever Clean. – URL: <http://www.forever-clean.de/en/about-us/> (дата обращения: 21.09.2023).

13 Достижения в разных областях. Farklı alanlardaki başarılar // Deutschland.de. – 2021. – 5 Şubat. – Турец. яз. – URL: <https://www.deutschland.de/tr/topic/ekonomi/turk-alman-girisimciler-basarili-is-sahipleri> (дата обращения: 21.09.2023).

14 Ibid.

Крупный сетевой бизнес и ТНК

Помимо очагов мелкого и среднего предпринимательства, европейский рынок пополнился турецкими фирмами и компаниями, статус которых давно стал носить транснациональный характер. Подобно небольшим частным фирмам, они осуществляют деятельность по **трем ключевым направлениям**:

- ресторанный бизнес и организация питания;
- гостиничный бизнес (в том числе строительство отелей);
- розничные торговые сети.

По данным отчета «Турецкие ТНК» за 2014 г., подготовленного турецким Университетом К. Хас, Советом по внешнеэкономическим связям (DEİK) и Колумбийским университетом, около 29 турецких компаний имеют 426 дочерних компаний за рубежом¹⁵. В 2022 г. 8 турецких компаний – *Altmeller, Assistt, BHM Otencilik* и другие – были включены в список лучших рабочих мест в Европе¹⁶.

Одним из лидеров в **сфере услуг по предоставлению быстрого питания** в Европе является турецкая сеть *Tavuk Dünyası*, основанная в 2012 г. В Стамбуле и известная за рубежом под марками *Gagawa (Gagava)*. В 2022 г. *Tavuk Dünyası* сделала первую инвестицию в ресторанный бизнес в Испании. В первой половине 2023 г. был открыт третий ресторан *Gagawa* в Мадриде. Широкое распространение на про-

странстве Европы также получила сеть *Çiğköftem*. В 2010 г. появился бренд *EM EUROPE GmbH «Çiğköftem»*, а точки питания были открыты в Великобритании, Нидерландах, Австрии, Германии, Франции и Венгрии¹⁷.

Среди крупнейших турецких продуктовых марок на рынке Германии в настоящее время фигурируют следующие: *Egetürk, Sunat!, Yayla, Sera, Martara*. При этом *Egetürk* имеет статус крупнейшего турецкого предприятия по производству колбас в Европе и контролирует 70% рынка переработанного халяльного мяса. Годовой оборот компании составляет 80 млн евро, а чистая прибыль – 20 млн евро¹⁸.

Однако закрепиться на европейском рынке в силу разных причин удается не всем компаниям: так, например, в 2024 г. представители турецкого сервиса доставки продуктов *Getir* заявили, что прекращают свою деятельность в Великобритании, Германии и Нидерландах, объяснив решение тем, что эти рынки приносят компании только 7% доходов, а также желанием сосредоточиться на турецком рынке, который в данных условиях представляется им более перспективным. Известно, что только в Великобритании *Getir* обеспечивала рабочими местами около 1500 человек. Компания также прекратила работу во Франции, Испании и Португалии в связи с низким спросом на доставку и общим ростом стоимости жизни¹⁹.

15 Турецкие компании распространились на 5 континентов. Türk şirketleri 5 kıtaya yayıldı // Dünya. – 2014. – 29 Aralık. – Турец. яз. – URL: <https://www.dunya.com/sirketler/turk-sirketleri-5-kıtaya-yayıldı-haberi-267047> (дата обращения: 21.09.2023).

16 Объявлены лучшие работодатели Европы, в списке восемь турецких компаний. Avrupa'nın en iyi işverenleri açıklandı, sekiz Türk şirketi listede // Marketing Türkiye. – 2022. – 9 Eylül. – Турец. яз. – URL: <https://www.marketingturkiye.com.tr/haberler/avrupanın-en-iyi-isverenleri/> (дата обращения: 21.09.2023).

17 Турецкий бренд с наибольшим количеством филиалов в Европе. Avrupa'da en çok şubesi bulunan Türk markası // İş Dünyası. – 2023. – 16 Mart. – Турец. яз. – URL: <https://turkiyedeisdunyasi.com/avrupada-en-cok-subesi-bulunan-turk-markasi/> (дата обращения: 22.09.2023).

18 Турецкие бренды в Германии. Almanya'daki Türk markaları // Vasisdas. – 2021. – 12 Nisan. – Турец. яз. – URL: <https://vasistdas.de/almanyadaki-turk-markalari/> (дата обращения: 22.09.2023).

19 Delivery firm Getir to quit UK, Europe and US and focus on Turkey // The Guardian. – 2024. – April 29. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2024/apr/29/delivery-firm-getir-quit-uk-europe-us-turkey> (дата обращения: 10.07.2024).

Отдельную нишу транснационального бизнеса Турции занимают **крупные сети турецких отелей**. После пандемии COVID-19 турецкие инвесторы активно скупали городские отели по всей Европе, в особенности в городах Великобритании, Франции, Италии и Португалии²⁰. По состоянию на 2019 г. в отельном секторе Европы были представлены следующие компании и холдинги Турции: *Titanic Hotels Grubu* (Берлин), *Princess International Group* (Болгария, Македония), *Rixos Group* (Швейцария, Хорватия), *Doğuş Holding*²¹.

Особую роль в реализации подобных проектов играют крупные турецкие строительные компании. К примеру, в 2022 г. *Rönesans Holding*, осуществляющая деятельность в Нидерландах, Германии, Швейцарии и Великобритании, заняла 8-е место среди подрядных компаний в Европе в списке 250 лучших международных подрядчиков мира²². В 2018 г. генеральный консул Турции во Франкфурте заявлял, что в Германии функционирует около 100 тыс. турецких компаний, где трудятся более 500 тыс. человек, а годовой оборот достигает 55 млн долл.²³

Турция остается важным **инвестором** в страны Западной и Восточной Европы. В 2018 г. Турецко-французский торговый фонд сообщил, что около 80 французских компаний, имеющих более 1300 сотрудников, контролируются

турецкими инвесторами. Ими, в свою очередь, являются преимущественно владельцы крупных ТНК, имеющие господдержку. На конец 2016 г. сумма ПИИ составляла 133 млн евро. Большая доля турецких инвестиций в новые рабочие места в Европе в 2018 г. пришлось на Венгрию, Францию, Германию, Великобританию, Румынию и Нидерланды²⁴.

Согласно отчету об индексе внешних инвестиций за 2021 г., подготовленному DEİK и компанией *Bain & Company Turkey*, в 2019–2020 гг. среди стран Западной Европы Испания стала лидером по объему турецких инвестиций, а Германия – по числу инвестиционных операций. Успех Турции в Испании представляет особый интерес с точки зрения того, что в этой стране сосредоточено большое количество мигрантов именно из арабских стран, в частности, из Магриба. Кроме того, испанское направление миграции не входит в список наиболее популярных среди граждан Турции, предпочитающих, как уже отмечалось, страны Западной Европы.

Важным инвестиционным направлением Турции также остается Великобритания, на долю которой в 2019–2020 гг. пришлось почти 10% транзакций Турции²⁵. В Восточной Европе лидерами по турецким инвестициям за тот же период были Румыния и Сербия. В 2022 г. стало известно о том, что одним из наиболее привлекательных

20 Turkish investors on hunt for hotel in Europe // *Hürriyet Daily News*. – 2023. – May 18. – URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkish-investors-on-hunt-for-hotels-in-europe-183214> (дата обращения: 22.09.2023).

21 Сколько турецких отелей за границей? Yurt dışında kaç tane Türk oteli var? // *Turizm aktüel*. – 2019. – 31 Mayıs. – Турец. яз. – URL: <https://www.turizmarktuel.com/haber/yurt-disinda-kac-tane-turk-oteli-var> (дата обращения: 22.09.2023).

22 Rönesans the 24th largest contracting company in the world // *Rönesans Holding*. – 2022. – August 25. – URL: <https://ronesans.com/en/news-articles/ronesans-is-now-listed-as-the-24th-largest-contracting-company-in-the-world-and-the-8th-largest-in-e> (дата обращения: 22.09.2023).

23 В турецких компаниях в Германии работают 500 тысяч человек. Almanya'daki Türk şirketleri 500 bin kişi çalıştırıyor // *Hürriyet*. – 2018. – 22 Nisan. – Турец. яз. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/avrupa/almanyadaki-turk-sirketleri-500-bin-kisi-calistiriyor-55-milyar-dolar-ciro-yapiyor-40813524> (дата обращения: 22.09.2023).

24 Ibid.

25 Outbound Investment Index 2021 // DEİK. – 2021. – P. 42–43. – URL: <https://www.deik.org.tr/uploads/yurt-disi-yatirim-endeksi-2021-3.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

для турецких компаний и предпринимателей инвестиционных направлений постепенно становятся Нидерланды, где зафиксирован наиболее низкий в Европе корпоративный налог в размере 15% (против 24% в Турции), который удерживается с первых 245 тыс. евро прибыли. Кроме того, законодательство страны предусматривает облегченную процедуру получения вида на жительство для инвесторов: так, владельцы вида на жительство, непрерывно работающие в Нидерландах на протяжении 5 лет, могут впоследствии претендовать на получение постоянного вида на жительство²⁶.

Значимым для Европы является турецкий конгломерат *Koç Holding* со штаб-квартирой в Стамбуле. Принадлежащий ему концерн *Arçelik* владеет марками бытовой техники *Beko* и *Arctic*, а также компанией *Otokoç*, которая является официальным дилером автомобильных брендов *Ford*, *Ford Trucks* и *Volvo*²⁷.

В Европе также распространены турецкие бренды одежды *LC WAIKIKI*, *Koton*, *Mavi*, *Damat*, косметическая сеть *Golden Rose*²⁸. *Şahinler Holding* является третьей по величине текстильной группой в Европе, производящей коллекции для брендов масс-маркета *Zara*, *C&A*, *Primark*, *Next*, *Careff*. В свою очередь, *Vestino*, входящий в *Şahinler Holding*, стремится стать крупнейшим турецким брендом в ЕС. Важен и тот

факт, что *Vestino* – единственный турецкий бренд, созданный за границей и получающий поддержку от проекта *Turquality*²⁹.

Относительно иных направлений отметим, что Турция существенно уступает, к примеру, Саудовской Аравии и другим монархиям Персидского залива в области инвестиций в сектор возобновляемых источников энергии и «зеленых» технологий. В 2022 г. Инвестиционное управление Катара приобрело долю в немецкой энергетической компании *RWE* стоимостью 2,4 млрд долл.³⁰, в то время как Турецкая Республика преимущественно предпочитает инвестировать финансы в развитие собственной «зеленой» отрасли.

Отдельно стоит отметить такую зарождающуюся область турецкого бизнеса в Европе, как *исламский банкинг*. В 2015 г. во Франкфурте-на-Майне был открыт первый в стране исламский банк. *KT Bank AG* является дочерней компанией кувейтско-турецкого финансового института *Kuveyt Türk Katılım Bankası*. Его представители отмечают, что планируют открыть филиалы в других немецких городах с большой долей мусульманского населения, в частности в Берлине, Кёльне и Дюссельдорфе³¹.

Тем не менее данная сфера также во многом занята арабскими или иранскими предпринимателями, которые вышли на европейский финансовый

26 Число турецких предпринимателей, желающих основать компанию в Нидерландах, быстро растет. *Hollanda'da şirket kurmak isteyen türk girişimcilerin sayısı hızla artıyor* // Investing.com. – 2022. – 28 Temmuz. – Турец. яз. – URL: <https://tr.investing.com/news/markets/hollandada-sirket-kurmak-isteyen-turk-girisimcilerin-sayisi-hzla-artiyor-2332909> (дата обращения: 10.07.2024).

27 Turkey's Leader, Global Player // Koç. – URL: <https://www.koc.com.tr/about-us/who-are-we> (дата обращения: 22.09.2023).

28 Турецкие бренды, которые вы можете найти за рубежом. *Yurt Dışında Bulabileceğiniz Türk Markaları* // Yollando.com. – Турец. яз. – URL: <https://www.yollando.com/yurt-disinda-da-bulabileceginiz-turk-markalari/> (дата обращения: 22.09.2023).

29 Крупнейший турецкий бренд в Европе. *Avrupa'da en büyük Türk markası* // Dünya. – 2023. – 22 Temmuz. – Турец. яз. – URL: <https://www.dunya.com/sirketler/avrupada-en-buyuk-turk-markasi-olmayi-hedefliyor-haberi-252488> (дата обращения: 22.09.2023).

30 Arabic Investments in the US and EU: New Territories and Possibilities // Altoo. – 2023. – October 30. – URL: <https://altooo.io/arabic-investments-in-the-us-and-eu-new-territories-and-possibilities/> (дата обращения: 12.07.2024).

31 В Германии открылся первый исламский банк // Интерфакс. – 2015. – 22 июля. – URL: <https://www.interfax.ru/business/455327> (дата обращения: 22.09.2023).

рынок существенно раньше их турецких коллег. Так, в европейских странах, где наиболее распространен данный тип финансовых услуг (в Германии, Франции и Великобритании), исламскими банками, такими как *Al Rayan Bank*, *European Islamic Investment Bank*, *Bank of London & the Middle East*, *National Bank of Kuwait*, *Qatar National Bank*, *Tejherat Bank*, *Bank Sepah* и др., владеют преимущественно арабские или иранские финансовые холдинги и предприниматели [*Sadoveanu*, 2011, p. 595].

Кроме того, несмотря на то, что кувейтско-турецкий *Kuveyt Türk Katılım Bankası* был признан в 2024 г. лучшим финансовым банком в Турции по версии журнала *Global Finance*, мировыми лидерами считаются банки Кувейта, ОАЭ, Катара и других мусульманских стран, в список которых не входят учреждения Турецкой Республики³².

Неевропейская жизнь: проблемы этнобизнеса

Несмотря на процветающий этнобизнес, турецкие предприниматели сталкиваются с трудностями на пути к реализации своих стартапов, например с дискриминационной политикой европейских властей, ограничивающих деятельность бизнеса. Давлению в большей степени подвергается мелкий и средний бизнес, имеющий годовой оборот около 3,5–4 млрд евро.

Ограничениям, в частности, подвергаются владельцы буфетов турецкого фастфуда. Так, в итальянской Вероне в целях защиты национальной кухни городские власти запретили в центре заведения этнической кухни после

распространения в городе турецкого донера. Закрытие подобных буфетов наблюдается в Германии и Франции. На немецкой земле подобные притеснения начались еще в 1985 г., когда муниципалитет Берлина ввел «Закон о донер-кебабе» и штрафовал рестораны, торгующие им.

При этом встречаются случаи дискриминации этнобизнеса по религиозному признаку. После терактов в Париже в 2015 г. донеры стали называть «мусульманской едой», многие продающие их рестораны были закрыты, а в отношении некоторых владельцев были заведены уголовные дела. В Германии, в свою очередь, распространяется практика переименования донеров на немецкий лад³³.

На фоне наплыва мигрантов не только из Турции, но и ряда арабских стран, европейские власти таким образом стремятся минимизировать связь бизнеса с диаспорой на ассоциативном уровне, заставляя владельцев ликвидировать турецкие названия и делая их более нейтральными – «европейскими», что в этнической среде воспринимается как ущемление прав этнопредпринимателей и ограничение на выражение национальной идентичности. Особая религиозная принадлежность также нередко становится препятствием для трудоустройства турецких женщин-мигрантов из семей рабочего класса, прибывших в Европу в 1960-е годы, которых характеризуют как «других». При этом стоит отметить, что в европейском общественном дискурсе мигранты по-прежнему относятся к низшему классу, а предпринимательство не всегда обеспечивает им

32 Best Islamic Financial Institutions 2024 // *Global Finance*. – 2024. – May 6. – URL: <https://gfmag.com/banking/worlds-best-islamic-financial-institutions-2024/> (дата обращения: 12.07.2024).

33 Юсел А. Конкуренция производителей кебабов в Европе по воскресеньям. Yücel A. Avrupa pazarında döner kavgası // *Dünya*. – 27 Haziran. – Турец. яз. – URL: <https://www.dunya.com/ekonomi/avrupa-pazarinda-buyuk-doner-kavgasi-haberi-315477> (дата обращения: 22.09.2023).

ожидаемую социальную мобильность [Kacar, Essers, 2019, p. 716].

Подобные тенденции нередко поддерживаются крайне правыми активистами. Так, например, в 2019 г. в центре Парижа был организован протест в защиту культурной самобытности под названием «Покорение идентичности» (с фр. – *Generation Identitaire*), направленный «против кебабов и мечетей» и прошедший под лозунгами «Им здесь нечего делать», «Ислам – за пределы Франции», «Кебаб, мечеть – хватит уже», «Единственное решение – обратная миграция» [Güler, 2021, p. 56–57]. В связи с этим интересным представляется тот факт, что, по данным Европейской комиссии, в 2023 г. турки составили 4,8% от общего числа лиц, вывороненных из ЕС³⁴.

Помимо перечисленных проблем, на турецком зарубежном бизнесе серьезным образом сказалась и нестабильная международная политическая ситуация. Рост цен на газ и продовольствие во многих городах Европы после эскалации российско-украинского конфликта в 2022 г. и связанная с ним политика Евросоюза неизбежно повлияли на ресторанный бизнес, владельцы которого были вынуждены поднимать цены на предлагаемую потребителям продукцию. Так, например, стоимость донеров в Берлине выросла приблизительно с 3,5 до 5–7 евро³⁵.

Кроме того, как и во всем мире, существенное влияние на функционирование предприятий (в особенности малых и средних) оказала пандемия

COVID-19. Пострадал бизнес как в Турции, так и за ее пределами – в частности, добавленная стоимость сократилась на 10% в области оптовой и розничной торговли и на 9% – в секторе общественного питания и услуг, связанных с размещением³⁶.

Согласно исследованиям, проведенным в 2010–2012 гг. среди турецких мигрантов разных поколений в Австрии, Бельгии, Дании, Франции, Германии, Швеции и Нидерландах, многие из них остались недовольны своей жизнью в отличие от тех, кто впоследствии вернулся на родину или вовсе не предпринимал попыток искать работу в Европе. Так, 79% мужчин – трудовых мигрантов первого поколения, оставшихся в Европе, жили за чертой бедности по сравнению с 33% турок, которые остались на родине. К третьему поколению бедными были 49% (почти половина европейских мигрантов). При этом, несмотря на стереотипы о качестве жизни в таких странах, как Бельгия, Швеция и Дания, одни из наиболее высоких показателей бедности среди мигрантов всех трех поколений наблюдались именно там³⁷.

В то же время интересны своей противоречивостью данные европейских исследований, которые, с одной стороны, свидетельствуют о том, что западноевропейские рынки труда создают больше возможностей для трудоустройства женщин турецкого происхождения, чем предоставляют мигрантам из других стран Турции; с другой – выявлено, что женщины с одинаковым

34 Statistics on migration to Europe // European Commission. – 2024. – April 11. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/promoting-our-european-way-of-life/statistics-migration-europe_en (дата обращения: 11.07.2024).

35 Юсел А. Конкуренция производителей кебабов в Европе по воскресеньям. Yücel A. Avrupa pazarında döner kavgası // Dünya. – 27 Haziran. – Турец. яз. – URL: <https://www.dunya.com/ekonomi/avrupa-pazarinda-buyuk-doner-kavgasi-haberi-315477> (дата обращения: 22.09.2023).

36 2021 SME Country Fact Sheet Turkey // European Commission. – 2021. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2021-09/turkey_-_sme_fact_sheet_2021.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

37 Turkish people who migrated to European countries // The Conversation. – 2023. – January 4. – URL: <https://theconversation.com/many-turkish-people-who-migrated-to-european-countries-are-worse-off-than-those-who-stayed-at-home-194004> (дата обращения: 22.09.2023).

уровнем образования в Турции получают работу с более высоким статусом, чем эти же кандидаты в Западной Европе [Guveli, Spierings, 2022, p. 736].

Аналогичная тенденция прослеживается в отношении мигрантов арабского происхождения. Многие из них после неуспешной европейской иммиграции переехали в арабоязычные регионы и отмечали проблему высоких налогов в таких странах, как Швейцария и Германия, заявляя, что в государствах Персидского залива, в частности в Омане и ОАЭ, могут экономить не менее 30% заработной платы и позволить себе более высокий уровень жизни³⁸.

Турецкая миграция в Европу существенно изменила природу европейского бизнеса. Турецкий сегмент европейской этноэкономики, которая представляет особый вид экономики и отличается наличием существенной доли иностранных капиталовложений и этнопредпринимателей, вполне успешно сосуществует с другими его проявлениями и в некоторой степени опережает коренных представителей бизнеса, не делающих ставку на клановость, массовость и другие характеристики, свойственные прежде всего восточным предпринимателям.

Турецкий зарубежный этнобизнес становится новым измерением политики «мягкой силы» Анкары, призванным укрепить влияние Турецкой Республики за счет не только культурно-политического, но и экономического укоренения на пространствах других государств. Принимая во внимание существенную долю турецких ТНК в Европе, а также тот факт, что многие турецкие стартапы с годами выраста-

ют до крупных сетевых предприятий, приобретающих исконно европейские черты, можно сказать, что современная Европа имеет вполне серьезную проблему, связанную с дальнейшим «отуречиванием» экономики, которая, в свою очередь, находится в тесной взаимосвязи с политической системой.

Сферы современного турецкого среднего и мелкого предпринимательства в целом мало чем отличаются от направлений этнобизнеса других мусульманских диаспор: большая часть из них работает в сфере общественного питания и иных услуг. Важным является тот факт, что турецкий малый бизнес в большинстве случаев имеет семейный характер и фактически передается по наследству из поколения в поколение.

При этом крупные турецкие компании заинтересованы в европейском рынке и активно развивают данное направление. Однако на уровне ТНК основным инвестиционным конкурентом Турции в Европе, в особенности в области «зеленых» технологий, остаются компании государств Персидского залива. Данный вывод можно сделать и при оценке сферы исламского банкинга, в содействии развитию которого в Европе Турция серьезно уступает давно существующим и общественно признанным арабским финансовым холдингам.

В остальном турецкие предприниматели в Европе, как и представители других мусульманских диаспор, в целом сталкиваются с одинаковыми проблемами на пути реализации своих проектов, такими как низкие зарплаты, дискриминация по национальному и конфессиональному признакам, а также с разного рода стереотипами

38 Seeking Better Quality of Life, Many Arabs Move From Europe to Gulf Countries // Themedialine. – 2024. – March 29. – URL: <https://themedialine.org/top-stories/seeking-better-quality-of-life-many-arabs-move-from-europe-to-gulf-countries/> (дата обращения: 11.07.2024).

о восточном предпринимательстве, которые больше касаются проектов религиозных женщин-мигрантов.

Список литературы

Иванова М.В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. – 2018. – № 7-14. – С. 7–13.

Игошева М.А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. – 2020. – № 7. – С. 72–84.

Arab Women Entrepreneurs in Spain: Like Cedars Beside the Stream / Roig M., Susaeta L., Suarez E., Pin J.R. // IESE Business School Working Paper. – 2017. – N 1136-E. – 29 p.

Baycan T. Turkish Entrepreneurship in Europe // European Review. – 2013. – N 3. – P. 382–393.

Elveren A.Y., Kar M. Turkey's Economic Integration into the EU: Challenges and Opportunities // Department of Economics Working Paper Series. – 2005. – N 2005-10. – P. 1–27. – URL: https://economics.utah.edu/research/publications/2005_10.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

Guveli A., Spierings N. Migrant Women's employment: international Turkish migrants in Europe, their descendants, and their non-migrant counterparts in Turkey // European Sociological Review. – 2022. – N 38. – P. 725–738.

Immigrant Entrepreneurship: the Case of Turkish Entrepreneurs in the United States / Karadal H., Shneikat B.H.T., Abubakar A.M., Bhatti O.K. // Journal of the Knowledge Economy. – 2021. – N 12. – P. 1574–1593. – DOI: 10.1007/s13132-020-00684-8.

Kacar S.O., Essers C. The interplay between identity construction and opportunity structures: Narratives of Turkish

migrant women entrepreneurs in the Netherlands // International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship. – 2019. – N 7. – P. 713–731.

Kaya A., Kentel F. Euro-Turks: A Bridge or a Breach between Turkey and the European Union? A Comparative Study of French-Turks and German-Turks. – Brussels : Center for European Policy Studies, 2005. – 113 p.

Küçükçan T. Bringing the European Union and Turkey: The Turkish Diaspora in Europe // Insight Turkey. – 2007. – N 4. – P. 85–99.

Niu S., Fan B. An Overview of the Middle East Immigrants in the EU: Origin, Status Quo and Challenges // İstanbul Gelişim Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2016. – N 2. – P. 51–72.

Ozar S. Micro and small enterprises in Turkey: uneasy development // Research Report Series. – 2003. – N 0420. – 98 p. – URL: <https://erf.org.eg/app/uploads/2016/04/PRR0420.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

Sadoveanu D. Islamic Banking in European Union Countries: Challenges And Opportunities // CES Working Papers. – 2011. – N 3. – P. 592–598.

Turkey, Migration and the EU: Potentials, Challenges and Opportunities / Ed. by S.P. Elitok, T. Straubhaar. – Hamburg : Hamburg University Press, 2012. – 281 p.

Гюлер Х. Споры о халяльной пище по Франции: пример «кебаба». Güler H. Fransa'da Helal Gıda Tartışmaları: "Kebab" Örneği // Van Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. – 2021. – N 54. – P. 41–60. – Турец. яз.

Гюлер Х. Турецкие иммигранты от наемного труда к «предпринимательству»: пример Парижа. Güler H. İşçilikten "girişimciliğe" Türkiye'li göçmenler: Paris örneği // Sosyoloji Dergisi. – 2019. – N 39. – P. 81–102. – Турец. яз.

Problems of the Old World

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.08

Ethnoeconomy of Europe: Turkish Segment

Alina I. SBITNEVA

Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: a_sbitneva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9196-9348

CITATION: Sbitneva A.I. (2024). Ethnoeconomy of Europe: Turkish Segment. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 17, no. 2, pp. 153–167 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.08

Received: 14.12.2023.

Revised: 25.06.2024.

ACKNOWLEDGEMENTS. The article was prepared under the Russian Science Foundation grant: project 19-18-00251, "Socio-economic development of large European cities: the influence of foreign investment and labor migration" in MGIMO-University.

ABSTRACT. *The article examines the ethnic factor of the European economy. The migration of the Turks to Europe in the 1960s, formed a special segment of entrepreneurship in the region. A significant part of it was occupied by the representatives of the Turkish diaspora. Several factors including the social one contribute to the active development of the Turkish ethno-business in the European space. In addition, the formation and prosperity of the Turkish ethnic entrepreneurship in Europe is influenced by the high development of family and clan relations as well as the presence of various kinds of auxiliary mechanisms in the form of trade unions and business associations. In the context of small and medium-sized businesses, the key attention is paid to the development of the Turkish fast food industry related to the organization of food outlets, the hotel business, the provision of general services as*

well as tourism and logistics services. Large network business and transnational corporations of Turkey in most cases are engaged in such areas as: restaurant business; hotel business, including the construction of hotels; distribution of retail chains and Turkish brands. Islamic banking has also become a relatively new rapidly developing area of the Turkish ethnobusiness. The author concludes that the Turkish migration has significantly changed the nature of the European business. However, despite the wide representation of Turkish entrepreneurs in Europe, not all of them achieve the desired success and often face various kinds of discriminatory policies of the European authorities that restrict their activities.

KEYWORDS: *Turkey, Europe, migration, entrepreneurship, ethnobusiness, transnational corporations.*

References

- Arab Women... (2017). Roig M. et al. Arab Women Entrepreneurs in Spain: Like Cedars Beside the Stream. *IESE Business School Working Paper*. No. 1136-E, 29 pp.
- Baycan T. (2013). Turkish Entrepreneurship in Europe. *European Review*. No. 3, pp. 382–393.
- Elveren A.Y., Kar M. (2005). Turkey's Economic Integration into the EU: Challenges and Opportunities. *Department of Economics Working Paper Series*. No. 2005-10, pp. 1–27. Available at: https://economics.utah.edu/research/publications/2005_10.pdf, accessed 19.09.2023.
- Güler H. (2019). Turkish immigrants from labor to “entrepreneurship”: the case of Paris. Güler H. İşçilikten “girişimciliğe” Türkiyeli göçmenler: Paris örneği. *Sosyoloji Dergisi*. No. 39, pp. 81–102 (in Turkish).
- Güler H. (2021). Halal Food Discussion in France: The Case of “Kebab”. Güler H. Fransa'da Halal Gıda Tartışmaları: “Kebab” Örneği. *Van Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. No. 54, pp. 41–60 (in Turkish).
- Guveli A., Spierings N. (2022). Migrant Women's employment: international Turkish migrants in Europe, their descendants, and their non-migrant counterparts in Turkey. *European Sociological Review*. No. 38, pp. 725–738.
- Igosheva M.A. (2020). Economic resource of ethnic identity in the context of modern migration processes. *Philosophical Thought*. No. 7, pp. 72–84 (in Russian).
- Immigrant Entrepreneurship... (2021). Karadal H. et al. Immigrant Entrepreneurship: the Case of Turkish Entrepreneurs in the United States. *Journal of the Knowledge Economy*. No. 12, pp. 1574–1593. DOI: 10.1007/s13132-020-00684-8.
- Ivanova M.V. (2018). Ethnic economy: approaches to definition. *Papers of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. No. 7-14, pp. 7–13 (in Russian).
- Kacar S.O., Essers C. (2019). The interplay between identity construction and opportunity structures: Narratives of Turkish migrant women entrepreneurs in the Netherlands. *International Small Business Journal: Researching Entrepreneurship*. No. 7, pp. 713–731.
- Kaya A., Kentel F. (2005). *Euro-Turks: A Bridge or a Breach between Turkey and the European Union? A Comparative Study of French-Turks and German-Turks*. Brussels: Center for European Policy Studies, 113 pp.
- Küçükçan T. (2007). Bringing the European Union and Turkey: The Turkish Diaspora in Europe. *Insight Turkey*. No. 4, pp. 85–99.
- Niu S., Fan B. (2016). An Overview of the Middle East Immigrants in the EU: Origin, Status Quo and Challenges. *İstanbul Gelişim Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. No. 2, pp. 51–72.
- Ozar S. (2003). Micro and small enterprises in Turkey: uneasy development. *Research Report Series*. No. 0420, 98 pp. Available at: <https://erf.org.eg/app/uploads/2016/04/PRR0420.pdf>, accessed 19.09.2023.
- Sadoveanu D. (2011). Islamic Banking in European Union Countries: Challenges And Opportunities. *CES Working Papers*. No. 3, pp. 592–598.
- Turkey, Migration and the EU... (2012). Elitok S.P., Straubhaar T. (eds.). *Turkey, Migration and the EU: Potentials, Challenges and Opportunities*. Hamburg: Hamburg University Press, 281 pp.

Российский опыт

УДК 339.9

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Потенциал сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР в условиях санкций

Владимир Николаевич ЗУЕВ

доктор экономических наук, профессор Института торговой политики, профессор факультета мировой экономики и мировой политики; заведующий кафедрой торговой политики, академический руководитель образовательной программы «Международная торговая политика»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: vzuev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-1271-1200

Елена Яковлевна ОСТРОВСКАЯ

кандидат экономических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: eostrovskaya@hse.ru

ORCID: 0000-0002-8208-3801

Валерия Алексеевна ЛЕВИНА

ассистент Института торговой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 13, с. 4, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: valevina_1@edu.hse.ru

ORCID: 0009-0002-8125-9614

ЦИТИРОВАНИЕ: Зуев В.Н., Островская Е.Я., Левина В.А. Потенциал сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР в условиях санкций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 168–188.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Статья поступила в редакцию 29.02.2024.

Исправленный текст представлен 26.06.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ. В условиях санкционной войны перед Российской Федерацией встают задачи переформатирования внешнеэкономической стратегии, трансформации торговой политики, изменения цепочек поставок и расширения сотрудничества с партнерами, которые придерживаются экономического нейтралитета, в частности со странами Латинской Америки, АТР, Ближнего Востока. Цель данного исследования – определить, насколько в условиях свертывания сотрудничества с западными странами возможно интенсифицировать торгово-экономические связи между Россией и странами МЕРКОСУР как наиболее значимыми потенциальными партнерами из латиноамериканского региона. В работе сформулирован исследовательский вопрос: возможно ли, развивая торговые связи со странами МЕРКОСУР, смягчить влияние санкций на российскую экономику? В статье предпринимается попытка сравнить относительную значимость Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая как торгово-экономических партнеров для России в санкционный период; выявляются факторы роста и ограничители потенциала взаимного торгово-экономического сотрудничества; дана оценка развитию торгово-инвестиционных связей между сторонами; рассчитаны индексы, позволяющие определить возможность замещения утраченных вследствие санкций рынков для экспортно-импортных операций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация торговой политики, санкции, МЕРКОСУР, торговля и инвестиционное сотрудничество.

Предпосылки развития экономического диалога

Торгово-экономические отношения между Россией и Латинской Америкой имеют давнюю историю. Однако наиболее заметными они становятся лишь после формирования Советского Союза. Создание в то время акционерного общества «Южамторг» придало сотрудничеству сторон формализованный характер. К концу Второй мировой войны 13 стран Латинской Америки имели дипломатические отношения с Советским Союзом, что способствовало активизации торгово-экономического диалога. Во второй половине XX в. были заключены торговые соглашения с ведущими странами Латинской Америки, что еще в большей степени способствовало развитию экономических связей¹. Наиболее значимыми и активными в экономических отношениях в регионе Латино-Карибской Америки являются страны МЕРКОСУР (от исп. *Mercado Común del Sur* – MERCOSUR, в пер. – общий рынок Юга). В состав МЕРКОСУР на постоянной основе входят Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай. С 1996 г. Боливия участвует в работе объединения, но без права голоса, хотя всячески стремится стать полноправным членом объединения и внести свой вклад в развитие интеграционных процессов в Южной Америке с учетом своего геостратегического положения. В декабре 2023 г. Бразилия ратифицировала Договор о присоединении Боливии, что стало решающим шагом на пути полноправного участия в объединении². С 2012 по 2017 г. участницей МЕРКОСУР была Венесуэла, членство

1 СССР и Латинская Америка // Энциклопедический справочник «Латинская Америка». – URL: https://latin_america.academic.ru/4282/СССР_и_Латинская_Америка (дата обращения: 01.08.2023).

2 Bolivia en el MERCOSUR ¿Por qué es importante la adhesión a este organismo regional? // CANCELLERIA: BOLIVIA. – 2023. – 19 de diciembre. – Исп. яз. – URL: <https://cancilleria.gob.bo/mre/2023/12/19/13246/#:~:text=QUE%20ES%20EL%20MERCOSUR,pendiente%20solamente%20la%20última%20ratificación> (дата обращения: 23.06.2024).

которой было приостановлено в связи с нарушением в стране демократического строя. Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Гайана и Суринам являются ассоциированными членами, в то время как Мексика имеет статус наблюдателя.

Несмотря на большое количество интеграционных объединений в ЛКА, МЕРКОСУР является центром притяжения южноамериканских государств. МЕРКОСУР представительно выглядит на карте мира, занимая территорию около 15 млн км² с населением около 300 млн человек³ (55,3% населения ЛКА), и занимает как объединение значимые позиции в мировом хозяйстве с совокупным ВВП свыше 2,6 трлн долл. в 2022 г., который делает его 6-й крупнейшей экономикой мира⁴. В 2022 г. совокупный экспорт стран объединения превысил уровень, который был до пандемии, на 43,9%⁵, и составил 444 млрд долл., а импорт – 402 млрд долл.⁶ По своему экономическому потенциалу и значению в мировой экономике по сравнению с другими региональными объединениями МЕРКОСУР находится на 4-м месте и уступает только ЕС, ЮСМКА и АСЕАН [Лавут, 2010]. Экономическая привлекательность региона обусловлена наличием огромных запасов сырьевых и продовольственных ресурсов, а в последнее время также благодаря заметному росту среднего класса и растущему потреблению товаров и услуг [Чувичкина, 2022].

Развитие сотрудничества России с МЕРКОСУР пока не вышло на столь же высокий уровень, как, например, с Китаем или с Турцией, по ряду причин. Одна из них – удаленность партнеров, что является фактором в классических гравитационных моделях внешней торговли [Anderson, 1979]; в пространственной теории торговли близость стран является фактором интенсификации торговли между ними [Киреев, 2011]. Однако в современных теориях фактор расстояния играет второстепенную роль для конкурентоспособности и движения товаров [Олейнов, 2020]. Подобная трансформация объясняется многими причинами, включая (в настоящее время) цифровизацию экономики и внешнеэкономических связей, что нивелирует значение расстояния, в том числе в торговле между странами Латинской Америки и Россией.

Исторически важным фактором отношений был «фактор США». США, заинтересованные в емких рынках, дешевой рабочей силе, природных ресурсах соседних стран, проводили достаточно агрессивную торговую политику в отношении латиноамериканского региона. Однако в настоящее время страны МЕРКОСУР более настороженно относятся к сотрудничеству с США, что проявилось в блокировке Соглашения об Общей всеамериканской зоне свободной торговли. Приорите-

3 Lissardy G. Cuando y por qué América Latina dejó de comprar armamento a Rusia // BBC. – 2022. – 27 de abril. – Исп. яз. – URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-61232803> (дата обращения: 01.08.2023).

4 MERCOSUR. Ministerio de Comercio, Industria y Turismo. – 2023. – 30 de noviembre. – Исп. яз. – URL: [https://www.mincit.gov.co/getattachment/a2ea06ad-cae8-44b0-9f5b-c3868f841896/Mercosur.aspx#:~:text=IMPORTACIONES%202022,carne%20bovina%20congelada%20\(3.7%25\)](https://www.mincit.gov.co/getattachment/a2ea06ad-cae8-44b0-9f5b-c3868f841896/Mercosur.aspx#:~:text=IMPORTACIONES%202022,carne%20bovina%20congelada%20(3.7%25)) (дата обращения: 01.08.2023); Uruguay: national economic profile // CEPALSTAT. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/national-profile.html?theme=2&country=ury&lang=en> (дата обращения: 06.11.2023).

5 Boletín de Comercio Exterior de MERCOSUR. Nuevos canales para la integración en el período pospandemia // CEPAL. – 2023. – Исп. яз. – URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/604a0b86-7e19-41a5-b4e7-49d823f91707/content> (дата обращения: 01.08.2023).

6 MERCOSUR. Ministerio de Comercio, Industria y Turismo. – 2023. – 30 de noviembre. – Исп. яз. – URL: [https://www.mincit.gov.co/getattachment/a2ea06ad-cae8-44b0-9f5b-c3868f841896/Mercosur.aspx#:~:text=IMPORTACIONES%202022,carne%20bovina%20congelada%20\(3.7%25\)](https://www.mincit.gov.co/getattachment/a2ea06ad-cae8-44b0-9f5b-c3868f841896/Mercosur.aspx#:~:text=IMPORTACIONES%202022,carne%20bovina%20congelada%20(3.7%25)) (дата обращения: 01.08.2023).

ты смещаются в сторону повышения конкурентоспособности национальной экономики и выстраивания отношений с нерегиональными партнерами.

В этом смысле существует определенная общность подходов России и стран МЕРКОСУР в области торговой политики – с точки зрения расширения круга потенциальных партнеров [Расширение..., 2023]. И страны МЕРКОСУР, и Россия в выборе зарубежных рынков часто нацелены на нерегиональных партнеров.

Схожая с отношениями МЕРКОСУР с США ситуация характерна для отношений с другим ведущим игроком международной торговли – Евросоюзом (ЕС). Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) МЕРКОСУР с ЕС было подписано еще в 2019 г., однако до сих пор оно не ратифицировано. Торможение в отношениях с США и ЕС может означать дополнительные возможности развития отношений для России и ее партнеров по ЕАЭС, о чем будет сказано далее.

Важной новой дополнительной предпосылкой для развития торгово-экономических отношений между Россией и МЕРКОСУР может стать уже накопленный в последние десятилетия опыт сотрудничества по линии БРИКС. Так, Бразилия и Россия являются членами БРИКС и с начала 2000-х годов активно сотрудничают по вопросам торговли, инвестиций, инфраструктуры, в области продовольственной и энергетической безопасности, в сфере валютно-финансового и социального блока. Бразилия как лидер МЕРКОСУР может способствовать развитию и наполнению отношений и по линии МЕРКОСУР – Россия.

Добавим, что по некоторым вопросам переговорного процесса в рамках

ВТО Россия и страны МЕРКОСУР имели схожие позиции и входили в одну переговорную группу, например по антидемпингу, субсидиям и по сельскому хозяйству.

О возможности расширить торговые связи свидетельствует и торговая взаимодополняемость рассматриваемых стран. Рисунки 1а и 1б свидетельствуют о том, что экспортные группы сторон дополняют друг друга.

Если в экспорте России преобладают топливно-энергетические, химические товары, лесоматериалы, то в экспорте МЕРКОСУР – продовольственные товары и продукция сельского хозяйства. При этом у обеих сторон есть схожая цель – трансформация устоявшихся сырьевых экономик в сторону развития технологического сектора⁷. С учетом специфики стран есть основания полагать, что специализация в технологичных отраслях также будет различаться, следовательно, взаимодополняемость не будет снижаться.

Экономические санкции явились дополнительным фактором интенсификации взаимоотношений между сторонами. В России возросла потребность в диверсификации торговли для восстановления экспортно-импортных потоков, а страны МЕРКОСУР заинтересованы в расширении доступа на емкий российский рынок в условиях роста протекционизма на глобальных рынках.

Участие России в таможенном союзе ЕАЭС не препятствует развитию торговли с МЕРКОСУР. Скорее, наоборот, является дополнительным фактором развития отношений. Так, в решениях Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) ЕАЭС среди важных внешнеэкономических приоритетов наряду с ШОС, инициативой

7 Сысоева А. ЕАЭС, МЕРКОСУР и интеграция // РСМД. – 2019. – 28 января. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-merkosur-i-integratsiya/> (дата обращения: 01.08.2023).

Россия

- Минеральное топливо
- Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы
- Железо и сталь
- Удобрения
- Зерновые
- Алюминий и изделия из него
- Рыба и ракообразные, моллюски
- Медь и изделия из нее
- Животные, растительные жиры и масла
- Руды, шлаки и зола

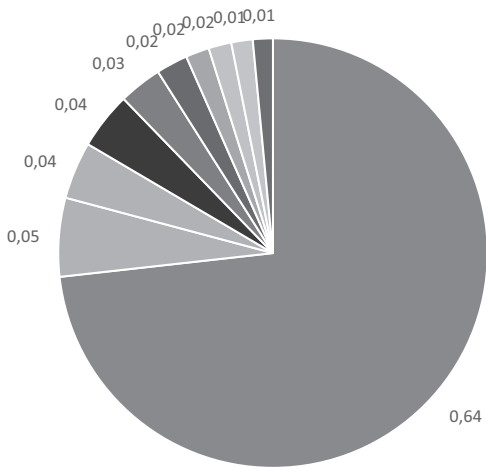

Рисунок 1а. Товарная структура экспорта России в 2023 г., %

Figure 1a. Commodity structure of Russia's exports in 2023, %

Рассчитано по: List of products exported by Russian Federation// TRADEMAP. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx;c1 (дата обращения: 23.06.2024).

МЕРКОСУР

- Минеральное топливо, масла
- Семена масличных культур; зерновые, семена и фрукты
- Руды, шлаки и зола
- Мясо и пищевые мясные субпродукты
- Зерновые
- Транспортные средства
- Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных
- Сахар и кондитерские изделия из сахара
- Чугун и сталь
- Ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические приспособления

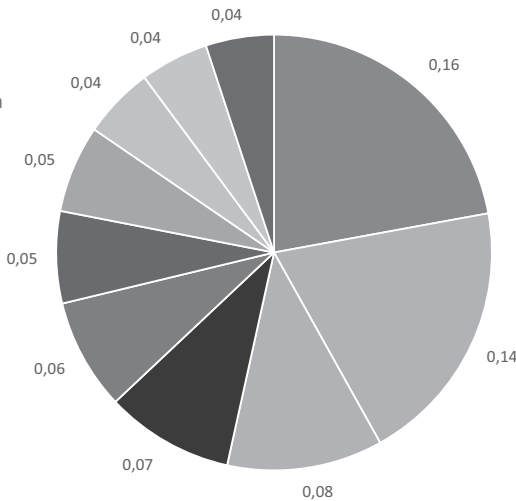

Рисунок 1б. Товарная структура экспорта МЕРКОСУР в 2023 г., %

Figure 1b. Commodity structure of MERCOSUR exports in 2023, %

Рассчитано по: List of products exported by Common Market of the South (MERCOSUR) // TRADEMAP. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx;c1 (дата обращения: 23.06.2024).

«Пояс и путь», АСЕАН упоминается и МЕРКОСУР. Более того, в 2018 г. на заседании ВЕЭС при обсуждении развития связей с Латинской Америкой среди региональных интеграционных объединений (КАРИКОМ, Ассоциация карибских государств, Андская группа, Латиноамериканская ассоциация интеграции) в приоритете однозначно был отмечен МЕРКОСУР как наиболее перспективный партнер для ЕАЭС в Латинско-Карибской Америке.

В 2020 г. ВЕЭС принял Стратегические направления евразийской экономической интеграции до 2025 г. Данная стратегия содержит положения, нацеленные на увеличение веса ЕАЭС в мировой торговой системе и на интенсификацию экономического сотрудничества с третьими странами. Первые шаги по расширению сотрудничества с МЕРКОСУР уже были сделаны. В 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между ЕАЭС и МЕРКОСУР. Были определены сферы сотрудничества, представляющие взаимный интерес (тарифное и нетарифное регулирование, техническое регулирование, санитарные и фитосанитарные нормы и т. д.). Меморандум предполагает возможность открытия переговоров о заключении Договора о всеобъемлющем торгово-экономическом соглашении между сторонами. В последнее десятилетие поиск возможных путей активизации взаимного сотрудничества стал более интенсивным [Воловик, Изряднова, 2019].

В условиях высокой турбулентности мировой экономики активно развивается создание новых союзов и новых партнерств. В определенной мере это время новых инициатив. На наш

взгляд, наступил благоприятный период для раскрытия и развития потенциала сотрудничества между Россией и ее партнерами по ЕАЭС и МЕРКОСУР.

Для государств МЕРКОСУР Россия – перспективный партнер. Латиноамериканские государства не присоединились к санкциям и настроены на развитие торгово-экономических отношений с Российской Федерацией. Участники объединения (кроме Парагвая) не стали подписывать документ Организации американских государств с осуждением начала СВО; Бразилия выступила против исключения России из Группы 20 и не поддержала предложение о приостановке членства России в Совете по правам человека ООН. Аналогичная позиция была подтверждена на саммите стран в Джидде (Саудовская Аравия) в августе 2023 г. Перечень можно продолжить, но уже понятно, что страны МЕРКОСУР больше склонны к нейтралитету и поддерживают развитие торгово-экономического диалога с Россией.

В основе такой позиции стран МЕРКОСУР лежат и серьезные экономические мотивы. Бразилия с 2010 г. является основным партнером России из числа латиноамериканских стран, доля товарооборота с ней составляет около 33% от товарооборота России с этим континентом. Среди перспективных областей сотрудничества можно отметить сектор железнодорожного транспорта, зеленую энергетику, мирный атом. В 2022 г. объем взаимной торговли России и Бразилии составил около 10 млрд долл. (в 2021 г. – 7,5 млрд долл.), в том числе российский экспорт – 8,6 млрд долл.⁸, а импорт – 1,96 млрд долл.⁹

8 Boletín de Comercio Exterior de MERCOSUR. Nuevos canales para la integración en el período pospandemia // CEPAL. – 2023. – Исп. яз. – URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/604a0b86-7e19-41a5-b4e7-49d823f91707/content> (дата обращения: 01.08.2023).

9 Watanabe M., Fagundes Á. Russia becomes Brazil's largest supplier of diesel // Valor International. – 2023. – September 18. – URL: <https://valorinternational.globo.com/economy/news/2023/09/18/russia-becomes-brazils-largest-supplier-of-diesel.ghtml#:~:text=In%20all%20of%20last%20year,the%20largest%20in%20bilateral%20relations> (дата обращения: 06.11.2023).

Позиция Аргентины после президентских выборов претерпела трансформацию, однако объективно Аргентина также заинтересована в развитии экономического сотрудничества с Россией. Приоритетными областями взаимодействия пока остаются здравоохранение, сельское хозяйство, финансы, транспорт, ИТ-технологии.

Хотя Уругвай не присоединился официально к санкционной политике, украинский конфликт первоначально послужил одной из причин сокращения импорта из России. Согласно Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL), в первой половине 2022 г. в Уругвае наблюдалось снижение объемов торговли, что привело к снижению ВВП и росту инфляции¹⁰. Тем не менее уже со второй половины 2022 г. удалось не только стабилизировать российско-уругвайские торгово-экономические отношения, но и увеличить взаимный товарооборот. Российско-уругвайский товарооборот в 2022 г. составил 192,3 млн долл. На российский экспорт пришлось 118,7 млн долл.¹¹, а на импорт – 73,6 млн долл.¹² В числе статей российского экспорта – минеральные и химические удобрения, минеральное топливо и битуминозные вещества. Импорт состоит в основном из сельскохозяйственной продукции (мясная и молочная продукция, яйца, птица, мед, рыба и ракообразные, фрукты и орехи, а также кофе, чай, пряности).

Импорт парагвайских товаров сократился в 2022 г. на 53% из-за прекращения производства сои в Парагвае по причине засухи, а соя является основной статьёй российского импорта. Парагвай увеличил на 58% закупки российской нефти и электрооборудования. При этом, правда, наблюдалось снижение реальных объемов импорта химических товаров, в том числе удобрений, при росте показателей в стоимостном выражении.

Говоря о Боливии, стоит отметить, что торговое сотрудничество находится на невысоком уровне. Лидеры стран признают данную проблему, однако видят потенциал взаимодействия. В июне 2024 г. состоялась встреча В.В. Путина и Луиса Арсе, на которой были обозначены пути увеличения объемов торговли¹³.

Можно заключить, что экономические интересы имеют большое значение для формирования внешней стратегии стран МЕРКОСУР. Страны объединения осознают необходимость диверсификации внешнеэкономических связей. В рамках этой стратегии страны МЕРКОСУР выступают за развитие отношений и с Россией и с ее партнерами по ЕАЭС, и с ЕС, и с США, и со многими другими государствами¹⁴. Роль России во внешней торговле МЕРКОСУР пока невелика, но представляется удобный момент для углубления и расширения контактов с емким российским рынком.

10 Uruguay: national economic profile // CEPALSTAT. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/national-profile.html?theme=2&country=ury&lang=en> (дата обращения: 06.11.2023).

11 Uruguay Imports from Russia // Trading Economics. – n/y. – URL: <https://tradingeconomics.com/uruguay/imports/russia> (дата обращения: 06.11.2023).

12 Uruguay Imports from Russia // Trading Economics. – n/y. – URL: <https://tradingeconomics.com/uruguay/imports/russia> (дата обращения: 06.11.2023).

13 Rusia y Bolivia apuestan por aumentar relaciones comerciales // Prensa Latina. – 2024. – 6 de junio. – Исп. яз. – URL: <https://www.prensa-latina.cu/2024/06/06/rusia-y-bolivia-apuestan-por-aumentar-relaciones-comerciales/> (дата обращения: 23.06.2024).

14 Yberry M. "Que se escuchen las 2 partes". Latinoamérica no cede ante la presión europea de apoyar a Zelenski // Sputnik. – 2023. – 2 de julio. – Исп. яз. – URL: <https://sputniknews.lat/20230702/que-se-escuchen-las-dos-partes-latinoamerica-no-cede-ante-la-presion-europea-de-apoyar-a-zelenski-1141158344.html> (дата обращения: 01.08.2023).

Пределы и возможности торгового сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР

В сложившихся условиях существует неиспользованный потенциал торгово-экономического сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР. Сейчас доля стран объединения в товарообороте России составляет всего 1,33%; для МЕРКОСУР Россия тоже не является приоритетным партнером (1,5% от общего объема торговли в 2021 г.). Несмотря на некоторый рост взаимного товарооборота в количественном и стоимостном выражении в отдельные годы (2008, 2011–2013 и 2018 гг.), доля партнеров в общем товарообороте фактически не менялась. Это свидетельствует о том, что развитие имеющегося потенциала по-прежнему остается актуальной задачей.

Однако реализация задачи осложняется активной торговой политикой Китая в данном регионе в настоящее время. Так, импорт МЕРКОСУР из Китая увеличился более чем в 20 раз (с 2,9 млрд долл. в 2001 г. до 63,5 млрд долл. в 2021 г.), а экспорт – более чем в 30 раз (с 3,1 млрд до 94 млрд долл.). В результате доля КНР в общем товарообороте МЕРКОСУР увеличилась с 3,4 до 22,5%. Это произошло на фоне снижения доли ЕС с 22 до 14%, несмотря на подписанное в 2019 г. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕС и МЕРКОСУР, которое многие эксперты относят к числу мегарегиональных проектов с учетом глубины и охвата повестки. Несмотря на то, что торговое соглашение ЕС – МЕРКОСУР до сих пор не ратифици-

ровано, оно оказывает существенное влияние на торговлю между сторонами. Одной из причин сокращения темпов роста торговли являются протесты фермеров в некоторых странах Европейского союза, обеспокоенных высокой конкуренцией со стороны аграрной продукции стран МЕРКОСУР¹⁵. Доля США также снизилась за этот период с 20 до 12%, хотя США продолжают активно конкурировать за экономическое влияние в Латинской Америке¹⁶. Несмотря на это, шансы у России увеличить свое присутствие на рынке МЕРКОСУР высоки. Достаточно посмотреть на опыт Китая. В середине второго десятилетия текущего века трудно было представить, что Китаю удастся потеснить ведущие экономические державы. Но сегодня это реальность.

В 2021 г. на МЕРКОСУР приходилось более половины объема торговли России с Латинской Америкой (10,8 млрд долл.) [Гонсалес, Бельотт, 2022]. Основным партнером России из стран МЕРКОСУР является Бразилия. Это связано с размером страны, ее торговым потенциалом и с тем, что Россия развивает торгово-экономические отношения с Бразилией в двух форматах: на двустороннем уровне и в рамках БРИКС, – и с тем, что Бразилия является своего рода лидером не только в МЕРКОСУР, но и в регионе в целом. В количественном отношении показатели не впечатляют, поскольку на Бразилию приходится всего 1% внешне-торгового оборота России, но в то же время ей удалось подняться на девять ступенек в списке торговых партнеров России – с 28-го места в 2020 г. на 19-е в 2021 г. Россия поставляет в Бразилию

15 Tähtinen L. EU-Mercosur: So Much More Than a Dead Deal // CSIS. – 2024. – March 26. – URL: <https://www.csis.org/analysis/eu-mercursosur-so-much-more-dead-deal> (дата обращения: 23.06.2024).

16 Рассчитано по данным ОЕС и ИТС: MERCOSUR in brief // MERCOSUR. – n/y. – URL: <https://www.mercosur.int/en/about-mercursosur/mercursosur-in-brief/> (дата обращения: 01.08.2023); Trade statistics for international business // ITC Trade Map. – n/y. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelfProduct_TS.aspx?nvpm= (дата обращения: 25.08.2023).

в основном удобрения и другую продукцию химической промышленности (около 70%), сырье (22%), металлические изделия (около 6%), машины и оборудование (1%), а также аграрную продукцию (1%)¹⁷.

Наибольшая заинтересованность Бразилии в российском импорте проявляется в отношении удобрений, нефти и нефтепродуктов, машин и оборудования, пластмассовых изделий, черных металлов. Бразилия активно выступала за снятие американских санкций с экспорта российских удобрений, мотивируя тем, что это тормозит реализацию ЦУР и препятствует решению глобальной продовольственной проблемы. Также требуется выстраивание транспортных и логистических цепочек поставок с тем, чтобы российская металлургическая продукция могла конкурировать с аналогичными товарами из Китая и других стран. Импорт России из Бразилии почти на 94% состоит из продукции сельского хозяйства и сельскохозяйственного сырья. Есть интерес и возможность увеличить импорт за счет машин и оборудования, ядерных реакторов, химических товаров.

Аргентина занимает 2-е место среди стран МЕРКОСУР по объему сотрудничества с Россией. Но в списке основных российских партнеров занимает лишь 62-е место (по данным 2021 г.), доля в общем товарообороте Российской Федерации – 0,2%. Товарооборот между Россией и Аргентиной в последние годы увеличивался, в частности в 2021 г. – на 52,8%¹⁸. Но перспективы наращивания торговли остаются неясными в связи с неопределенностью тор-

говой политики Аргентины после вступления в президентскую должность Хавьера Милея. Основными статьями российского экспорта в Аргентину являются химическая продукция (81%), минеральное сырье (8,5%), металлы и изделия из них (6%), машины и оборудование (2%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (2%). Потенциалом для наращивания экспорта обладают фармацевтическая промышленность, нефтепродукты, железная руда, минеральные удобрения. В импорте России, как и в случае с Бразилией, преобладает продукция сельского хозяйства и рыболовства (93%). В то же время очевидно, что уровень экономического развития Аргентины позволяет диверсифицировать поставки в Россию за счет машин и оборудования, химической промышленности, черной металлургии и т. д.

За последние годы заметно увеличилась доля Парагвая в поставках МЕРКОСУР на российский рынок. Это связано с резким ростом российского импорта говядины и сои. Экспорт России в Парагвай тоже имел тенденцию к повышению. Так, в 2021 г. и экспорт, и импорт России в эту страну увеличились более чем на 50%, но при этом доля Парагвая в российском товарообороте составила лишь 0,11%¹⁹. Парагвай занял в 2021 г. 72-е место по доле в товарообороте России, поднявшись на три ступеньки по сравнению с 2020 г. Учитывая импортные потребности Парагвая, можно заметить, что у России есть возможность наращивать экспорт лекарств, минерального топлива, нефтепродуктов, древесины, древесного угля, пластмасс, серы и т. д.

17 Торговля между Россией и Бразилией в 2021 г. // Внешняя торговля России. – 2022. – 12 февраля. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-braziliey-v-2021-g/> (дата обращения: 01.08.2023).

18 Торговля между Россией и Аргентиной в 2021 г. // Внешняя торговля России. – 2022. – 12 февраля. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-argentinoy-v-2021-g/> (дата обращения: 01.08.2023).

19 Торговля между Россией и Парагваем в 2021 г. // Внешняя торговля России. – 2022. – 12 февраля. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-paragvaem-v-2021-g/> (дата обращения: 01.08.2023).

Уругвай – единственная страна из всех участниц МЕРКОСУР, которая в 2021 г. показала отрицательную динамику торговли в списке партнеров России. По доле в российском товарообороте в 2021 г. Уругвай занял 112-е место (в 2020 г. – 105-е) при сокращении доли с 0,028 до 0,022%. Однако возможности для наращивания сотрудничества имеются. В экспорте Российской Федерации при сопоставлении возможностей спроса и предложения партнеров можно увеличить поставки минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки; битуминозных веществ, а также ядерных реакторов, котлов, оборудования и механических устройств. Россия заинтересована в увеличении поставок из Уругвая мяса, в первую очередь говядины, а также семян, сои, овощей и фруктов.

Таким образом, анализ торговых связей между Россией и странами МЕРКОСУР показывает пока незначительный темп развития взаимной торговли. Отчасти это связано с тем, что в основном торговый диалог поддерживался на уровне ЕАЭС – МЕРКОСУР и не отличался активностью обеих сторон. В настоящее время перевод торговых отношений в правовое поле Таможенного союза ЕАЭС может отчасти смягчать санкционное давление на торговые отношения с Россией в составе Таможенного союза.

События 2022 г. привели к росту цен на сырье, прежде всего на нефть, металлы и аграрную продукцию, что в некоторой степени способствовало росту экспорта нефти из Бразилии и экспорта зерна из Бразилии и Аргентины. Однако этот тренд имеет краткосрочный эффект, цены на энергоресурсы и сель-

хозтовары достаточно волатильны, с одной стороны, а с другой – приводят к росту цен во всей производственной цепочке, что стимулирует инфляцию и замедление экономического роста²⁰. Россия поставляла товары военного назначения в страны Латинской Америки: Бразилия, например, являлась одним из крупнейших импортеров российских военных вертолетов. В последние годы экспорт товаров военного назначения сократился из-за проведения СВО и из-за политики Бразилии по трансформации товарной структуры импорта за счет снижения товаров военного назначения вследствие относительной стабилизации политической ситуации и в условиях дефицита финансовых средств из-за окончания сырьевого бума. В период с 2017 по 2021 г. импорт оружия южноамериканскими государствами достиг самого низкого уровня по сравнению с любым другим пятилетним периодом за последние полвека²¹.

Если рассматривать страны МЕРКОСУР как потенциально более значимых торговых партнеров России в условиях санкционного противостояния с Западом и принимать во внимание возможности переориентации торговых потоков российских товаров в этом направлении, то, согласно произведенным нами расчетам индекса региональной ориентации, Россия может увеличить экспорт удобрений, фармацевтической и химической продукции. Страны МЕРКОСУР могут наполнить российский аграрный рынок и частично восполнить выпадение импорта из западных стран за счет роста экспорта сельскохозяйственных товаров. В отношении высокотехнологичных, иннова-

20 Barría C. Rusia y Ucrania: qué efectos puede tener la invasión rusa en las economías de América Latina // BBC. – 2022. – 15 de marzo. – Исп. яз. – URL: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-60741690> (дата обращения: 01.08.2023).

21 Total Annual Gross Domestic Product (GDP) at current prices in dollars // CEPALSTAT. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: <https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/dashboard.html?theme=2&lang=en> (дата обращения: 01.08.2023).

ционных товаров, предметов роскоши и большинства позиций раздела «машины и оборудование» торговый диалог Россия – МЕРКОСУР вряд ли приведет к реальным результатам²².

Для еще более детальной оценки возможностей активизации взаимной торговли следует обратиться также к расчету индекса комплементарности, который показывает, насколько взаимодополняема структура торговли между странами, то есть насколько структура экспорта одной страны соответствует структуре импорта другой²³. Чем выше значение индекса комплементарности, тем больше вероятность интенсификации торговли между странами.

На рисунке 2 показана динамика индекса комплементарности с 2003 по 2021 г. для России и Бразилии. Совпадения экспорта России и импорта Бразилии демонстрируют восходящий тренд: в 2005 г. индекс равнялся 37%, а в дальнейшем колебался в диапазоне от 54 до 57%. Индекс комплементарности импорта России и экспорта Бразилии имеет тенденцию к понижению в рассматриваемый период – с 55% в 2003 г. до 29% в 2021 г. Таким образом, бразильский рынок открыт и перспективен для увеличения российского экспорта. Относительно импорта из Бразилии можно отметить, что, согласно рассчитанному

индексу комплементарности, перспективы достаточно скромные.

Нами также были произведены расчеты для России и Аргентины. На протяжении почти 20-летнего периода все значения индекса комплементарности были больше 50, что говорит о достаточно высокой дополняемости структуры экспорта и импорта рассматриваемых стран, следовательно, Аргентина является перспективным рынком как для продажи российской продукции, так и для наращивания аргентинского экспорта.

Что касается Уругвая, то в течение рассматриваемого периода экспорт России и импорт Уругвая совпадали более чем на 40%, а с 2006 г. показатель вырос до 57% и в дальнейшем оставался практически на том же уровне – 54–56%. Совпадение импорта России и экспорта Уругвая также имеет достаточно низкие показатели: в 2003–2006 и 2009 гг. – чуть больше 30%, а в остальные годы – меньше 30%, то есть импорт уругвайских товаров не представляет значимого интереса для России.

Индекс комплементарности, рассчитанный для России и Парагвая по динамике и значению, напоминает ситуацию с Уругваем. Совпадение экспорта России и импорта Парагвая колеблется на уровне около 55%, что, как отмечалось, является высоким показателем

22 Индекс региональной ориентации:

$$\frac{\sum_d x_{id} / \sum_d x_{sd}}{\sum_w x_{iw} / \sum_w x_{sw}},$$

где x_{id} – экспорт страны в страну-партнер по товарной группе, x_{sd} – общий экспорт страны в страну-партнер по всем товарным группам, x_{iw} – экспорт страны во все страны мира по товарной группе, x_{sw} – общий экспорт страны во все страны мира по всем товарным группам. Значение данного индекса находится в пределах от 0 до ∞ ; значения больше 1 указывают на смещение в экспорте продукта в регион; значения меньше 1 свидетельствуют об отсутствии регионального уклона в экспорте товара [Mikić, Gilbert, 2009, p. 78–79].

23 Индекс комплементарности торговли:

$$\left[1 - \left(\sum_i \left| \frac{\sum_w m_{iwd}}{\sum_w M_{wd}} - \frac{\sum_w x_{iww}}{\sum_w X_{sw}} \right| \right) \div 2 \right] \times 100,$$

где m_{iwd} – импорт страны из всех стран мира по товарной группе, M_{wd} – общий импорт страны-партнера из всех стран мира, x_{iww} – экспорт страны-партнера по ЗСТ из всех стран мира по товарной группе, X_{sw} – общий экспорт страны во все страны мира [Mikić, Gilbert, 2009, p. 80–81].

Рисунок 2. Динамика индекса комплементарности для России и Бразилии в 2003–2021 гг.

Figure 2. Dynamics of the complementarity index for Russia and Brazil in 2003–2021

Рассчитано по: Bilateral trade between Russian Federation and Brazil // TRADEMAP. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c076%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 01.08.2023).

(совпадение импорта России и экспорта Парагвая ниже 20%). Это означает, что торгуемые товарные группы импорта России не совпадают с товарными группами экспорта Парагвая.

Для обобщения полученных результатов был подсчитан индекс комплементарности для России и стран объединения МЕРКОСУР в целом, выступающего в мировой торговле в качестве недавно признанного таможенного союза (рисунок 3). Результат предопределен анализом по отдельным странам: совпадение экспорта России и импорта МЕРКОСУР (55%) более чем в 2 раза превосходит совпадение импорта России и экспорта МЕРКОСУР (20–25%).

Таким образом, расчеты и проведенный анализ индекса комплементарности для России и стран – членов МЕРКОСУР свидетельствуют о большом потенциале наращивания россий-

ского экспорта в этот регион. Положительный результат по импорту из стран МЕРКОСУР, то есть наличие высокого совпадения по товарным группам импорта России и экспорта страны – участницы МЕРКОСУР, присутствует только в случае с Аргентиной. Тем не менее, основываясь на качественном анализе, можно предположить, что экспорт Бразилии на российский рынок тоже может увеличиться, учитывая весомое значение страны в международной торговле и сотрудничество с Россией на разных площадках (БРИКС, ВТО и т.д.). Кроме того, в 2003 г. совпадение импорта России и экспорта Бразилии составляло 55%, в 2015 г. – 45%, что свидетельствует о принципиальной возможности наращивания бразильского экспорта в сложившихся условиях. В случае с Уругваем и Парагваем экономический эффект для обеих сто-

Рисунок 3. Динамика индекса комплементарности для России и МЕРКОСУР в 2003–2021 гг.

Figure 3. Dynamics of the complementarity index for Russia and MERCOSUR in 2003–2021

Рассчитано по: Bilateral trade between Russian Federation and Common Market of the South (MERCOSUR) // TRADEMAP. Statistical Databases and Publications. – n/y. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c34%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 06.11.2023).

рон будет более ощутим при увеличении экспорта России в эти страны, чем при увеличении ее импорта.

Потенциал инвестиционного сотрудничества

Каким потенциалом обладает МЕРКОСУР как инвестиционный партнер России? В настоящее время взаимное инвестиционное сотрудничество находится на невысоком уровне. По данным ЦБ России, в 2016–2020 гг. лидером по объему накопленных российских прямых инвестиций была Бразилия – 150,5 млн долл.²⁴ В 2021 г. ПИИ России в Бразилию составили 9 млн долл.,

в Аргентину и Уругвай – по 2 млн долл. США [Kuznetsov, 2022].

В Бразилии российский капитал представлен в основном в нефтяной, металлургической и химической промышленности. Так, например, «Роснефть» приобрела 51% акций в проекте по разработке нефтяного месторождения «Солимоинс», правда, в 2020 г. он был заморожен из-за снижения уровня добычи нефти в рамках сделки ОПЕК+²⁵. «Уралкалий» и «Еврохим» приобрели 25% акций крупного дистрибьютора минеральных удобрений в Бразилии в конце 2021 г. Однако компаниям не удалось установить контроль над бразильскими заводами

24 Статистика внешнего сектора // Банк России. – 6/д. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 06.11.2023).

25 «Роснефть» заморозила свой проект в Бразилии из-за сделки ОПЕК+ // Интерфакс. – 2020. – 18 мая. – URL: <https://www.interfax.ru/business/709194> (дата обращения: 06.11.2023).

по производству минеральных удобрений, несмотря на многочисленные попытки²⁶. В металлургической отрасли компания «Мечел» инвестировала 200 млн долл. на приобретение 75% акций бразильской металлургической компании *USIPAR*, а «Северсталь» 49 млн долл. – 25% акций *SPG Mineracao* – компании, владеющей лицензией на разработку железорудных месторождений.

Инвестиционное сотрудничество с Аргентиной концентрируется на участии России в строительстве нефте- и газопроводов, а также в модернизации железных дорог и электростанций, некоторые из них были построены с использованием советских технологий и оборудования²⁷. Так, РЖД принадлежит 75% уставного капитала логистической компании *Group GEFCO*, а «Трансмашхолдинг» вложил 70 млн долл. в завод по производству железнодорожных вагонов и локомотивов. В Уругвае *MidUral Group* владеет 100% уставного капитала химической компании *Dirox S.A.*, а в Парагвае компания «Содружество» – 60% акций в СП *SARCOM* (сеть речных портовых терминалов). ПИИ стран – членов МЕРКОСУР в российскую экономику еще скромнее. В лидерах оказалась Аргентина с капиталовложениями 20 млн долл. в 2016–2020 гг., в основном в производство зерносушилок, розлив растительного масла и сбытовую фар-

мацевтическую компанию. Инвестиции Бразилии в тот же период составили 2,8 млн долл.²⁸

Существует взаимная заинтересованность между сторонами в активизации взаимных инвестиций. Госкорпорация «Росатом» в 2017 г. подписала Меморандум о взаимопонимании (МОВ) с бразильскими компаниями *Centrais Elétricas Brasileiras (Eletrobras)* и *Eletrobras Termonuclear SA (Eletronuclear)* в целях содействия сотрудничеству в области ядерной энергетики. Это предполагает возможное строительство новой атомной электростанции в Бразилии. Документ также охватывает предоставление услуг, включая эксплуатацию, техническое обслуживание и вывод из эксплуатации, управление ядерным топливом, продление срока службы существующих атомных электростанций в Бразилии, обучение и подготовку персонала по атомной энергетике, повышение осведомленности общественности о ядерной энергетической программе Бразилии²⁹. К 2024 г. «Росатом» стал одним из крупнейших поставщиков атомной продукции для медицины³⁰, наращивает потенциал в экспорте урана и лития³¹.

В 2018 г. «Росатом» подписал Стратегический документ с Аргентиной, подтверждающий их партнерство в мирном использовании ядерной энергии. Разра-

26 New Study by ECLAC Analyzes the Impacts of the War in Ukraine on Uruguay's Economy // ECLAC. – 2022. – December 22. – URL: <https://www.cepal.org/en/news/new-study-eclac-analyzes-impacts-war-ukraine-uruguays-economy> (дата обращения: 01.08.2023).

27 Alberto Fernández: «Estamos dando un paso importante para que la Argentina y Rusia profundicen sus lazos» // Cancillería. – n/y. – Исп. яз. – URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/destacados/alberto-fernandez-estamos-dando-un-paso-importante-para-que-la-argentina-y-rusia> (дата обращения: 01.08.2023).

28 Статистика внешнего сектора // Банк России. – 6/д. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (дата обращения: 06.11.2023).

29 Russian and Brazilian firms to cooperate in nuclear power // WNN. World Nuclear News. – 2017. – November 28. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/NP-Russian-and-Brazilian-firms-to-cooperate-in-nuclear-power-28111701.html> (дата обращения: 01.08.2023).

30 Росатом принял участие в международной конференции *Nuclear Trade and Technology Exchange* в Бразилии // Росатом. – 2023. – May 5. – URL: <https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnoy-konferentsii-nuclear-trade-and-technology-exchange-v-brazi/> (дата обращения: 23.06.2024).

31 Предприятие Топливной компании Росатома «ТВЭЛ» поставит литий-7 для атомных энергоблоков в Бразилии // Росатом. – 2023. – 13 мая. – URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/predpriyatie-toplivnoy-kopanii-rosatoma-tvel-postavit-lity-7-dlya-atomnykh-energoblokov-v-brazilii/> (дата обращения: 23.06.2024).

ботка стратегий и технологий для строительства АЭС большой и малой мощности рассматривается в документе как основное направление взаимного сотрудничества. Также предполагается совместная реализация проектов по строительству и обслуживанию АЭС в третьих странах, создание флота плавучих АЭС, строительство исследовательских центров, подготовка кадров и т.д.³² В 2023 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве в сфере развития технологий добычи урана³³.

В Боливии также широко представлена деятельность «Росатома»: в 2023 г. начал работу комплекс по производству радиофармпрепаратов в городе Эль-Альто³⁴.

При использовании потенциала взаимного инвестиционного сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР стороны исходят из того, что наибольший интерес для правительств представляют высокотехнологичные области (аэрокосмическая, телекоммуникационная, атомная и т.п.). Так, в 2019 г. был подписан Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о сотрудничестве в области освоения космоса и использования космического пространства в мирных целях³⁵. Аргентина также была заинтересована в реализации проектов в области нефтегазовой промышленности, энергетики и водных технологий.

Взаимный интерес в развитии инвестиционного сотрудничества суще-

ствует. Вопрос в том, насколько можно развить этот потенциал в современных условиях с точки зрения существующей логистической инфраструктуры, сложившейся системы внешних связей и, наконец, геополитической обстановки. Экономико-правовые условия выхода иностранных компаний на рынок МЕРКОСУР мало знакомы российским инвесторам в силу ограниченного характера сотрудничества.

В Латинской Америке в целом и в МЕРКОСУР в частности традиционно развивалась конкурентная борьба за сферы влияния между США, странами ЕС, странами внутри региона, а в последнее время – и с Китаем [Чиркин, 2022]. Это создавало высококонкурентную среду для наращивания российских инвестиций в странах МЕРКОСУР. Поэтому инвестиционное сотрудничество находилось на низком уровне, и даже в условиях диверсификации торгово-экономических связей России после февраля 2022 г. заметного роста потоков инвестиций пока не произошло. Для укрепления позиций России в странах МЕРКОСУР необходимо разработать взвешенную внешнеэкономическую стратегию, учитывающую специфику региона, направления сотрудничества, представляющие взаимный интерес, возможные инструменты их реализации. Прямые инвестиции, наряду с торговлей товарами, должны стать основой программы сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР,

32 Russia and Argentina signed a strategic document, envisaging improved cooperation in the peaceful use of nuclear energy // Rosatom. – 2018. – December 3. – URL: <https://rosatom.ru/en/press-centre/news/russia-and-argentina-signed-a-strategic-document-envisaging-improved-cooperation-in-the-peaceful-use/> (дата обращения: 01.08.2023).

33 Росатом и Министерство науки и технологий Аргентины подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере развития технологий добычи урана // РЭИН РОСАТОМ. – 6/д. – URL: <https://rusatom-energy.ru/media/rosatom-news/rosatom-i-ministerstvo-nauki-i-tekhnologiy-argentyiny-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-v-sfere-/> (дата обращения: 23.06.2024).

34 В Боливии начал работать комплекс по производству радиофармпрепаратов, построенный Росатомом // Росатом. – 2023. – 10 марта. – URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/v-bolivii-nachal-rabotat-kompleks-po-proizvodstvu-radiofarmpreparatov-postroenny-rosatomom/> (дата обращения: 23.06.2024).

35 Argentina and Russia strengthen bonds of cooperation in peaceful uses of outer space // Cancilleria. – 2019. – November 8. – URL: <https://cancilleria.gob.ar/en/announcements/news/argentina-and-russia-strengthen-bonds-cooperation-peaceful-uses-outer-space> (дата обращения: 01.08.2023).

в формировании которой должны участвовать Правительство Российской Федерации, представители бизнеса и научных кругов [Kuznetsov, 2022, р. S859 – S864], а также партнеры по ЕАЭС.

Вместе с тем отсутствие на рынке стран МЕРКОСУР агрессивного инвестиционного присутствия Китая создаст и определенное поле возможностей. Принимая во внимание, что ЕС в последние два года больше обращен на решение внутренних проблем и обеспечение своей энергетической безопасности, его возможности расширения инвестирования в столь удаленном регионе ограничены. Для США же расширение военной внешней поддержки на двух направлениях одновременно также сдерживает инвестиционную активность в данном регионе, хотя США всё еще остаются крупнейшим инвестором в Бразилии. Для Китая данный регион не стал пока приоритетным. Поэтому для России в регионе возникают благоприятные условия, когда основные конкуренты (США, ЕС, Китай) отвлечены иными приоритетами, а санкционное противостояние с Западом является мощным стимулом для поиска Россией новых неангажированных санкциями партнеров. МЕРКОСУР, как было показано расчетом индексов, имеет достаточные предпосылки стать таким партнером. Однако следует иметь в виду, что и страны МЕРКОСУР (в случае активизации связей с Россией) могут стать объектом западного давления, хотя, как было показано, пока им удавалось противостоять давлению и не вводить санкции против России.

Заключение

Наложение на Россию санкционных ограничений, уход многих иностранных компаний с российского рынка, сбои в цепочках поставок, прекращение диалога с традиционными партнерами – да-

леко не полный перечень причин, которые поставили перед Россией необходимость поиска новых векторов развития внешнеэкономических связей. Одним из таких векторов могут стать страны МЕРКОСУР.

Руководители стран – участниц этого объединения выразили готовность продолжать сотрудничество с Россией, соблюдая нейтралитет в экономической политике. Интерес МЕРКОСУР базировался на стремлении освоить емкий российский рынок. Для этого имеются объективные предпосылки. В случае расширения сотрудничества специализации каждой из сторон могут стать взаимодополняемыми.

Анализ торговых связей между Россией и странами МЕРКОСУР показывает пока незначительную долю сторон в товарообороте друг друга – она колеблется в интервале 1,3–1,5%, хотя за последние 20 лет динамика торговли в количественном и стоимостном выражении была положительной.

МЕРКОСУР выступает в международной торговле в качестве таможенного союза, поэтому регулирование взаимных торговых связей могло бы получить дополнительные стимулы по линии ЕАЭС – МЕРКОСУР. В настоящее время перевод торговых отношений в правовое поле Таможенного союза ЕАЭС может отчасти смягчать санкционное давление на торговые отношения с Россией в составе таможенного союза. Фактор ЕАЭС в торговых отношениях с МЕРКОСУР становится более значимым в свете коррекции приоритетов торговой политики ЕАЭС в 2018 г., когда на заседании Высшего Евразийского экономического союза МЕРКОСУР был обозначен среди перспективных партнеров объединения.

Важной новой дополнительной основой развития торгово-экономических отношений между Россией и МЕРКОСУР может стать накоплен-

ный опыт сотрудничества в рамках БРИКС. Бразилия и Россия являются членами БРИКС и активно сотрудничают по вопросам торговли, инвестиций, инфраструктуры, в области продовольственной и энергетической безопасности. Взаимный диалог между Россией и Бразилией ведется в двустороннем и многостороннем форматах. Бразилия как лидер МЕРКОСУР может способствовать развитию и наполнению отношений и по линии МЕРКОСУР – Россия.

Латиноамериканский регион является привлекательным своими природно-климатическими условиями и, как следствие, уровнем развития агропромышленного комплекса, залежами полезных ископаемых, относительно дешевыми трудовыми ресурсами. Страны МЕРКОСУР активно вовлечены в международные торгово-инвестиционные связи. Как быстро можно наладить активные связи? В этом отношении показателен опыт Китая. За последние 20 лет импорт МЕРКОСУР из Китая увеличился в 20 раз, а экспорт – в 30 раз. Следовательно, потенциальные возможности существуют. Для начала надо понять, какие товары российского производства обладают конкурентным преимуществом на рынке МЕРКОСУР и, соответственно, в каких товарах нуждается российская экономика и насколько они могут заполнить ниши, возникшие вследствие санкционного противостояния. В данной работе часть этих ниш обозначены.

Если учитывать потенциальные возможности МЕРКОСУР стать более значимым торговым партнером для России, то в соответствии с рассчитанными нами индексами региональной ориентации Россия сможет, например, увеличить поставки продукции химической промышленности, в первую очередь удобрений и фармацевтики. МЕРКОСУР, в свою очередь, будет иметь возможность расширить экспорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Расчет индекса комплементарности для России и для стран МЕРКОСУР отдельно и в целом показывает, что степень взаимодополняемости экспорта России и импорта любой страны – члена МЕРКОСУР высокая, что означает наличие благоприятных перспектив в отношении роста российского экспорта на «прилавки» Общего рынка Южного конуса. Причем самые высокие значения индекса у России и Аргентины – около 90%; в то же время аналогичные показатели для России и Бразилии, Уругвая и Парагвая ниже, но всё же достаточно высоки и составляют около 55%. Согласно индексу комплементарности в торговых отношениях между Россией и МЕРКОСУР есть хорошие предпосылки развития торговли. В отношении Бразилии, Уругвая и Парагвая следует больше ожидать роста российского экспорта при стабильном объеме российского импорта. Тем не менее не исключено, что сценарий развития торговых связей между Россией и Бразилией будет более благоприятным прежде всего в силу наращивания бразильского экспорта продовольствия на российский рынок. После 2022 г. импорт из «дружественных» стран имеет хорошие перспективы увеличения.

По объемам российских инвестиций лидирует Бразилия (2021 г. – 9 млн долл.). Есть высокий взаимный интерес в развитии диалога в области атомной энергии, а также в других высокотехнологичных отраслях. Однако реализовать этот интерес и воплотить высокотехнологичные проекты на практике – задача не из легких. С одной стороны, препятствуют объективные обстоятельства – отсутствие накопленного опыта сотрудничества, незнакомые для компаний рынки, высокая конкуренция. С другой – сложившаяся геополитическая ситуация осложняет ведение инвестиционного сотрудничества. Политическая неопределен-

ность, связанная с ней экономическая нестабильность создают препятствия для инвесторов. Всё же для России в условиях санкций рынок МЕРКОСУР является привлекательным. Однако следует учитывать, что МЕРКОСУР находится в высокой степени зависимости от западных стран. Нельзя исключить, что в случае активизации связей с Россией страны МЕРКОСУР могут стать объектом дополнительного давления, хотя, как было показано, пока им удавалось противостоять такому давлению и соблюдать нейтралитет.

Санкционное противостояние может стать как стимулом, так и тормозом для развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и МЕРКОСУР. В условиях санкций МЕРКОСУР, как было показано путем расчетов нескольких торговых индексов, может стать перспективным и значимым торговым партнером России. В настоящий момент для России складываются благоприятные условия такого сценария, когда основные конкуренты в торгово-экономическом сотрудничестве с МЕРКОСУР (ЕС, США, Китай) сосредоточены на других приоритетах.

Список литературы

- Воловик Н.П., Изряднова О.И. Развитие общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР) // Экономическое развитие России. – 2019. – Т. 26, № 7. – С. 13–22.
- Гонсалес В.К.М., Бельотт Р.Н.Т. Внешнеэкономические отношения России с крупнейшими латиноамериканскими партнерами в условиях антироссийских санкций // Ибероамериканские тетради. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 109–122. – DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-3-109-122.
- Киреев А.П. Теории международной торговли XXI века // Экономическая школа. Альманах. – 2011. – Т. 7. – С. 7–30.
- Лавут А.А. МЕРКОСУР: современный этап развития, особенности функционирования и торговой политики в отношении третьих стран // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 6. – С. 64–74.
- Олейнов А.Г. Теории международной торговли и внешнеторгового регулирования (Часть I) // Мировое и национальное хозяйство. – 2020. – № 2. – С. 1–28.
- Расширение внешнеторговой активности российских фирм на рынках стран Латинской Америки / Сулима Е.С., Бреус Т.А., Орлова Г.А., Савинов Ю.А. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 12. – С. 111–120. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-111-120.
- Чиркин С.А. Возможности инвестиционного сотрудничества России и стран МЕРКОСУР // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 9. – С. 121–134.
- Чувычкина И.А. Структура и динамика российского экспорта на рынки Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 3. – С. 270–280. – DOI: 10.312249/ape/2022.03.12.
- Anderson J. Theoretical Foundation for the Gravity Equation // The American Economic Review. – 1979. – Vol. 69, N 1. – P. 106–116. – DOI: 10.4236/me.2016.72019.
- Anderson J.E., Van Wincoop E. Gravity With Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. – 2003. – Vol. 93, N 1. – P. 170–192. – DOI: 10.1257/000282803321455214.
- Feenstra R.C. Border Effects and the Gravity Equation: Consistent Methods for Estimation // Scottish Journal of Political Economy. – 2002. – Vol. 49, N 5. – P. 491–506. – DOI: 10.1111/1467-9485.00244.
- Helpman E., Krugman P. Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition, and the

International Economy. – Cambridge : MIT Press, 1985. – 266 p.

Kuznetsov A.V. Russian Direct Investment in Countries of Latin America // Herald of the Russian Academy of Science. – 2022. – Vol. 92, N 9. – P. S859–S864. – DOI: 10.1134/S1019331622150060.

Mikic M., Gilbert J. Trade Statistics in Policymaking: A handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators (Revised Edition) // United Nations ESCAP. – 2009. – 124 p. – URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/FullReportA> (дата обращения: 06.11.2023).

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Potential for Cooperation between Russia and MERCOSUR under Sanctions

Vladimir N. ZUEV

Dr. Sc. (Econ.), Professor at Institute of Trade Policy, Professor at Faculty of World Economy and International Affairs; Head of the Department of Trade Policy, Academic Supervisor of the International Trade Policy Programme
National Research University "Higher School of Economics"
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 115184
E-mail: vzuev@hse.ru
ORCID 0000-0002-1271-1200

Elena Ya. OSTROVSKAYA

PhD (Econ.), Associate Professor at Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University "Higher School of Economics"
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 115184
E-mail: eostrovskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0002-8208-3801

Valeria A. LEVINA

Assistant at Institute of Trade Policy
National Research University "Higher School of Economics"
Myasnitskaya Street, 13, building 4, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: valevina_1@edu.hse.ru
ORCID: 0009-0002-8125-9614

CITATION: Zuev V.N., Ostrovskaya E.Ya., Levina V.A. (2024). Potential for Cooperation between Russia and MERCOSUR under Sanctions. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 17, no. 2, pp. 168–188 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.09

Received: 29.02.2024.

Revised: 26.06.2024.

ACKNOWLEDGMENTS. The article was prepared with the support of the Faculty of World Economics and World Politics of the Higher School of Economics.

ABSTRACT. *Under the pressure of the unprecedented economic sanctions, the Russian Federation faces the tasks of reformatting its foreign economic strategy, transforming its trade policy, changing supply chains, and expanding cooperation with the partners that maintain economic neutrality, particularly with the countries in Latin America, the Asia-Pacific region, and the Middle East. The purpose of this research is to determine to what extent economic sanctions can serve as a factor for activating trade and economic relations between Russia and the countries of MERCOSUR as the most significant potential partners from the Latin American region. The research question of the article is to what extent it is possible to sooth the impact of sanctions on the Russian economy by stimulating trade links with MERCOSUR countries. The article attempts to compare the relative significance of Brazil, Argentina, Uruguay, and Paraguay as trade and economic partners for Russia at the time of sanctions. The article identifies factors contributing to the growth of potential of mutual trade and economic cooperation and those constraining it; provides an assessment of the current development of trade and investment relations between the parties; calculates indicators to determine the possibility of substituting the lost markets for export-import operations by the new ones.*

KEYWORDS: *trade policy transformation, MERCOSUR, sanctions, trade relations, investment cooperation.*

References

- Anderson J. (1979). A theoretical foundation for the gravity equation. *The American Economic Review*. Vol. 69, no. 1, pp. 106–116. DOI: 10.4236/me.2016.72019.
- Anderson J., Van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*. Vol. 93, no. 1, pp. 170–192. DOI: 10.1257/000282803321455214.
- Chirkin S.A. (2022). Russia-MERCOSUR: Investment Cooperation Opportunities. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 9, pp. 121–134.
- Chuvychkina I.A. (2022). Structure and dynamics of Russian exports to the Latin American markets. *Current Problems of Europe*. No. 3, pp. 270–280. DOI: 10.312249/ape/2022.03.12.
- Feenstra R. (2002). Border effects and the gravity equation: Consistent methods for estimation. *Scottish Journal of Political Economy*. Vol. 49, no. 5, pp. 491–506. DOI: 10.1111/1467-9485.00244.
- Gonzalez V., Bellott R. (2022). Russia's foreign economic relations with major Latin American partners in the context of anti-Russian sanctions. *Cuadernos Iberoamericanos*. Vol. 10, no. 3, pp. 109–122 (in Russian). DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-3-109-122.
- Helpman E., Krugman P. (1987). *Market structure and foreign trade: Increasing returns, imperfect competition, and the international economy*. Cambridge, Massachusetts and London: MIT press, 266 pp.
- Kireev A. (2011). Theories of International Trade in the XXI Century. *Ekonomicheskaya shkola. Al'manah*. Vol. 7, pp. 7–30 (in Russian).
- Kuznetsov A. (2022). Russian Direct Investment in Countries of Latin America. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, pp. S859–S864. DOI: 10.1134/S1019331622150060.
- Lavut A. (2010). MERCOSUR: modern stage of development, features of functioning and trade policy with regard to third countries. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 6, pp. 64–74 (in Russian).
- Mikic M., Gilbert J. (2000). *Trade statistics in policymaking: A handbook of commonly used trade indices and indicators* (Revised Edition). United Nations

ESCAP, 124 pp. Available at: <https://www.unescap.org/sites/default/files/FullReport>, accessed 06.11.2023.

Oleynov A. (2020). The theories of international trade and foreign trade regulation. *World and National Economy*. No. 2, pp. 1–28 (in Russian).

Raschireniye... (2023). Sulima E.S. et al. Expansion of foreign trade activity

of Russian firms in Latin American markets // *Russian Foreign Economic Journal*. No. 12, pp. 111–120. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-111-120.

Volovik N., Izryadnova O. (2019). Development of Common Market of South American Countries (MERCOSUR). *Russian Economic Development*. Vol. 26, no. 7, pp. 13–22 (in Russian).

УДК 339.924

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.10

Особенности межрегионального и приграничного сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС

Александра Юрьевна ПЛЮЙКО

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры интеграционных процессов и кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: aleksmg@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4321-7811

ЦИТИРОВАНИЕ: Плюйко А.Ю. Особенности межрегионального и приграничного сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. с. 189–205. DOI: 10.31249/kgt/2024.02.10

Статья поступила в редакцию 23.03.2024.

Исправленный текст представлен 10.06.2024.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу основных отличительных черт межрегионального и приграничного сотрудничества на современном этапе развития интеграции в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Показано, что сегодня развитие межрегионального и приграничного сотрудничества в объединении считается одним из приоритетных направлений, способствующих углублению и обеспечению динамичности интеграционных процессов. Активизация инициатив на межгосударственном уровне в этой сфере относится к 2020-м годам. Однако к настоящему моменту, несмотря на достаточно глубокую степень интегрированности экономик стран – участниц ЕАЭС, сфера межрегионального и приграничного сотрудничества продолжает оставаться недостаточно институционализированной и носит рекомендательный характер. В объединении отсутствуют многосторонние соглашения и механизмы сотрудни-

чества, направленные на развитие взаимодействия именно на региональном уровне. Основной акцент в анализе сделан на том, что современное состояние межрегионального и приграничного сотрудничества асимметрично, что проявляется в неравной степени важности приграничного сотрудничества для стран-участниц, гетерогенности масштаба и характера межрегионального сотрудничества, неодинаковом уровне автономии регионов в государствах – членах, различии применяемых форматов взаимодействия, большой дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Делается вывод о том, что для преодоления такой асимметричности и фрагментарности важно наличие гибких многосторонних механизмов и финансово-информационных институтов, деятельность которых будет способствовать развитию горизонтальных связей и экономической связанности на региональном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межрегиональное сотрудничество, приграничное сотрудничество, регион, пространственное развитие, ЕАЭС, евразийская интеграция.*

Развитие интеграционных процессов обычно способствует усилению межрегионального и приграничного сотрудничества между регионами государств – членов объединения. Происходит это потому, что постепенное снятие ограничений, создание новых институтов, изменение условий функционирования рынков на интегрируемом пространстве и рост взаимозависимости национальных экономических комплексов меняют положение регионов. Особенно актуальным вопрос региональной конкурентоспособности становится в случае обеспечения свободы передвижения капитала и рабочей силы. Отмена или смягчение барьеров на их перемещение в соответствии с законами центр-периферийной модели и агломерационным эффектом будет менять направления потоков факторов производства в сторону наиболее конкурентоспособных территорий. В результате некоторые регионы получают еще большие конкурентные преимущества перед другими, что может вести к усилению поляризации регионов. Такие побочные негативные эффекты интеграционных процессов изучались еще в 1950–1960-х годах [Giersch, 1949-1950; Вуэ, 1958]. Их проявления на практике можно наблюдать в Европейском союзе (ЕС) [Duro, 2007; Bouvet, 2010].

Более того, если в интеграционном объединении проводится единообразная экономическая или отраслевая политика, то ее воздействие на развитие регионов будет неоднородным. В результате региональное неравенство может стать еще более выраженным, что будет препятствовать гармоничному экономическому развитию стран,

снижать устойчивость экономических систем к кризисным ситуациям и нивелировать достижения интеграции для отдельных районов.

Интенсификация межрегионального и приграничного сотрудничества в таких условиях может выступать одним из механизмов улучшения социально-экономического развития регионов, пострадавших от перераспределения потоков факторов производства и изменения центров экономической деятельности, за счет развития межрегиональной отраслевой кооперации, использования объединенных конкурентных преимуществ, специализации и транзитного потенциала. Кроме того, стимулирование регионов стран-участниц к сотрудничеству означает более сильное вовлечение регионов в интеграционный процесс, обеспечивая динамику его развития не только «сверху», но и «снизу». Усиление взаимодействия не только на национальном уровне, но и на уровне регионов и местных властей (субнациональный уровень) будет способствовать более высокой экономической связанности пространства, реальной и более глубокой интеграции хозяйственных комплексов в рамках объединения.

Теоретико-правовые аспекты межрегионального и приграничного сотрудничества в ЕАЭС

В рамках интеграционного объединения развитие межрегионального и приграничного сотрудничества – взаимодействия на уровне регионов и местных органов власти государств – членов объединения – напрямую зависит от регулирования этого направления на национальном и межгосударственном уровне. Особенности взаимоотношений между разными уровнями власти (наднациональным, националь-

ным и субнациональным) и определение объемов их полномочий на практике определяют интенсивность, характер и динамику экономических связей регионов. Согласно исследованиям, в рамках евразийской интеграции пока доминируют национальный и первичный (субъект хозяйствования) уровни управления, в результате чего часто не учитывается региональная специфика отдельных территорий [Вертинская, 2017, с. 225]. На межгосударственном уровне институционально-правовую основу межрегионального сотрудничества составляют нормативно-правовые акты, принятые государствами – членами ЕАЭС на двусторонней и многосторонней основе.

Основополагающий договор, учреждающий ЕАЭС, – Договор о Евразийском экономическом союзе – был подписан в г. Астана в 2014 г. В его рамках оговаривается обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отдельных отраслях экономики. Цели создания ЕАЭС включают: 1) создание условий для стабильного развития экономик государств – членов объединения в интересах повышения жизненного уровня их населения; 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; 3) всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики¹.

Все эти перечисленные цели и направления деятельности в ЕАЭС имеют региональную составляющую. Однако в тексте основополагающего договора вопросам регионального разви-

тия и регионального сотрудничества внимания уделено не было. Между тем успешность функционирования экономического пространства в ЕАЭС во многом определяется тем, в какой степени интеграция будет ориентирована на специфические проблемы Союза [Буторина, Захаров, 2015, с. 55]. Одной из таких проблем как раз и является необходимость развития межрегионального и приграничного сотрудничества. Такая необходимость проистекает из слабости горизонтальных связей в ЕАЭС и выраженного регионального неравенства. Поскольку в ЕАЭС создание таможенного союза сочетается с созданием общего рынка, усиливается вероятность проявления негативных эффектов интеграции на региональном уровне. На необходимость формирования интеграционной политики на субнациональном уровне (на региональном и местном уровнях) с целью включения региональных рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы в общее экономическое пространство ЕАЭС неоднократно обращала внимание Т.С. Вертинская [Вертинская, 2013; Вертинская, 2019а; Вертинская, 2019b].

Эти вопросы в дальнейшем стали рассматриваться в ЕАЭС в контексте развития интеграционных процессов в целом. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. были приняты Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. В них четко определяется основная цель экономического развития интеграционного объединения – «достижение и поддержание качественного и устойчивого экономического роста государств – членов и Союза в целом за счет реализации их конкурентных

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст. 4. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 12.02.2024).

преимуществ»². Как раз в этом документе впервые в ЕАЭС появляется упоминание о важности регионального развития для евразийской интеграции. Согласно документу среди направлений сотрудничества, определяющих конкурентоспособность стран – участниц объединения, значится региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество). Эта область взаимоотношений рассматривается как механизм создания дополнительного стимула для интенсификации интеграционного взаимодействия, причем в этом качестве особое внимание уделяется приграничным территориям. Особенно важно, что в решении подчеркивается необходимость развития интеграционных инициатив в этой сфере на многосторонней основе.

Это решение об Основных направлениях экономического развития ЕАЭС имеет ряд важных особенностей. С одной стороны, документ носит стратегический характер и нацелен на создание долгосрочного видения экономического развития ЕАЭС. Направления развития учитывают конкурентные преимущества государств – членов объединения и определяют сферы, обладающие наибольшим интеграционным потенциалом. С другой стороны, он носит рекомендательный характер. Национальным правительствам и центральным банкам рекомендуется проводить макроэкономическую политику, ориентируясь на Основные направления, а Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) вменяется в обязанность проводить мониторинг показателей с их учетом. Очевидно, что в такой кон-

фигурации выполнение рекомендаций очень сильно зависит от принятых мер и выдвинутых инициатив на уровне государств – членов объединения.

В результате долгое время межрегиональное и приграничное сотрудничество оставалось вне пристального внимания в рамках ЕАЭС, однако с началом второго десятилетия 2000-х годов возрастает интерес к его развитию как на уровне национальных государств, так и на уровне наднациональных органов интеграционного объединения.

В 2020 г. в ЕАЭС принимаются Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года. Направленные на среднесрочную перспективу, они включают такое направление, как «выработка гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию»³. К таким целевым инструментам была причислена и активизация межрегионального торгово-экономического сотрудничества.

В результате принятия этих направлений в ЕАЭС интенсифицировались наднациональные усилия по развитию межрегионального сотрудничества. В мае 2022 г. состоялся первый семинар ЕЭК о развитии межрегионального сотрудничества, а в августе этого же года Коллегией ЕЭК была принята рекомендация «О перечне мероприятий, направленных на активизацию развития межрегионального торгово-экономического сотрудничества»⁴. Самыми важными мерами, отмеченными в документе, можно считать оценку необходимости разработки перечня реализации

2 Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.». – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/923/broschura_ONER-final-05.05.2016_.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

3 Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года». – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 12.02.2024).

4 Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 августа 2022 г. № 30 «О перечне мероприятий, направленных на активизацию развития межрегионального торгово-экономического сотрудничества». – URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=%7Be1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762edddda%7D&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l=%7B8a412e96-924f-4b3c-8321-0d5e767e5f91%7D&EntityID=35519> (дата обращения: 14.02.2024).

совместных межрегиональных проектов и возможных механизмов их финансовой поддержки на приграничных территориях государств-членов.

Несмотря на то, что в ЕАЭС признается важность межрегионального и приграничного сотрудничества, нормативно-правовая база его развития в рамках интеграционного объединения пока недостаточна. Она не институционализирована и носит рекомендательный характер. К настоящему моменту многосторонних соглашений о его развитии в рамках ЕАЭС подписано не было. В результате оно осуществляется преимущественно на двусторонней основе. Например, Российская Федерация имеет отдельное соглашение о межрегиональном и приграничном сотрудничестве из стран ЕАЭС только с Казахстаном, которое действует с 2011 г. Страны – участницы ЕАЭС используют двусторонние межправительственные и межрегиональные договоры и соглашения о дружбе, торгово-экономическом сотрудничестве как базу для осуществления межрегионального и приграничного сотрудничества. Это определяет и то, что форматы сотрудничества носят преимущественно двусторонний характер. Между тем развитие межрегионального и приграничного сотрудничества во многом зависит от развитости институтов, обеспечивающих международные связи [Вардомский, 2000, с. 54]. В этой связи наличие многосторонних соглашений и форматов сотрудничества по этой тематике может сыграть большую роль в интенсификации межрегионального и приграничного сотрудничества с целью повышения уровня благосостояния стран и развития интеграционных процессов в ЕАЭС.

Государства – члены ЕАЭС также имеют возможность опираться на дого-

воренности, достигнутые в рамках СНГ, в которое входят все государства – члены ЕАЭС. В Содружестве вопросы межрегионального и приграничного сотрудничества развиваются в соответствии с принятым в 2020 г. решением Совета глав правительств СНГ о Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года. В ее рамках межрегиональному сотрудничеству отводится роль «эффективного инструмента развития рынка товаров и услуг, диверсификации экономики, снижения негативного воздействия барьеров на перемещение производственных, инвестиционных и трудовых ресурсов между регионами»⁵. С учетом глубины интеграции, достигнутой в ЕАЭС, важно, чтобы государства-члены объединения отнеслись внимательно к следующим элементам стимулирования межрегионального сотрудничества, отмеченным в Концепции СНГ: гармонизации национального законодательства в области межрегионального и приграничного сотрудничества; развитию межгосударственной правовой базы в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества; формированию механизма взаимодействия регионов и приграничных территорий.

Текущее состояние межрегионального и приграничного сотрудничества в ЕАЭС

На настоящей стадии интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС развитие межрегионального и приграничного сотрудничества имеет свои особенности; основная его характеристика – асимметричность. Эти отличительные

5 Решение от 6 ноября 2020 г. о Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года и Плане мероприятий по ее реализации. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/6289#text> (дата обращения: 14.02.2024).

черты проявляются в неравной степени важности приграничного сотрудничества для стран-участниц, гетерогенности масштаба и характера межрегионального сотрудничества, разном уровне автономии регионов в государствах – членах объединения, различии применяемых форматов взаимодействия, значительной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития.

Приграничное сотрудничество. Рассмотрение вопросов развития приграничного сотрудничества в последнее время приобретает всё большую важность как на уровне наднациональных органов ЕАЭС, что отражено в Перечне мероприятий, так и на уровне национальных государств, что выражается в развитии национального законодательства в этой сфере. Так, в 2020 г. была утверждена Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации⁶. В академическом сообществе исследованию важности и особенностей приграничного сотрудничества также уделяется много внимания. Сочетание уникальных историко-географических, институциональных, торгово-экономических, инфраструктурных и социокультурных факторов придает каждой приграничной территории свою специфику. Меняющиеся барьерные функции государственных границ в связи с образованием интеграционного объединения особенно важны для приграничных регионов, в которых они проявляются за счет фактора соседства и динамики интеграции [Вардомский, 2017, с. 24]. В контексте развития интеграции в ЕАЭС развитие приграничных территорий и их сотрудничество рассматриваются также с точки зрения потенци-

ала сотрудничества конкретных приграничных территорий [Ткаченко, Журова, 2017], интеграционных эффектов на развитие приграничных территорий [Кузавко, 2023; Вардомский, 2021; Михайленко, Арсентьева, 2014] и особенностей отдельных двусторонних взаимодействий [Абрамов, Стрельченко, Деревянко, 2016; Приграничное сотрудничество..., 2013; Ахаев, 2019; Межевич, Ситов, 2023; Морачевская, 2013; Проблемы и перспективы..., 2021].

Для государств – членов ЕАЭС роль развития приграничного сотрудничества с другими странами объединения крайне неодинакова. В связи с особенностями географического положения стран приграничное сотрудничество в рамках евразийской интеграции имеет свои ограничения. Так, Республика Армения вообще не имеет общей границы ни с одним другим государством – членом объединения. Приграничное сотрудничество осуществляется по следующим осям: Российская Федерация – Республика Беларусь, Республика Казахстан – Российская Федерация и Республика Казахстан – Кыргызская Республика. При этом особо важное значение для экономического развития приграничное сотрудничество имеет для двух республик Центральной Азии – Киргизии и Казахстана. В этих странах доля приграничных регионов в их ВВП приближается к 70% (по данным за 2012–2017 гг.). Для сравнения: в Белоруссии этот показатель составляет около 25%, а в России – около 10%⁷.

Развитие приграничного сотрудничества также играет важную роль в развитии двусторонних торгово-экономических отношений стран. Так, на приграничные территории прихо-

6 Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/d7018a-0222ce6e3f59e0e31663969039/2577-r.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

7 Региональное развитие: межрегиональное и приграничное сотрудничество по итогам 2017–2018 гг. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/23e/Regionalnoe-razvitiye-po-itogam-2017_2018-gg.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

дится около 70% всего российско-казахстанского товарооборота⁸.

Таким образом, между государствами – членами ЕАЭС приграничное сотрудничество может осуществляться только на двусторонних контактах без участия других стран-участниц. Взаимодействие каждого приграничного субъекта одной страны с приграничным субъектом другой страны ЕАЭС имеет свои отличительные черты, обусловленные динамикой и объемом двусторонних отношений, интенсивностью торгово-экономического сотрудничества и развитостью инфраструктуры. Поэтому к каждой конкретной ситуации важно подходить индивидуально, учитывая множество факторов. При этом приграничное сотрудничество в рамках ЕАЭС можно отнести к так называемому постсоветскому типу, который основывается на использовании советского наследия, характеризуется наличием двусторонних рамочных соглашений о приграничном и торгово-экономическом сотрудничестве и отсутствием действенных институтов, поддерживающих развитие трансграничных проектов [Российское приграничье..., 2018, с. 273–274]. Учитывая, что приграничные регионы представляют собой потенциал для экономической и социальной интеграции за счет большой социальной и ментальной близости населения [Вардомский, 2021, с. 24], в рамках ЕАЭС целесообразно организовывать механизмы координации сотрудничества и программ развития пригранич-

ных территорий, обмена успешными практиками, мониторинга особенностей транспортных и экономических коридоров и логистических центров.

Масштаб и характер сотрудничества на региональном уровне. Межрегиональное сотрудничество государств – членов объединения отличается значительной гетерогенностью. Судя по разнообразию форматов сотрудничества и количеству соглашений, подписанных между регионами государств – членов ЕАЭС, наиболее динамичное и масштабное сотрудничество отмечается между регионами России и Казахстана, России и Белоруссии. Наименее развито межрегиональное сотрудничество между Арменией и Киргизией.

Межрегиональное сотрудничество Армении и Киргизии находится на начальном этапе и пока отличается низкой динамикой развития. По данным интернет-портала СНГ, до сих пор не было подписано ни одного армяно-киргизского межрегионального соглашения о сотрудничестве. Основу сотрудничества двух стран составляют межправительственные договоры. Первое заседание армяно-киргизской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству для стимулирования торгово-экономического сотрудничества состоялось только в 2022 г.⁹; в то же время между различными регионами Казахстана и России подписано около 300 соглашений¹⁰, между регионами Белоруссии и России – примерно 450 соглашений в различных сферах сотрудничества¹¹.

8 Торгово-экономические связи // Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан. – URL: https://rfembassy.ru/ln/dvustoronnie_otnosheniya/torgovo-ekonomicheskie_svyazi/ (дата обращения: 20.02.2024).

9 Министерство иностранных дел республики Армения. – URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/kg> (дата обращения: 22.02.2024).

10 По данным доклада «Региональное развитие: межрегиональное и приграничное сотрудничество по итогам 2015–2016 гг.». – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/386/Regionalnoe-razvitie-po-itogam-2015-2016-gg.pdf>, по данным интернет-портала СНГ. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/2861/> (дата обращения: 22.02.2024).

11 Организация взаимного сотрудничества с регионами России. Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. – URL: https://russia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/regions/ (дата обращения: 22.02.2024).

Отличительной особенностью межрегионального и приграничного сотрудничества в ЕАЭС является то, что взаимодействие осуществляется преимущественно на уровне столиц. Столичные агломерации играют основную роль в развитии евразийской интеграции за счет большой доли взаимной торговли и привлекательности для трудовых мигрантов [Вардомский, 2021, с. 24]. К примеру, в 2022 г. более 60% товарооборота Киргизии со странами ЕАЭС приходилось на Бишкек¹².

Характер межрегионального сотрудничества в ЕАЭС также отличается, что прежде всего объясняется торговой специализацией стран. Основа армяно-киргизского сотрудничества – это прежде всего сельскохозяйственные товары и товары широкого потребления. Так, в топ-3 товаров, которые Киргизия продает Армении, входят фасоль, спиртные настойки и чечевица (на них приходится свыше 90% всего экспорта Киргизии в Армению)¹³. В то же время сотрудничество регионов Белоруссии и Казахстана, России и Казахстана, Белоруссии и Казахстана в большей степени затрагивает такие сферы, как оптовая и розничная торговля, строительство и обрабатывающая промышленность.

Степень автономии регионов. Особенности национального законодательства каждого государства обуславливают различия в степени автономии их регионов. в результате возникают дополнительные сложности в развитии межрегионального и приграничного сотрудничества в ЕАЭС. Наиболее ярко это проявляется в развитии сотрудничества с участием регионов Белорус-

сии. Так, согласно исследованиям российско-белорусского межрегионального сотрудничества, из-за различий в объеме компетенций органов местного управления и самоуправления стран взаимодействие происходит преимущественно в форматах «государство (Белоруссия) – регионы России» и «государство – государство» [Вертинская, 2006, с. 65–66]. Базой межрегионального сотрудничества выступают соглашения, подписанные или на правительственном уровне, или заключенные между регионами Российской Федерации и Республикой Беларусь [Абрамов, Стрельченко, Деревянко, 2016, с. 167]. Тем не менее соглашения о сотрудничестве (торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарно-культурном, социальном) или другие документы с участием белорусских регионов подписаны с регионами или городами других государств – членов ЕАЭС¹⁴.

Форматы сотрудничества. Основные форматы взаимодействия в рамках межрегионального и приграничного сотрудничества в ЕАЭС – совместные проекты, работа в рамках двусторонних межправительственных комиссий или советов, конгрессно-выставочная деятельность, форумы межрегионального и приграничного сотрудничества, конференции, бизнес-форумы, двусторонние инвестиционные фонды или фонды развития. Эти форматы сотрудничества используются в разной степени государствами – членами ЕАЭС.

Деятельность в рамках межправительственных комиссий или советов по торгово-экономическому сотрудничеству проводится всеми государствами – членами ЕАЭС и может считаться

12 Трансграничные инвестиционные проекты обеспечат экономическую связанность регионов стран ЕАЭС – ЕЭК. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/transgranichnye-investitsionnye-proekty-obespechat-ekonomicheskuyu-svyazannost-regionov-stran-eaes/> (дата обращения: 22.02.2024).

13 Топ-5 товаров, которые Кыргызстан продает Армении // Sputnik Кыргызстан. – 2023. – 14 января. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20230114/kyrgyzstan-armeniya-tovarooborot-ehksport-1072004712.html> (дата обращения: 27.02.2024).

14 Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/3748/86877/> (дата обращения: 22.02.2024).

базовым форматом для развития межрегионального взаимодействия. Различные форумы, конференции и конгрессно-выставочная деятельность проводятся также во всех государствах и в большей степени основываются на инициативе регионов и бизнес-сообществ. Между тем межрегиональные форумы наиболее активно используется во взаимоотношениях по линии Россия – Армения и Россия – Белоруссия. Так, в 2023 г. прошел уже десятый российско-армянский форум¹⁵. В рамках таких форумов проводятся двусторонние консультации, круглые столы по вопросам сотрудничества с целью развития торгово-экономических, научно-технологических и гуманитарных отношений, инфраструктуры, совместных проектов. Участие в обсуждении принимают как представители правительств двух стран, так и руководство регионов и представители компаний.

Создание инвестиционных фондов можно назвать редким форматом взаимодействия в ЕАЭС. Впервые такой формат стал использоваться в отношениях по линии Российская Федерация – Киргизия. Российско-Кыргызский фонд развития (РКФР) начал функционировать с 2014 г., а его целями стали содействие двустороннему экономическому сотрудничеству, модернизация и развитие киргизской экономики и интеграция страны в ЕАЭС. А в 2017 г. было подписано соглашение о создании российско-армянского инвестиционного фонда, деятельность которого должна будет нацелена на развитие экономики за счет реали-

зации проектов в сельском хозяйстве, промышленном производстве, транспортно-логистической инфраструктуре и на высоких технологиях¹⁶.

Дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития. ЕАЭС отличается значительная гетерогенность в уровне экономического развития как между государствами – членами объединения, так и их регионами. По последним данным, в 2022 г. объем ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС) государств – членов ЕАЭС составил: в Армении – 18942 долл., Белоруссии – 22537 долл., Казахстане – 30810 долл., Киргизии – 6133 долл., России – 36308 долл.¹⁷ За пять лет (2018–2022) соотношение самой экономически развитой страны (России) и самой слабой экономики региона (Киргизии) по рассматриваемому показателю стабилизировалось на уровне 5,5–6 раз, при этом коэффициент вариации за эти годы составил около 50%.

По другим социально-экономическим показателям также наблюдается сильный межстрановой разрыв. За 2018–2022 гг. средний показатель коэффициента Джини был самым высоким в России – 0,4074, а низким – в Белоруссии – 0,2714. За этот же период средний показатель доли населения, живущего за чертой бедности, составил в Белоруссии и Казахстане больше 4,5%, в России – 11,5%, а в Армении и Киргизии – более 25%. При этом и динамика изменения уровня бедности неодинакова: если в Белоруссии и России она неуклонно снижается в рассматриваемые годы, то в Киргизии последние три

15 Девятый Российско-Армянский межрегиональный форум «Российско-армянское сотрудничество: новые вызовы и возможности» // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/events/devyatyy_rossiysko_armyanskiy_mezhregionalnyy_forum.html (дата обращения: 27.02.2024).

16 Россия и Армения создают инвестиционный фонд по развитию совместных проектов // ТАСС. – 2017. – 15 марта. – URL: <https://tass.ru/msp/4096918> (дата обращения: 27.02.2024).

17 Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2023. – С. 453. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

года наблюдается ее резкое повышение. По уровню безработицы наиболее удручающая ситуация – в Армении, где доля безработных составила 13,4% в 2022 г., в то время как в других государствах членах ЕАЭС этот показатель варьируется от 3,6 до 4,9%. В этот же год доля молодежи *NEET* в Армении и Киргизии составила около 19% при среднем показателе по ЕАЭС в 9,8%¹⁸.

Значительный разрыв в уровнях регионального развития наблюдается как между регионами разных государств – членов ЕАЭС, так и между регионами внутри этих государств. Самые выраженные межрегиональные различия наблюдаются в Российской Федерации. Без учета трех нефтегазодобывающих округов в 2019–2021 гг. ВРП самого благополучного региона был в 16–18 раз выше ВРП самого проблемного региона. Если же учитывать данные по Ненецкому, Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам, то такой разрыв многократно увеличится. В 2021 г. ВРП лидирующего Ненецкого автономного округа в 61,5 раза был выше аналогичного показателя Республики Ингушетия – наименее развитого региона¹⁹.

Меньше всего региональное неравенство выражено в Республике Беларусь. За 2018–2021 гг. разрыв между максимальными и минимальными региональными значениями ВВП на душу населения страны двукратный²⁰. Затем

следует Республика Армения: за этот же период разрыв по аналогичным средне-годовым показателям составил 3,7 раза²¹. При этом нужно отметить, что локомотивами роста выступают в стране всего два региона – г. Ереван и Сюникский марз, в которых показатель ВРП на душу населения составляет более 120% от среднего по стране, а самым отстающим регионом на протяжении трех лет остается Гегаркуникский марз.

В Киргизии региональная неоднородность еще больше: разница между самым благополучным регионом (г. Бишкек) и самым проблемным регионом (Ошская область) по ВРП на душу населения за 2019–2022 гг. составляла от 6,4 до 7,3 раза. На Бишкек приходится почти 250% от среднего показателя по стране²². Данные по Казахстану свидетельствуют, что в период с 2018 по 2022 г. разброс между максимальными и минимальными значениями ВВП на душу населения варьировался от (почти) 15 до 12 раз. В 2022 г. в Казахстане ВРП на душу населения неизменно лидирующего региона (Атырауская область – 19974,1 тыс. тенге) превысил уровень аналогичного показателя самого отстающего региона (Туркестанская область – 1671,8 тыс. тенге) почти в 12 раз²³.

Уровень дифференциации между регионами разных государств – членов ЕАЭС колоссален. Согласно отчету по межрегиональному и приграничному сотрудничеству ЕАЭС по итогам

18 Расчеты автора по данным ЕЭК. Достижение Целей в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе. Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва, 2023. – С. 28, 141. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/SDG_2023_rus.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

19 Расчеты автора по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели». 2023. Стат. Сборник / Росстат. – Москва, 2023. – С. 462–463.

20 Рассчитано автором на основании данных: Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2022. Статистический сборник. Том 1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2022. – С. 293. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/3c7/8egmdfg1b8b6sk3vh5kfougxit3g1m18.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

21 Рассчитано автором по данным Армстат. – URL: <https://armstat.am/ru/?nid=651> (дата обращения: 02.03.2024).

22 Расчеты автора по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики. – URL: <https://www.stat.kg/ru/opendata/category/28/> (дата обращения: 02.03.2024).

23 Расчеты автора по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/4983/> (дата обращения: 03.03.2024).

2019–2020 гг., сравнение только приграничных областей Республики Беларусь и Республики Казахстан по уровням ВРП на душу населения уже дает большой разброс показателей. В 2019 г. ВРП на душу населения самого благополучного приграничного региона Казахстана (Павлодарской области) более чем вдвое превысил аналогичный показатель самого благополучного региона Белоруссии (Гомельской области). Разрыв в показателях наилучших региональных результатов объема инвестиций в основной капитал на душу населения по странам ЕАЭС в 2020 г. 60-кратный. Так, в г. Ереване (Армения) этот показатель составил 467 долл. в Минской области (Белоруссия) – 2154 долл., в Атырауской области (Казахстан) – 11822 долл., в г. Бишкеке (Киргизия) – 577 долл., в Ненецком автономном округе (Россия) – 28151 долл.²⁴

Финансовые и информационные институты ЕАЭС для стимулирования межрегионального и приграничного сотрудничества

На динамику интеграционных процессов в ЕАЭС оказывают влияние разнообразные факторы, среди которых можно выделить асимметричное развитие и фрагментарность межрегионального и приграничного сотрудничества. Сохранение двусторонних форматов в этой сфере в условиях достаточно глубокой интеграции экономик и проведение единых и согласованных политик создают предпосылки к сохранению или даже усугублению региональных диспропорций. Для смягчения асимметричности в ЕАЭС важно создание многосторонних механизмов

и форматов сотрудничества для развития горизонтальных связей и усиления экономической связанности регионов. Большую роль может сыграть функционирование финансовых и информационных институтов и инструментов, которые могут выполнять функции регионального выравнивания, развития и стимулирования межрегионального и приграничного сотрудничества.

Таковыми институтами могут стать Евразийский банк развития (ЕАБР) и (или) Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). Сейчас участниками этих двух финансовых институтов являются страны ЕАЭС и Таджикистан. Официально ЕАБР позиционируется как инструмент развития и стимулирования интеграции на постсоветском пространстве и достижения Целей устойчивого развития для государств – участников объединения. Главные цели функционирования ЕФСР заключаются в преодолении негативных кризисных последствий, в обеспечении долгосрочной экономической устойчивости и в содействии интеграции экономик участвующих стран.

По аналогии с Европейским инвестиционным банком (ЕИБ), выступающим в качестве внебюджетного финансового инструмента реализации региональной политики в ЕС, деятельность ЕАБР и ЕФСР может более активно способствовать развитию межрегионального и приграничного взаимодействия стран – участниц объединения через реализацию соответствующих проектов. Например, ЕИБ при создании вменялось в обязанность содействие сбалансированному формированию общего рынка через поддержание проектов, направленных на развитие слабых регионов, модернизацию или преобра-

24 Региональное развитие: межрегиональное и приграничное сотрудничество по итогам 2019–2020 гг. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ead/Regionalnoe-razvitie-po-itogam-2019_2020-gg.pdf (дата обращения: 03.03.2024).

зование предприятий, а также проектов, представляющих общий интерес для нескольких государств – членов объединения²⁵. В уставных документах ЕАБР и ЕФСР подобных целей прописано не было. Миссии этих организаций сформулированы более широко: способствовать развитию рыночной экономики и ее росту, расширить торгово-экономические связи, обеспечить экономическую и финансовую устойчивость, содействовать дальнейшему углублению интеграции экономик государств – участников объединения. На практике и ЕАБР и ЕФСР активно поддерживают проекты, которые носят интеграционный характер и нацелены на повышение устойчивости и развития экономики, в частности масштабные инфраструктурные проекты. Такие проекты несут в себе потенциал развития межрегионального сотрудничества за счет роста транспортной связанности и облегчения выхода на рынки государств – членов ЕАЭС. Таким образом, их деятельность сможет способствовать экономическому развитию регионов, усиливать интенсивность и повышать качество межрегиональных взаимодействий.

Главным информационным инструментом в развитии межрегионального и приграничного сотрудничества должен стать недавно запущенный портал по межрегиональному сотрудничеству ЕАЭС. Его цель заключается в предоставлении возможности бесплатного размещения данных о действующих или потенциальных инвестиционных проектах, проводимых в регионах стран – участниц ЕАЭС мероприятиях, кампаниях, особенностях регионов и предоставлении ими льгот для инвесторов²⁶. Кроме того, на портале в до-

ступном виде содержится информация об инструментах и возможностях развития бизнеса, особенностях функционирования рынка товаров, услуг и труда, механизмах финансирования проектов в рамках ЕАЭС.

Функционирование портала на много облегчит налаживание межрегиональных связей, обеспечит более эффективный поиск бизнес-партнеров и инвесторов в осуществлении региональных или трансграничных инвестиционных проектов. Реализация таких проектов будет способствовать усилению экономической взаимосвязанности региональных связей между регионами государств – членов ЕАЭС. Усиление информированности бизнес- и инвест-сообщества – один из важных инструментов, при котором нивелируется еще одна особенность – недостаток информации о регионах ЕАЭС.

До недавнего времени развитию межрегионального и приграничного сотрудничества в рамках ЕАЭС уделялось немного внимания. Отсутствие упоминаний о региональной составляющей в основополагающем договоре, рекомендательный характер «Основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года», в которых впервые упоминается важность межрегионального и приграничного сотрудничества для развития интеграционных процессов, привели к тому, что это направление развивалось и продолжает развиваться преимущественно в двустороннем формате. Несмотря на активизацию усилий со стороны государств – членов ЕАЭС и его органов, до сих

25 *Traité instituant la Communauté Economique Européenne* (1957). Article 130. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT> (дата обращения: 17.01.2024).

26 Портал по межрегиональному сотрудничеству. – URL: <https://regions.eaeunion.org> (дата обращения: 17.02.2024).

пор сфера межрегионального и приграничного сотрудничества остается недостаточно институционализированной. В объединении отсутствуют многосторонние соглашения и механизмы сотрудничества, направленные на развитие взаимодействия на региональном уровне.

Между тем усиление экономической интеграции государств – членов ЕАЭС, высокий уровень институциональной интеграции²⁷, формирование общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение единых и согласованных политик в ЕАЭС создают предпосылки для развития многосторонних механизмов и инструментов взаимодействия в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества. Особенности его современного состояния – неравная степень важности приграничного сотрудничества для стран-участниц, гетерогенность масштаба и характера межрегионального сотрудничества, разный уровень автономии регионов в государствах-членах, разница в форматах взаимодействия, сильная региональная дифференциация по уровню социально-экономического развития – влияют на динамику интеграционного взаимодействия в объединении. Смягчение этих проявлений асимметричности через функционирование соответствующих финансовых и информационных институтов, механизмов и инструментов, действующих на многосторонней основе, учитывающей региональную специфику, будет способствовать усилению экономической взаимосвязанности и достижению задач евразийской интеграции.

Список литературы

Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Деревянко С.В. Межрегиональное сотрудничество в интеграционных процессах Союзного государства // *Пространственная экономика*. – 2016. – № 4. – С. 153–173. – DOI: 10.14530/se.2016.4.153-173.

Ахаев А.В. Предпосылки развития пространственной интеграции трансграничных регионов России и Казахстана // *Хуманитарни Балкански изследвания*. – 2019. – Т. 3, № 4 (6). – С. 43–45. – DOI: 10.34671/SCH.HBR.2019.0304.0009.

Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2015. – № 2 (27). – С. 52–68.

Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // *Пространственная экономика*. – 2017. – № 4. – С. 23–40. – DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.

Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // *Россия и современный мир*. – 2000. – № 2 (27). – С. 54–64.

Вардомский Л.Б. Пространственное измерение евразийской интеграции // *Региональные исследования*. – 2021. – № 4. – С. 18–28. – DOI: 10/5922/1994-5280-2021-4-2.

Вертинская Т.С. Институциональные факторы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС: методические подходы к оценке и механизм управления // *Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2017. – № 12 (1). – С. 220–225.

27 ЕАЭС занял 2-е место после Евросоюза по уровню институциональной интеграции // Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-zanyal-2-e-mesto-posle-evrosoyuza-po-urovnyu-institutsionalnoj-integratsii/#:~:text=По%20итогам%202020%20года%20Евразийский,институциональной%20интеграции%20и%20макроэкономической%20конвергенции> (дата обращения: 17.02.2024).

Вертинская Т.С. Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // Наука и инновации. – 2019а. – № 1 (191). – С. 17–20.

Вертинская Т.С. Методические основы разработки комплекса индикаторов для оценки экономической интеграции регионов стран – членов ЕЭП // Евразийская экономическая интеграция. – 2013. – № 2 (19). – С. 21–44.

Вертинская Т.С. Республика Беларусь: формирование механизма управления внешнеэкономическими связями // Экономика региона. – 2006. – № 2 (6). – С. 64–75.

Вертинская Т.С. Экономическая интеграция регионов стран – членов ЕАЭС: методология и концепция регулирования : дис. ... докт. экон. наук. – Минск, 2019b. – 375 с.

Кузавко А.С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики РАН. – 2023. – № 2. – С. 108–130. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130.

Межевич А.Н., Ситов И.П. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6. – С. 137–144. – DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-137-144.

Михайленко А.Н., Арсентьева И.И. Приграничное сотрудничество России, Белоруссии и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 4. – С. 87–93.

Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России : дис. ... канд. наук. – Москва, 2013. – 196 с.

Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы / Анисимов А.М. и др. // Евразийская экономическая интеграция. – 2013. – № 4 (21). – С. 77–96.

Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Казахстана / Тапалова А.А., Раимбеков Ж.С., Жунусова А.А., Сатканова Р.Г. // Economics: the strategy and practice. – 2021. – № 16 (4). – С. 90–101. – DOI: 10.51176/1997-9967-2021-4-90-101.

Российское приграничье. Вызовы соседства / под. ред. В.А. Колосова. – Москва : ИП Матушкина И.Н., 2018. – 562 с.

Ткаченко М.Ф., Журова А.В. Факторы и потенциал приграничного сотрудничества регионов государств – членов ЕАЭС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Экономика. – 2017. – Т. 25, № 3. – С. 319–332. – DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-319-332.

Bouvet F. Dynamics of regional income inequality in Europe and impact of EU regional policy and EMU. – 2007. – URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/events/2007/researchconf1110/bouvet_en.pdf.pdf (дата обращения: 17.01.2024).

Byé M. Localisation de l'investissement et communauté économique européenne // Revue Économique. – 1958. – N 9 (2). – P. 188–212. – Франц. яз.

Duro J.A. Regional Income Inequalities in Europe: an Updated Measurement and Some Decomposition Results // Department of Applied Economics at Universitat Autònoma de Barcelona Working Paper. – 2004. – N 04.11. – URL: <https://ecap.uab.cat/repec/doc/wpdea0411.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

Giersch H. Economic Union between Nations and the “Location of Industries” // Review of Economic Studies. – 1949–1950. – N 2. – P. 87–97.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.10

Unique Features of the EAEU Interregional and Cross-border Cooperation

Aleksandra Yu. PLIUIKO

PhD (Econ.), Senior Lecturer at the Department of Integration Processes and English Language Department № 2

MGIMO University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: aleksmg@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4321-7811

CITATION: Pliuiko A.Yu. (2024). Unique Features of the EAEU Interregional and Cross-border Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 189–205 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.10

Received: 23.03.2024.

Revised: 10.06.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the main distinctive features of interregional and cross-border cooperation at the current stage of integration in the EAEU. It is shown that today the development of interregional and cross-border cooperation in the association is considered to be one of the priorities that contribute to deepening and ensuring the dynamism of integration processes. The intensification of initiatives at the intergovernmental level in this field dates back to the 2020s. However, up to the present, despite quite a deep degree of economic integration of the EAEU members, the sphere of interregional and cross-border cooperation remains insufficiently institutionalized and is of recommendatory nature. The association lacks multilateral agreements and cooperation mechanisms aimed at developing interaction specifically at the regional level. The main emphasis in the analysis is made on the fact that the current state of interregional and cross-border cooperation is asymmetrical, which is revealed in the following aspects – unequal degree of importance of cross-border cooperation for the*

participating countries, heterogeneity of the scale and nature of interregional cooperation, unequal level of autonomy of regions in the member states, divergence in applied formats of interaction, significant regional divergence in socio-economic development. It is concluded that in order to overcome such asymmetry and fragmentation, it is essential to have flexible multilateral mechanisms as well as financial and information institutions, the activities of which will contribute to the development of horizontal ties and economic connectivity at the regional level.

KEYWORDS: *interregional cooperation, cross-border cooperation, region, spatial development, EAEU, Eurasian integration.*

References

Abramov R.A., Strel'chenko S.G., Derevyanko S.V. (2016). Interregional cooperation within integration processes in the Union State of Russia and Belarus. *Spatial Economy*. No. 4,

pp. 153–173 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2016.4.153-173.

Akhaev A.V. (2019). Background of the development of spatial integration of transboundary regions of Russia and Kazakhstan. *Humanitarian Balkan Studies*. Vol. 3, no. 4 (6), pp. 43–45 (in Russian). DOI: 10.34671/SCH.HBR.2019.0304.0009.

Butorina O.V., Zakharov A.V. (2015). Scientific basis of the Eurasian Economic Union. *Eurasian Economic Integration*. No. 2 (27), pp. 52–68 (in Russian).

Bouvet F. (2007). *Dynamics of regional income inequality in Europe and impact of EU regional policy and EMU*. Available at: https://ec.europa.eu/economy_finance/events/2007/researchconf1110/bouvet_en.pdf, accessed 17.01.2024.

Byé M. (1958). Location of the investment and the European economic community. *Revue Économique*. No. 9 (2), pp. 188–212 (in French).

Duro J.A. (2004). Regional Income Inequalities in Europe: an Updated Measurement and Some Decomposition Results. *Working Paper 04.11, Department of Applied Economics at Universitat Autònoma of Barcelona*. Available at: <https://ecap.uab.cat/repec/doc/wp-dea0411.pdf>, accessed 17.01.2024.

Giersch H. (1949–1950). Economic Union between Nations and the “Location of Industries”. *Review of Economic Studies*. No. 2, pp. 87–97.

Kuzavko A.S. (2023). Border regions in conditions of integration: theoretical estimations and practical results. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science*. No. 2, pp. 108–130 (in Russian). DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_108_130.

Mezhevich A.N., Sitov I.P. (2023). Cross-Border Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus: Development Problems in New Economic and Political Conditions. *Administrative Consulting*. No. 6, pp. 137–

144 (in Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-137-144.

Mikhailenko A.N., Arsent'eva I.I. (2014). Cross-border cooperation between Russia, Belarus and Kazakhstan in the context of Eurasian integration. *Current Problems of Modern International Relations*. No 4, pp. 87–93 (in Russian).

Morachevskaya K.A. (2013). *Bordering and Peripherality as Factors in the Development of Russian Regions Bordering Belarus*. PhD Thesis. Moscow, 196 pp. (in Russian).

Prigranichnoye sotrudnichestvo... (2013). Anisimov A.M. et al. Trans-border cooperation in the regions of Russia, Belarus and Ukraine: its status and future outlook. *Eurasian Economic Integration*. No. 4 (21), pp. 77–96 (in Russian).

Problemy i perspektivy... (2021). Tapalova A.A. et al. Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation Between Russia and Kazakhstan. *Economics: The Strategy and Practice*. No. 16 (4), pp. 90–101 (in Russian). DOI: 10.51176/1997-9967-2021-4-90-101.

Rossiyskoye prigranichye... (2018). Kolosov V.A. (ed.). *Russian borderland. Challenges of the neighborhood*. Moscow: IP Matushkina I.N., 562 pp. (in Russian).

Tkachenko M.F., Zhurova A.V. (2017). Factors and potential of border cooperation of the regions of the member states of EEU. *RUDN Journals of Economics*. Vol. 25, no. 3, pp. 319–332 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-319-332.

Vardomskiy L.B. (2017). Post-Soviet Integration and Economic Growth of the New Borderland of Russia in 2005–2015. *Spatial Economics*. No. 4, pp. 23–40 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.

Vardomskiy L.B. (2000). Russian border belt: problems and development trends. *Russia and the Modern World*. No. 2 (27), pp. 54–64 (in Russian).

Vardomskiy L.B. (2021). Spatial dimension of Eurasian integration. *Regional Studies*. No. 4, pp. 18–28 (in Russian). DOI: 10/5922/1994-5280-2021-4-2.

Vertinskaya T.S. (2006). Republic of Belarus: formation of a mechanism for managing foreign economic relations. *Regional Economics*. No. 2 (6), pp. 64–75 (in Russian).

Vertinskaya T.S. (2017). Institutional factors of economic integration of regions of the EAEU member states: methodological approaches to assessment and management mechanism. *Russia: Trends and Development Prospects*. No. 12 (1), pp. 220–225 (in Russian).

Vertinskaya T.S. (2019a). Interregional relations of Belarus with the EAEU member states. *Science and Innovation*. No. 1 (191), pp. 17–20 (in Russian).

Vertinskaya T.S. (2013). Methodological foundations for developing a set of indicators for assessing the economic integration of regions of the EES member states. *Eurasian Economic Integration*. No. 2 (19), pp. 21–44 (in Russian).

Vertinskaya T.S. (2019b). *Economic integration of regions of the EAEU member states: methodology and concept of regulation*. Dr.Sc. (Econ.) Thesis. Minsk, 375 pp. (in Russian).

Вокруг книг

УДК 008(470)

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.11

Диалог с миром: размышления о судьбе цивилизации и личности в эпоху глобальных преобразований (обзор)

Светлана Яковлевна ЛЕВИТ

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: levit44@mail.ru

ORCID: отсутствует

ЦИТИРОВАНИЕ: Левит С.Я. Диалог с миром: размышления о судьбе цивилизации и личности в эпоху глобальных преобразований (обзор) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2. С. 206–221.

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.11

Статья поступила в редакцию 25.08.2023.

Исправленный текст представлен 05.12.2023.

АННОТАЦИЯ. Обзор посвящен работам современных мыслителей, которые рассматривают проблемы философии цивилизации. Внимание исследователей приковано к обсуждению общей динамики мирового исторического процесса и места в нем России. Особый интерес представляют исследования о России как цивилизации, о российском пути цивилизационного развития, о поиске цивилизационной идентичности, о вызовах времени, с которыми Россия сталкивается сегодня. В обзор включены коллективная монография «Цивилизация: многозвучие смыслов. Меторія» [2023], книга Г.С. Померанца «Дороги духа и зигзаги истории» [2008] и книга И.С. Вдовиной

«Эмманюэль Мунье: личность и цивилизация» [2023]. Представленные в обзоре монографии вносят свой вклад в осмысление феномена цивилизации, в размышления о судьбе цивилизации, культуры, общества, человека в современную эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формационный подход, цивилизационный подход, цивилизация, техногенная цивилизация, локальная цивилизация, субглобальная цивилизация, неоварварство, кризис цивилизации, Россия как цивилизация, личность и цивилизация, духовный мир личности, коммуникация сознаний, общечеловеческая цивилизация.

Введение

В современных условиях, когда развитие цивилизации обернулось скатыванием к пропасти небытия, размышления о путях ее преобразования выдвинулись в центр споров и обсуждений во всем мире. Социокультурная актуальность исследований цивилизации определяется вызовами времени: реальностью глобального кризиса, экологической ситуацией, угрозой тоталитаризма и ядерной войны. Этим объясняется особое внимание мыслителей к анализу общества и его истории, динамики исторического процесса.

В обзор включены коллективная монография «Цивилизация: многозвучие смыслов. *Memoria*» [2023], книга Г.С. Померанца «Дороги духа и зигзаги истории» [2008] и книга И.С. Вдовиной «Эмманюэль Мунье: личность и цивилизация» [2023].

В статьях авторов коллективной монографии осмысливаются формационный и цивилизационный подходы к исследованию исторического процесса, рассматривается их соотношение, подчеркивается, с одной стороны, ограниченность общественно-формационной теории, а с другой – акцентируется их глубокая связь.

Характеризуя цивилизацию как сложное «социокультурное образование», философы открывают новые исследовательские пути в методологии изучения исторического процесса. Они исходят из того, что формационная и цивилизационная методологии задают истории разные вопросы. И если в первом случае речь идет о способе производства, то во втором – о способе существования и жизненном мире, предполагающем «кросс-культурный и философско-антропологический ракурс исследований» [Цивилизация..., 2023, с. 7].

Авторы коллективной монографии «Цивилизация: многозвучие смыслов.

Memoria» и книги «Дороги духа и зигзаги истории» определили свое понимание того, что такое цивилизация и как ее нужно исследовать. Полемика в данном круге проблем позволяет осмыслить это философское направление в его целостности через диалог различных методологических подходов к пониманию цивилизации.

В исследованиях о России как цивилизации, занимающих существенное место в обзоре, ставятся вопросы о ее смысловой принадлежности, специфике и самоидентификации в современном мире, о вызовах, которые ставят перед Россией Запад, мусульманский Восток, Тихоокеанский регион, о диалоге цивилизаций, о «концерте» национальных культур.

В монографии И.С. Вдовиной «Эмманюэль Мунье: личность и цивилизация» исследуется творческое наследие Э. Мунье, выступившего с идеей универсального развития человека и построения новой человеческой цивилизации.

В исследованиях, представленных в данном обзоре, рассматриваются различные трактовки смысла, сущности и антиномий цивилизации, цивилизационного развития. Отобранные для обзора монографии поражают универсальным размахом мысли, несут заряд инновационности и стимулируют диалог и поиск истины.

Философия цивилизации

В книгу «Цивилизация: многозвучие смыслов. *Memoria*» [Цивилизация..., 2023], посвященную осмыслению феномена цивилизации, включены работы известных философов, внесших свой вклад в исследование этой проблемы.

В творчестве Лидии Ивановны Новиковой тема «цивилизация и культура», вопросы, связанные с цивилиза-

ционным подходом в анализе истории человечества и национальных культурных типов, занимают особое место. Она считала, что доминирование формационного подхода в анализе исторического процесса сдерживает исследование проблемы множественности культур как главного фактора жизнедеятельности человека, ставит определенные границы в осмыслении идеи непрерывности человеческой истории, идеи *целостности мирового исторического процесса*.

Н.В. Мотрошилова рассматривает цивилизационную проблематику как альтернативу марксистскому формационному подходу. Она считает, что цивилизационный подход, в отличие от формационного, обосновывающего стратегию борьбы различных общественных сил, на передний план выдвигает принцип *единства, целостности человечества* и мирного существования. Свое внимание она фокусирует на «общечеловеческой цивилизации» как едином, целостном общемировом процессе, на практических проблемах цивилизационного социального взаимодействия, на выявлении антиномий цивилизации, порождающих мощные проявления варварства в ее истории, на предупреждении об опасности самоуничтожения современной цивилизации.

Цивилизацию Н.В. Мотрошилова определяет как «усложняющееся взаимодействие не прекращающих своего влияния природно-биологических факторов с социально-историческими регулятивами, возрастающее значение последних в развитии человеческого рода» [Цивилизация..., 2023, с. 140]. Основная функция человеческой цивилизации состоит, по ее мнению, «в обеспечении всё более свободных, закрепляемых и юридическими, и нравственными нормами форм совместного бытия людей и в предоставлении (в тенденции – всеобщих)

прав, свобод, гарантий, возможностей участвовать в решении своих судеб и судеб нации, страны, мира» [Цивилизация..., 2023, с. 149].

Концепция Н.В. Мотрошиловой позволяет понять истоки и смысл общечеловеческих ценностей, исторический смысл цивилизации, состоящий в утверждении человека-созидателя, в отличие от варварства, которое утверждало человека-разрушителя.

В этом, полагает Н.И. Лапин, состоит ее вклад в осмысление цивилизации как феномена в истории человечества.

Близкое понимание исторического смысла цивилизации как утверждения *созидающей деятельности человека* Н.И. Лапин находит в позиции П.П. Гайденко, которая в книге «Прорыв к трансцендентности» (1997) обратилась к этой же проблеме, но в ином – историко-экзистенциальном – ракурсе. Согласно П.П. Гайденко, «одним из экзистенциальных проявлений неоварварства техногенной цивилизации стал *разрушительный дух*, составляющий неотъемлемый компонент европейской цивилизации, начиная примерно с середины XVIII в. подготовивший французскую буржуазную революцию и давший "обильные всходы" в XIX и XX вв.». Как полагает Пиама Павловна, «его социально-психологической предпосылкой стало *болезненно-острое переживание царящих в мире зла и неправды*, переходящее в ненависть, которая становится *определяющим* состоянием души. Ненависть к злу – святое чувство, но оно легко может перерасти в ненависть к самому миру, который во зле лежит, <...> и вообще к бытию как таковому и к Богу, сотворившему такой дурной и порочный мир. Тогда-то и рождается всепоглощающая *страсть разрушения*, которая, видимо, и составляет сердцевину всех вариантов утопизма и которую выразил М.А. Бакунин. «Радость разрушения –

это творческая радость», – писал он [Гайденко, 1997, с. 478].

Главной характеристикой техногенной культуры, ее генетическим кодом было понимание человека как активного существа, находящегося в деятельном отношении к миру, преобразующего этот мир и подчиняющего себе природу. В культуре техногенных обществ система ценностей базируется на идеалах креативной деятельности и творческой активности суверенной личности. В этой системе ценностей обретают приоритетный статус научная рациональность и научная деятельность, которые воспринимаются как необходимое условие прогресса.

С прогрессом техногенной цивилизации люди связали свои надежды на лучшее будущее и не полагали, что «именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется <...> на пороге своего самоуничтожения» [Степин, 2023, с. 52].

Необходимой предпосылкой эволюции цивилизации, полагает Н.И. Лапин, является «консенсусное взаимное соответствие роли трех сфер жизнедеятельности людей»: высшей, смыслополагающей сферы цивилизации, первичной, или базовой сферы бытия – предметно-практической сферы жизнеобеспечения и срединной сферы гражданско-общественно-цивилизационных взаимодействий граждан обществ-государств, находящихся под влиянием ядра культуры данной локальной цивилизации.

Локальную цивилизацию Н.И. Лапин определяет как «спонтанно самоорганизующееся большое сообщество, состоящее из стохастических масс людей, которые в результате социализации идентифицировали свое миропонимание (мировоззрение) с ядром культуры данной цивилизации» [Цивилизация..., 2023, с. 521].

Основные противоречия формируются между смыслополагающей сферой цивилизации, сопряженной с ценностями созидания-сохранения, и интересами-силами срединной ее сферы, в которой смыслополагающая роль ядра культуры, ориентирующего человека на созидательную деятельность, на поиск решений экзистенциальных проблем-противоречий, подавляется частными интересами. И результатом доминирования частновладельческих интересов является возникновение варварства, *неоварварства*, сопряженного с разрушением. Обострение противоречий между этими сферами жизнедеятельности людей, между сакральной и мирской сферами жизни, человеком и природой, традиционной и инновационной деятельностью ведет к кризису цивилизации. «Современное варварство, или *неоварварство*, выступает как результат нарастающих противоречий между терминально-ценностным ядром смыслополагающей сферы локальных цивилизаций и доминированием частновладельческих интересов в их социальной сфере» [Цивилизация..., 2023, с. 523].

В настоящее время противоречия возникают как внутри локальных цивилизаций, так и в отношениях между обществами-государствами одной или разных локальных цивилизаций, заинтересованных в овладении полезными ресурсами других цивилизаций. И эта борьба за ресурсы, объем которых на антропогенной планете ограничен, ведется на трех уровнях: экономическом, военно-политическом, информационно-идеологическом.

Н.И. Лапин, интегрируя в своей статье ключевые размышления о методологии исследования цивилизации, приводит различные попытки дать укрупненную типологию локальных цивилизаций как дихотомии неких суперцивилизаций: традиционные – техно-

генные (В.С. Степин); традиционные – либеральные (А.С. Ахизер); восточные – западные (А.С. Панарин); пограничный тип локальных цивилизаций (Ю.Н. Гирин, В.Г. Земсков, П.С. Померанц, С.И. Семёнов, Я.Г. Шемякин); «разорванные страны» (С. Хантингтон).

К пограничному типу локальных цивилизаций, которому свойственна высокая степень сложности, относят страны Латинской Америки и Россию, характеризуя локальные цивилизации (не используя термин *локальные*) как способ решения ключевых экзистенциальных проблем-противоречий. К «разорванным странам» С. Хантингтон относит Россию, Турцию, Мексику, Австралию [Хантингтон, 2016, с. 227–257].

Лапин предполагает, что речь о «разорванных локальных цивилизациях» может идти в тех случаях, когда состав локальной цивилизации близок или совпадает с большим обществом-государством. К таким цивилизациям, по его мнению, можно отнести православную (или славянскую) цивилизацию. Он считает, что все эти концепции отражают лишь поиски типологии локальных цивилизаций, образующих многоцивилизационный мир. И одним из направлений таких поисков, по его мнению, является идея В.М. Межуева, предложившего сосредоточиться на способности культур *к диалогу* как межиндивидуальному общению людей, возникающему в результате появления особого типа культуры, в котором «впервые рождается сознание *общечеловеческого родства*, идея человечества как единого рода» [Цивилизация..., 2011, с. 361]. Соответственно, цивилизация, для ко-

торой диалог станет основным *способом общения людей* и разрешения всех противоречий и разногласий через обсуждения и дискуссию, а не с привлечением силовых методов, может называться *универсальной*, если только она состоится. Эту аргументацию Н.И. Лапин рассматривает как подход к одному из вариантов типологии существующих локальных цивилизаций: антидиалогичных, диалогичных, мультидиалогичных; с дифференциацией на внутри- и межцивилизационную сферы диалога. Он высказывает предположения о своеобразии российского цивилизационного *процесса*, который «предстает как северо-евразийский, изначально по-русски (затем всероссийски) *всесубъектно* собирающий, открытый мультидиалогу, но в то же время *пограничный* из-за внутренней сложности, на протяжении тысячелетней истории неоднократно разрывавшийся, а в настоящее время *нуждающийся* прежде всего в *преодолении двойного самообмана*¹ цивилизационной идентичности, порождающего разрыв между западным цивилизационным сознанием целеполагающих «верхов» населения и исходными смыслами ядра культуры его исполнительских «низов»» [Цивилизация..., 2023, с. 528–529]. Для успешного осуществления этого процесса требуется консолидация локального цивилизационного сознания *всего населения России*.

Россия как цивилизация

Особый интерес представляют исследования о России как цивилизации. Размышлениями на эту тему на-

¹ С одной стороны, существует самообман западного цивилизационного сознания, заложивший основу его «коллективной бессознательной самоуверенности в превосходстве своей культуры над остальными», а с другой стороны, среди образованных слоев русского населения сохраняется уверенность «не только в идентичности смыслов своего мировоззрения ядру западноевропейской культуры, но и в том, что носители этой культуры согласны с такой самоидентификацией русских» [Цивилизация..., 2023, с. 517].

полнены монография «Цивилизация: многозвучие смыслов. *Memoria*» [Цивилизация..., 2023] и книга известного культурфилософа Г.С. Померанца «Дороги духа и зигзаги истории» [Померанец, 2008].

Авторы коллективной монографии концентрируют свое внимание на вопросах о российском пути цивилизационного развития, о полемике вокруг смысловой принадлежности России – не национальной и геополитической, а скорее природной и исторической, о вызовах времени, с которыми Россия сталкивается сегодня, о причастности России к общечеловеческой судьбе, об условиях сохранения России в качестве самостоятельного субъекта истории.

С момента развала СССР в сознании граждан, переживших эту трагедию, стала укореняться идея поиска собственной идентичности, или «вхождения» России в мировую цивилизацию. В полемике о путях развития и судьбе России тезис о якобы необретенной Россией своей самости многими авторами воспринимался как неприемлемый и ложный, так как «Россия эту самую идентичность давно обрела, выносила, в ней укоренилась и ощущает себя вполне органично. Вот уже минимум пятьсот лет изо всех сил пытается ее сберечь и сохранить» [Цивилизация..., 2023, с. 361]. Как отмечает В.В. Биbihин, «Россия подчеркнуто заявила, какой цивилизации принадлежит, когда выбрала в конце X в. не западное, а восточное христианство <...>, сознательно и уверенно захотев считаться наследницей Византии» [Биbihин, 2005, с. 227].

В.И. Толстых напоминает, что тема «Россия и Европа» уходит в глубь российской истории, и в периоды реформирования России – в 60-х годах XIX и 80-х годах XX века – «спорщики» обнаруживали очень похожие точ-

ки зрения. Он считает сомнительным и неприемлемым словосочетание «Россия и Европа», поскольку оно ставит под сомнение принадлежность России к Европе, частью которой она является, и с которой она связана общими узами христианства. И также, как и Европа, Россия является наследницей Античности и римской цивилизации; право на это наследие она получила в X в. от Византии, оставившей свой ощутимый след на хозяйственном укладе, образе жизни, устроении. «Россия – страна европейская, но не западная, а восточно-европейская, то есть тоже Европа. Другая, в чем-то схожая, но во многом совсем иная <...>. Ее можно считать и назвать *восточными воротами* Европы, ее восточной окраиной, но не Азией» [Цивилизация..., 2023, с. 366].

Смысл исторического диалога между Россией и Западом по-своему выразил А.И. Герцен. Он признавал, что «Запад стал жертвой противоречий между провозглашенными христианскими (гуманистическими) целями и собственным реальным, историческим опытом, не адекватным <...> этим принципам и установкам», а также «замаячившей <...> перспективой *дехристианизации* европейской цивилизации, <...> эрозии ее основных ценностей (личность, свобода, закон, демократия)» [Цивилизация..., 2023, с. 371], перевеса «иметь» и «обладать» над «быть». И, относя Россию к Европе, он желал ей совсем другого, не мещанского будущего.

Если подвести общий итог европейского «прогресса», то он будет намного печальнее шпенглеровского «заката Европы» и «сумерек Европы» Г.А. Ландау. Григорий Адольфович Ландау (1877–1941), осмысливший трагедию Первой мировой войны и ее эсхатологические последствия для европейской цивилизации, над которой стучал сумерки

«идейный максимализм», в книге «Сумерки Европы» [2022] рассматривал эту цивилизацию не как исчерпавшую свои созидательные возможности, а как способную откатиться на обочину истории, не успев реализовать свой потенциал. И некорректно упрощенно говорить о «старении и закате Европы», как это делает О. Шпенглер, поскольку в сложном образовании Европы взаимодействуют как состарившиеся, так и преисполненные молодости витальные культуры. Он не отрицает того, что когда-нибудь существующая великая культура может прийти к своему концу, но «это не является веским доводом в пользу вынесения вердикта европейской цивилизации на основе биологической концепции жизненного цикла культуры Шпенглера» [Зая, 2022, с. 333], так как за кризисом, болезнью может последовать выздоровление и новый расцвет культуры и цивилизации. И в этом контексте он подверг критике евразийство, рисовавшее перспективу свободного саморазвития народов Евразии, способных своими силами преобразовать общество в соответствии с неевропейскими духовными установками, в условиях освобождения от западного духовного гнета, от погибающей Европы, переживающей, согласно Шпенглеру, свой закат. Ландау показал, что «само евразийство – результат культурного, интеллектуального и духовного кризиса, и установка на самоизоляцию – не выход из критической ситуации, а проявление на ее фоне полнейшей дезориентированной и интеллектуальной слабости. Более того, попытка заикнуться на своем воображаемом превосходстве по территории проживания (просторы Евразии) и оградиться от остального мира могла означать шаг назад в историческом развитии, возврат к местному племенному сознанию и к возрождению язычества» [Зая, 2022, с. 331]. Обладая

даром предвидения, Г.А. Ландау предостерегал от *разворота в сторону Азии*, о котором писали евразийцы, исходя в свое время из никчемности идеализации канувшей в Лету самодержавной России и впечатлений от зверств войны, подрывавших европейские идеалы.

В современных условиях основание европейской цивилизации подтачивается изнутри с нарастающей энергией. В.И. Толстых приводит размышления о судьбе западной цивилизации Карена Свасьяна, навеянные этими процессами. В его книге «Европа. Два некролога» [Свасьян, 2003] эти размышления звучат как реквием и поминки. Автор фиксирует кризис образа жизни Европы, дехристианизацию ценностей, апологию вещиизма и потребительства, появление не «созидающего», а «экономического» и «потребительского» человека, гимн злу и насилию, прикрытый рассуждениями о правах человека и демократии.

Следует отметить, что формула «войти в Европу» в современной ситуации обрела иной смысл. Если прежде она означала ориентацию на творческое освоение европейских достижений с сохранением своей самобытности, то теперь, когда «победоносный индустриализм», ответственный за опустошение природы, угрозу ядерного самоуничтожения, возрастающую массовую бедность, должен принять свою историческую исчерпанность, эта формула «вхождения в Европу» означает нечто иное, изменив смысл самого понятия модернизации. «В этой ситуации негоже да и глупо копировать и повторять чей-то опыт обновления и осовременивания, превращая себя в вечно догоняющую кого-то страну-недотепу» [Цивилизация..., 2023, с. 377].

Несмотря на все потери потенциала в период перестройки, испытания вызовами времени, Россия осталась великой державой и от ее ответственности

в политики будут зависеть ее роль, влияние и место в современном мире.

В сложившихся условиях, отмечает А.С. Панарин, Россия сталкивается с тремя типами вызовов: «вызовом со стороны Запада, готового потеснить Россию с ее европейских границ; вызовом со стороны мусульманского Востока, стремящегося вовлечь в сферу своего влияния не только «родственные» республики Средней Азии и Закавказья, но и соответствующие автономии, входящие в состав Российской Федерации; вызовом со стороны динамичного Тихоокеанского региона, готового к мирной колонизации нашего Дальнего Востока и Сибири» [Цивилизация..., 2023, с. 434]. Перед лицом западного вызова, по его мнению, необходима идея евразийского федерализма; обращаясь ко второй форме вызова, он говорит о том, что православно-византийская и мусульманская письменные традиции обладают потенциалом *надэтнического* синтеза, надэтнического, континентально-цивилизационного мышления и могут «стать фактором цивилизационно-континентального синтеза – духовной основы евразийской интеграции» [Цивилизация..., 2023, с. 437]. И необходимо возродить утраченные цивилизационные смыслы, диалог великих цивилизационных традиций, культур.

Наиболее серьезным А.С. Панарин считает вызов со стороны Тихоокеанского региона и говорит о перспективах сближения с «тихоокеанской цивилизацией», ее моделью модернизации. В ситуации глобального вызова, в которой оказалась наша страна, особое значение обретает «мощная мобилизующая *надэтническая идея*, в которой нашла бы разрешение проблема *евразийской идентичности* – творческого прочтения нашей цивилизационной специфики» [Цивилизация..., 2023, с. 445].

Иную точку зрения, иной оттенок мысли о мобилизующей идее высказывает В.М. Межуев. Он полагает, что Россия находится в состоянии цивилизационного поиска, о чем свидетельствует и длящийся несколько столетий спор о том, является ли она частью Запада или чем-то отличным от него, и постоянно возрождающийся интерес к так называемой русской идее в процессе поиска своей цивилизационной идентичности. Идея – «это система ценностей, имеющая более универсальное значение, чем национальный интерес», <...> она представляет собой «осознание разными нациями своей цивилизационной идентичности» [Цивилизация..., 2023, с. 317–318].

Нередко Россию воспринимают как особую, сложившуюся цивилизацию, называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией в зависимости от признака, который берется за основу: конфессиональный, этнокультурный или геополитический. К «восточно-православной цивилизации», берущей начало в Византии, относил Россию Тойнби [Тойнби, 2009]. Но В.М. Межуев считает, что существование России в качестве особой цивилизации можно поставить под сомнение, «если понимать под цивилизацией не просто культуру, а определенное общественно-экономическое и политическое состояние. Православие, несомненно, находится в истоке русской духовности и культуры, но вряд ли этого достаточно для существования особой цивилизации. Не считать же православной цивилизацией самодержавие и тоталитаризм, хотя попытки сблизить то и другое с православием предпринимаются время от времени» [Цивилизация..., 2023, с. 344]. Для отечественных и зарубежных исследователей самодержавие и тоталитаризм являются не признаком цивилизации, а неизжитого варвар-

ства, победу над которым якобы может одержать именно Запад, способный создать универсальную цивилизацию. Так думали многие философы до тех пор, пока в развитии Запада не обнаружились черты «нового варварства». «Конфликт западной цивилизации с природой и культурой, ставший причиной экологического и духовного кризиса, обозначил не только пределы роста этой цивилизации, но и ее неприемлемость в качестве *общепланетарной модели будущего устройства мира*» [Цивилизация..., 2023, с. 347].

Как верно отмечают многие исследователи, общество, сделавшее потребление *смыслом* своего существования, не способно служить основой интеграционных процессов. Путь, по которому идет Запад, воспринимается в России с существенными поправками на ее собственные культурные ценности, традиции и приоритеты. ««Русская идея» как раз и предупреждала об опасности механического переноса на российский почву всего комплекса западных идей, причем по причине не только консервативности этой почвы, но и противоречивости самих этих идей. <...> «Русская идея» <...> противопоставит универсализму западного пути не как его антипод, а как особый вид, пытающийся сочетать материальные основы жизни с *духовно-нравственными* запросами личности» [Цивилизация..., 2023, с. 349].

В нынешнем своем виде, считает В.М. Межуев, Россия представляет собой страну, которая осознала, что *ста-*

новится цивилизацией, общие контуры которой были зафиксированы в том, что получило название «русская идея». Сохранить себя в качестве самостоятельного субъекта истории Россия может, только «сознавая свою причастность к *общечеловеческой судьбе*, к судьбе *универсальной цивилизации*», которая сможет «объединить человечество в планетарном масштабе», «освободить его от проявлений варварства, сталкивающих народы в непримиримой вражде друг к другу» в бесконечные войны [Цивилизация..., 2023, с. 350]. Именно мечта о такой цивилизации, о кардинальном изменении мира породила «русскую идею», а при каких условиях эта цивилизация может состояться в современном мире – предмет размышлений, диалога и деятельности всех стран и народов мира.

Дороги духа

В книге известного ученого, мудреца Г.С. Померанца «Дороги духа и зигзаги истории» [Померанц, 2008] история России представлена в свете теории цивилизации. Г.С. Померанц, оставивший нам громадное интеллектуальное наследие, воспринимал Россию как страну, развившуюся на перекрестке субглобальных цивилизаций², оказавших на нее глубокое воздействие. Возникает вопрос: каково место России в предлагаемом Померанцем «концерте» четырех субглобальных цивилизаций (христианской, исламской, индийской, дальневосточной)? Можно ли считать

2 Он вводит понятие субглобальной цивилизации как исторической остановки на пути к глобальному диалогу культур; выделяет следующие критерии, важные для определения этого понятия: общность Священного Писания, то есть общая совокупность святынь (это может быть Библия, Коран, Ригведа и Упанишады, сочинения Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы и некоторые буддийские сутры, которые тоже были признаны китайским достоянием); общность языка Священного Писания как культурное наследие – это общность шрифта, которым записано было это писание, эти шрифты принимают и национальные языки. Границы культурных миров – это границы шрифта. С этой точки зрения граница Запада, это латиница; граница мира ислама – это арабская вязь; на Дальнем Востоке – мир иероглифов; шрифты деванагари и палийский – индуистско-буддийский мир. Этот джентльменский набор имеют все субглобальные цивилизации: западная, ближневосточная, южноазиатская, дальневосточная.

ее органической частью христианской цивилизации или Россия – гумилевская «химера» христианской, исламской и дальневосточной цивилизаций? Исследователь считает, что возможен *диалог цивилизаций*, «а целое сколотить из четырех культурных миров совершенно невозможно, потому что в каждом культурном круге есть бесконечная глубина. И это уже глубина, превосходящая человеческие способности» [Померанц, 2008, с. 250].

А может быть, Россия – отдельная цивилизация, не входящая в экуменический «концерт»? По словам Г.С. Померанца, Россия остается пока что самым крупным маргиналом византийского культурного круга, который прошел через сложную историю; Россия не является субглобальной цивилизацией, у нее нет для этого внутренних духовных ресурсов. Россия, полагает Г.С. Померанц, складывается на перекрестке великих культурных миров, но ни с одним из них она не была прочно связана. Многослойность России возникла через восприятие многих влияний. «На византийский пласт лег пласт монголо-татарский, на него – европейский, и все эти пласты образовали противоречивое, беспокойное, но живое единство» [Померанц, 2008, с. 245].

Возражая Хантингтону и Тойнби, отождествлявшим цивилизацию с культурой и усматривающим отличие одной цивилизации от другой в типе религиозной веры, то есть культуры, и исходя из этого считавшим, что существует православная цивилизация, Г.С. Померанц отвечает: ее не существует. «Россия не создала особого вселенского проекта, особой святой Книги, общего языка, вышедшего за границы империи, общего шрифта» [Померанц, 2008, с. 244]. Существует богатая, многослойная русская культура, которая стала *душой России*, определив ее неповторимый облик, а «русская цивилизация всегда творит-

ся и никогда не была сотворена. <...> Но вселенский дух Россия подхватила и легко заполняет им заимствованные формы» [Померанц, 2008, с. 244], превосходя своих византийских учителей в иконе, европейских романистов XIX в. в романе, объединяя всё то, что «разбросано в национальных ликах Европы (и не только Европы)», в цельный образ, «собирая Европу в единую империю» [Померанц, 2008, с. 200].

Возможность участия России в *экуменическом «концерте»* – «концерте национальных культур» как будущем мировом цивилизации – Г.С. Померанц видит в восстановлении отношений с западной ветвью христианства, так как Россия принадлежит к *двуетной христианской цивилизации*. На вопрос «есть ли у России самобытное культурное будущее?» Автор отвечает, обращаясь к историческому прошлому: «Есть, если мы сумеем вернуться к тому моменту, на котором мы стояли до 1917 г., когда были сделаны очень важные шаги, чтобы возродить то, что мы с XVII в. потеряли, сумеем возродить понимание огромного духовного богатства, заложенного в иконах Рублева и других иконописцев, понять это "умозрение в красках", которое относится, по-моему, к одному из высших достижений мировой культуры» [Померанц, 2008, с. 33]. Нужны также некоторая *европеизация* России и сдвиг к *культуре диалога*, благодаря которой можно собрать в единство все ростки обновленной духовной жизни. *Европеизация* – это втягивание в диалог культур, при котором национальная культура сохраняет свое лицо, а *американизация* – это подавление национальной культуры голливудским стандартом.

В современном мире, отмечает Г.С. Померанц, идет процесс формирования *мировой цивилизации*, границы между субглобальными цивилизациями сминаются, значение двух послед-

них критериев из трех (святыни, язык и шрифт) ослабевает, осуществляется становление, очень хаотическое, *глобальной цивилизации*, которой не хватает общего духа, *духа взвешенного диалога* между открытостью и закрытостью, диалога, утверждающего *единство в многообразии*. В этом процессе путь России и всех стран – «это путь быть национальным выразителем каких-то высот мировой цивилизации» [Померанц, 2008, с. 39], а для этого в обществе необходимо создавать условия для развития человека, науки и культуры.

Личность и цивилизация

В монографии И.С. Вдовиной «Эммануэль Мунье: личность и цивилизация» [Вдовина, 2022] исследуется наследие основоположника французского персонализма, выступившего в начале 1930-х годов с идеей построения новой человеческой цивилизации, в основе которой находятся личность и ее духовные ценности. Философские проблемы – онтологические, антропологические, гносеологические, социальные, культурфилософские – Э. Мунье истолковывает через призму личностного существования.

Вопрос об универсальном развитии человека – о личности и построении *новой цивилизации*, основанной на приоритете духовных ценностей, – занимает центральное место в его философии. Э. Мунье говорит о трех измерениях личности – «призвании, воплощении, сопричастности» – и об «общностной революции» как достижении сущностного единства между личностью и сообществом, свершение которой он считает «глубочайшей духовной потребностью». Именно личность находится в основе его философских размышлений в условиях всеевропейского кризиса в первой трети XX в. Этот кризис переживался многими мыслителя-

ми того времени как всеобщий кризис цивилизации, имеющий одновременно и экономический, и духовный характер. Зарождающееся персоналистское течение в философии представляло собой «суммарное обозначение» «элементарных физических и метафизических условий возникновения *новой цивилизации*» [Мунье, 1994, с. 269]. Речь шла о воздействии на историю воинствующего мышления, о восстановлении престижа реальной этики, пронизывающей все сферы общественного существования. Уточняя цель своего учения, Э. Мунье говорил о необходимости построения нового общества, содействующего универсальному развитию человека.

Целью персонализма, согласно Э. Мунье, является пробуждение в человеке личности, воспитание нового человека, способного создать *новую общечеловеческую цивилизацию*, в которой будут царить дух человечности и целостный человек, открытый для совместной жизни с другими людьми. Цивилизаторскую миссию своего учения сторонники «личностной философии» видели в обращении ко всем людям цивилизации и создании нового мировоззрения, общего для атеистов и религиозных людей. Они отстаивали плюрализм мнений, способствовали формированию поколения людей, готовых осуществлять общественно значимую деятельность независимо от их конфессиональной принадлежности.

Сторонники «личностной философии» были озабочены упадком религиозности в современном мире, стремились «вырвать Евангелие из рук буржуазии», создать *новую концепцию христианства*, обеспечивающую преобразование буржуазной цивилизации на гуманистических основах. Они полагали, что совершенствовать мир и себя может только тот человек, который соотносит свою духовную деятель-

ность с Божественной, трансцендентной. Коренное преобразование жизни людей, слом изжившей себя капиталистической цивилизации с характерным для нее режимом безответственности и эгоизма, порождающего глубоко индивидуалистический, утративший способность к самосовершенствованию тип буржуазной личности, невозможны без *духовного возрождения*, без духовной революции.

Э. Мунье и философы-персоналисты разделяют точку зрения христианских экзистенциалистов Г. Марселя и К. Ясперса, в учениях которых их привлекает стремление связать внутренний мир человека с абсолютным, Божественным бытием. Э. Мунье согласен с трактовкой личности Г. Марселем, утверждавшим, что личность рождается в тот момент, когда «я» осознает то, что оно есть нечто большее, чем его собственная жизнь. В персонализме, отмечает И.С. Вдовина, понятие трансценденции характеризует *духовный мир* личности, а не чувство и сознание. «Область духа – это та сфера опыта личности, где человеческое существование осмысливается с позиций добра и зла, блага и греха <...>; дух – это и самосознание человека» [Вдовина, 2022, с. 58]. Сфера духа открыта некоему высшему бытию. Исходя из Божественной трансценденции только и могут быть поняты «целостный» человек и его истинное предназначение. Из Божественного, трансцендентного сознание человека черпает силы, преобразующие реальное в человеческое.

В персоналистическом понимании личностного самоосуществления и самопроявления человека значительное место занимает *эстетическое начало*. Искусство признается Э. Мунье адекватным средством описания и понимания личностного бытия, сосредоточенного в духовном мире человека. Литература, литературное творчество он

именовал «языком личности». Именно искусству, полагает он, дано выразить *невыразимую сущность* Божественной трансценденции. Искусство всегда трансцендентно – оно отображает и судит действительность от имени «целостной» реальности.

Анализируя человеческую деятельность в различных ее аспектах: познавательном, преобразующем, коммуникативном, – Э. Мунье показывает, что художественное творчество необходимо органически вписать в человеческую деятельность, в отношение человека к миру, к самому себе и к другим людям. Признав «художественность» онтологическим атрибутом личности, Э. Мунье критиковал буржуазное общество, которое из жизни людей, из их деятельности вычеркивает художественное начало, обрекая их на автоматическое действие, не дающее возможности для самовыражения.

В работе «Персоналистская и общностная революция», в которой понятия «персонализм» и «общность» употребляются как тождественные, Э. Мунье ставит задачу обоснования *нового типа жизнедеятельности* людей, включающего нетрадиционное понимание межчеловеческого общения, которому свойственны *человечность* как изначальное отношение человека к действительности и человека к человеку, *взаимопонимание* людей, *уважение* к человеку. В этом сообществе каждая личность, сопричастная целостности, реализует свое духовное предназначение.

Преобразование человека и его деятельность, наполненная новыми смыслами, нацелены на всеобъемлющую реконструкцию цивилизации. В книге «Что такое персонализм?» (1947) Э. Мунье писал: «Главное в судьбе человека – не господство над природой, не наслаждение жизнью, а *коммуникация сознаний* и взаимопонимание лю-

дей» [Мунье, 1994, с. 81]. Коммуникацию он определял как «фундаментальнейшее свойство личности».

Одна из существеннейших идей персонализма, по утверждению Э. Мунье, – это «мысль о единстве человечества, существующего в пространстве и времени», о «едином и неделимом человечестве» [Мунье, 1999, с. 485]. Э. Мунье верил в духовную реальность, которая всех объединит. Именно поэтому *цивилизацию*, за которую ратовал персонализм, Э. Мунье назвал «персоналистской и общностной». Персоналистское учение о человеческом единстве формировалось в противовес многообразным формам расизма и кастовости, отторжения от общества всяческих «ненормальных», ненависти к инородцам, политическим противникам. Э. Мунье и его единомышленники не только обнажили и критиковали «беспорядки», несовершенство современной цивилизации, но главным образом были сосредоточены на осмыслении перспектив человеческого существования в целом, на проблемах создания *новой цивилизации*, в которой будут царить дух человечности и целостный человек, открытый для совместной жизни с другими людьми.

Критикуя буржуазное общество, не учитывающее потребности людей в духовном развитии, Э. Мунье отмечал, что предел устремлений персоналистов – не комфорт, не безграничное потребление, не благосостояние, а *духовное развитие человека*.

Заключение

В обзоре представлена панорама размышлений о судьбе цивилизации, человека в эпоху глобальных перемен. Через творчество исследователей феномена цивилизации осуществляется перекличка идей и концепций, происходит диалог по важнейшим проблемам

человеческого существования, осмысление уникального духовного измерения человеческой жизни. В работах, представленных в обзоре, отмечается совпадение интереса к исследованию проблем цивилизации с переходными историческими эпохами и периодами кризисов культуры и цивилизации, актуализирующих эти проблемы. В этих работах авторы, анализирующие происходящие процессы, стремятся найти ответы на вопросы современности.

В обзоре представлены различные трактовки цивилизационного развития, очерчен историко-философский и методологический контекст размышлений о цивилизации; фокусируется внимание на «общечеловеческой цивилизации» как едином, целостном общемировом процессе, на формировании глобальной цивилизации, на выявлении антиномий цивилизаций, порождающих проявления варварства и неоварварства в ее истории, на неоварварстве техногенной цивилизации, разрушительный дух которой может привести к самоуничтожению современной цивилизации.

Размышления исследователей о своеобразии российского цивилизационного процесса занимают важное место в обзоре. Вокруг смысловой принадлежности России, ее пути цивилизационного развития, причастности России к общечеловеческой судьбе существует полемика, в ходе которой звучат самые разнообразные идеи: о необходимости возрождения утраченных цивилизационных смыслов, диалога великих цивилизационных традиций; мобилизующей надэтнической идее, в которой нашли бы разрешение проблемы «европейской идентичности»; о необходимости обращения к теме «русская идея» – системе ценностей, имеющей более универсальное значение, чем национальный интерес, и представляющей собой осознание разными нациями своей цивилизационной идентичности.

Многозвучие смыслов наблюдается и в представлениях о самости России. Некоторые авторы считают неприемлемым тезис о якобы еще необретенной идентичности России, так как эту идентичность она давно обрела, выбрав восточное христианство, став наследницей Византии; другие авторы считают, что Россия находится в состоянии цивилизационного поиска. Россию называют то «восточно-православной цивилизацией», то восточнославянской, то православной, то евразийской. И высказывается мысль о том, что Россия представляет собой страну, которая осознала себя *становящейся цивилизацией*, причастной к судьбе универсальной, общечеловеческой цивилизации.

Авторы представленных здесь работ размышляют о формах соотносительности человека с миром, определяют пути преодоления деструктивных процессов, стремятся найти способы разрешения дихотомий человеческого существования, мечтают о кардинальном преобразовании мира; не только анализируют существующие процессы, но и заглядывают в будущее, предвосхищают создание общества, соответствующего сущностным потребностям существования человека, в котором будет царить диалог равноправных, суверенных цивилизаций многоцивилизационного мира. Таков образ будущего мира, условием прогресса которого является свободное взаимодействие народов, культур и цивилизаций.

Знакомство с этим многозвучием идей и смыслов, с различными видениями сложнейших проблем исторического развития России, многообразием ответов на наболевшие вопросы российского бытия, с размышлениями о ее месте в мировой цивилизации и ее геополитическом пространстве, с представлениями о своеобразии России – «мира миров», мира, объединяющего множество этносов, культурных миров

в сложное, целостное, самодостаточное образование – «государство-цивилизацию», укрепляющее свой суверенитет и несущее в современный мир, охваченный кризисом, традиционные ценности, позволяет соприкоснуться с образцами человеческой мысли и побуждает к переосмыслению форм взаимодействия России с современным, стремительно меняющимся миром, а также к дальнейшим разысканиям в сфере философии цивилизации.

Список литературы

Бибихин В.В. Введение в философию права. – Москва : Институт философии РАН, 2005. – 345 с.

Вдовина И.С. Эмманюэль Мунье: личность и цивилизация. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 116 с.

Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.

Зая И.Ю. Послесловие // Ландау Г.А. Сумерки Европы. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2023. – С. 327–350.

Ландау Г.А. Сумерки Европы (Серия «Письмена времени»). – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 360 с.

Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр. И.С. Вдовиной. – Москва : Республика, 1999. – 559 с.

Мунье Э. Что такое персонализм? – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 1994. – 128 с.

Померанц Г.С. Дороги духа и зигзаги истории (Серия «Российские Пропилеи»). – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 384 с.

Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. – 2-е изд., испр. (Серия «Российские Пропилеи»). –

Москва ; Санк-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 618 с.

Свасьян К.А. Два некролога. – Москва : Evidentis, 2003. – 304 с.

Тойнби Арнольд Дж. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К.Я. Кожурина. – Москва : Изд-во АСТ, 2009. – 670 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва : Изд-во АСТ, 2016. – 576 с.

Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / отв. ред.-сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский (Серия «Humanitas»). – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2023. – 540 с.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.11

Dialogue with the World: Reflections on the Fate of Civilization and Personality in the Era of Global Transformations (Review)

Svetlana Ya. LEVIT

PhD (Philosophy), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: levit44@mail.ru

ORCID: no

CITATION: Levit S.Ya. (2024). Dialogue with the World: Reflections on the Fate of Civilization and Personality in the Era of Global Transformations (Review). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 206–221 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.02.11

Received: 25.08.2023.

Revised: 05.12.2023.

ABSTRACT. *In the review there is a dialogue of modern thinkers on the problems of the philosophy of civilization. In the era of global changes, the attention of researchers is focused on discussing the planetary nature of civilizational changes, the general dynamics of the world historical process and the place of Russia in it. Of particular inter-*

est are studies on Russia as a civilization, on the Russian path of civilizational development, on the search for civilizational identity, on the challenges of the time that Russia is facing today. The review includes a collective monograph “Civilization: the Polyphony of Meanings. Memoria” [2023], the book by G.S. Pomerants “The Roads of the Spirit

and the Zigzags of History” [2008], and the book by I.S. Vdovina “Emmanuel Munier: Personality and Civilization” [2023]. The monographs presented in the review contribute to the understanding of the phenomenon of civilization, to reflections on the fate of civilization, culture, society, and man in the modern era.

KEYWORDS: formational approach, civilizational approach, civilization, technogenic civilization, local civilization, sub-global civilization, antinomies of civilization, neo-barbarism, crisis of civilization, Russia as a civilization, personality and civilization, spiritual world of a personality, creativity, communication of consciousness, community of personalities, unity of humanity, universal civilization.

References

- Bibikhin V.V. (2005). *Introduction to the Philosophy of Law*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 345 pp. (in Russian).
- Gaidenko P.P. (1997). *Breakthrough to the Transcendent: a New Ontology of the Twentieth Century*. Moscow: Republic, 495 pp. (in Russian).
- Huntington S. (2016). *Clash of civilizations*. Moscow: AST Publishing House, 576 pp. (in Russian).
- Landau G.A. (2022). *Twilight of Europe* (The “Writings of Time” series). Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022, 360 pp. (in Russian).
- Munier E. (1999). *Manifesto of personalism*. Trans. with fr. I.S. Vdovina. Moscow: Republic, 559 pp. (in Russian).
- Munier E. (1994). *What is personalism?* Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 128 pp. (in Russian).
- Pomerants G.S. (2008). *The Roads of the Spirit and the Zigzags of History* (The series “Russian Propylaea”). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 384 pp. (in Russian).
- Pomerants G.S. (2014). *Passionate one-sidedness and dispassion of spirit* (The series “Russian Propylaea”). 2nd ed. corrected. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 618 pp. (in Russian).
- Svasyan K.A. (2003). *Two obituaries*. Moscow: Evidentis, 304 pp. (in Russian).
- Toynbee A.J. (2009). *History research. The emergence, growth and disintegration of civilizations*. Translated from the English by K.Ya. Kozhurina. Moscow: AST, 670 pp. (in Russian).
- Tsivilizatsiya... (2023). Smirnov A.V. et al. (eds.). *Civilization: the polyphony of meanings. Memoria* (Series “Humanitas”). Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 540 pp. (in Russian).
- Vdovina I.S. (2022). *Emmanuel Mounier: Personality and Civilization*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 116 pp. (in Russian).
- Zaya I.Y. (2023). Afterword. Landau G.A. *Twilight of Europe*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, pp. 327–350 (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 2 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 30.06.2024
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,9 Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6